

Военные
приключения

ФОРТ ДАЛАНГЕЗ

ТАТЬЯНА БЕСПАЛОВА

УДК 821.161.1-311.3
ББК 84(2)
Б53

«Военные приключения» является зарегистрированным товарным знаком, владельцем которого выступает ООО «Издательский дом «Вече».

Согласно действующему законодательству без согласования с издательством использование данного товарного знака третьими лицами категорически запрещается.

Составитель серии В.И. Пищенко

Беспалова, Т.О.

Б53 **Форт Далангез : роман / Татьяна Беспалова. — М.: Вече, 2023. — 304 с. — (Военные приключения).**

ISBN 978-5-4484-4043-4

Знак информационной продукции 12+

Военные историки сравнивают Эрзерумское сражение, руководимое генералом от инфантерии Николаем Николаевичем Юденичем, с прославленным швейцарским походом русской армии под командованием Александра Васильевича Суворова. Операция по захвату хорошо укрепленной горной крепости была блестяще подготовлена и проведена в условиях суровой зимы. Внезапность наступления Кавказской армии обеспечили секретность и скрытность при подготовке к нему. Автор предлагает читателю узнать историю жизни Амаль Меретук, Бориса Мейера и других патриотов нашего Отечества, сделавших всё возможное и невозможное для победы русского оружия под Эрзерумом.

**УДК 821.161.1-311.3
ББК 84(2)**

ISBN 978-5-4484-4043-4

© Беспалова Т.О., 2023
© ООО «Издательство «Вече», 2023

ЗАБЫТЫЙ ПОДВИГ

(Предисловие автора)

Овладение крепостью Эрзерум войсками Кавказской армии 3 (16) февраля 1916 года является одной из славных и, увы, забытых страниц российской военной истории. Операция по захвату хорошо укрепленной горной крепости была блестяще подготовлена и проведена в условиях суровой зимы. Внезапность наступления Кавказской армии обеспечили секретность и скрытность при подготовке к ней. Для закрепления успеха развернулось наступление, следствием которого явился захват значительной территории Турецкой Армении с городами и населёнными пунктами, имевшими стратегическое и военно-политическое значение.

Военные историки сравнивают Эрзерумское сражение, руководимое генералом от инфантерии Николаем Николаевичем Юденичем, с прославленным швейцарским походом русской армии под командованием Александра Васильевича Суворова. Несмотря на это, победа русского оружия под Эрзерумом не получила должной оценки среди современных ей военных и политиков. Общественное мнение воевавших стран также обошло её своим вниманием. В Турции долгое время запрещалось упоминать о поражении в Эрзеруме под угрозой тюремного заключения. Историк Первой мировой войны Н.Г. Корсун пишет следующее: «Характерно, что турецкий султан и его окружение узнали о падении

крепости Эрзерум лишь через несколько месяцев». Союзники России по Антанте также не были в восторге от успеха русской армии на территории, входившей в сферу их интересов. По итогам Эрзерумской победы Россия получила военно-стратегическое преимущество над Турцией, но не смогла извлечь из этого обстоятельства тех дивидендов, на которые вправе была рассчитывать. Эта историческая несправедливость и стала причиной забвения Эрзерумской операции. Не описывались те события и в беллетристическом формате. Я предлагаю вам историю Амаль Меретук, Бориса Мейера и других патриотов нашего Отечества, сделавших всё возможное и невозможное для победы русского оружия под Эрзерумом...

Пролог

ТИФЛИС. НАЧАЛО ОСЕНИ 1915 ГОДА (рассказ генерала от инфантерии Николая Николаевича Юденича)

Пару недель тому имя Леонида Однодворова исчезло из разделов светской хроники «Воронежского телеграфа», «Вятского края», «Крымского вестника», «Речи» и тому подобных изданий, известных своей желтизной и вульгарностью трактовок. Адама Ковшиха (он же Леонид Однодворов) следует ждать буквально с минуты на минуту. Участник губернских скачек, соревнований по игре в поло, гонках на всевозможных парусных, моторных, вёсельных и прочих судах, рискованных полётах на аэропланах и лазанья по отвесным кручам, а также кабацких драк и любовных похождениях самого бульварного толка с канканирующими в кабаре танцовками — всё это Леонид Однодворов. А вот его двойник, именуемый Адамом Ковшихом, совсем другой человек — скромный, избегающий огласки купец первой гильдии и почётный гражданин, набожный жертвователь монастырей и храмов. Только вот с приставшей православному христианину склонностью к семейной жизни и чадолубием у господина Ковшиха не задалось. Нет жены и нет наследников, что для «Воронежского телеграфа», «Речи» и прочей печатной дряни большая преферен-

ция. Ещё бы! Склонный к разнообразным приключениям, нестарый холостяк с импозантной внешностью, да к тому ж ещё и богач — вот настоящий герой для статеек из колонки «Светская хроника». Однодворов-Ковших — лакомый кусок для модничающих тщеславных бездельниц и объект ревнивого внимания для мужчин. Ковших — существо таинственное и серьёзное, личная жизнь которого скрыта за семью печатями и заперта на семь замков.

Итак, я ждал завтрака с минуту на минуту и явления господина Ковших в ближайшей перспективе, когда горничная Галя внесла на подносе визитную карточку, которую сопровождала собственным коротким рапортом:

— Господин Ковших, глава торгового дома вдовы Шель.

Я взглянул на карточку.

— Тут написано: «Леонид Однодворов. Путешественник».

Галя зарделась.

— Но господа Ковших и Однодворов одно и то же лицо, сударь, — пролепетала она.

— Меня зовут Николай Николаевич Юденич. Младшие офицеры, состоящие на службе у меня в подчинении, называют меня господин генерал или ваше превосходительство. Вы тоже состоите на службе, но не половым в трактире, и вы не офицер, голубушка моя. Вы служите у меня дома, и мы с Александрой Николаевной относимся к вам, как к любимой племяннице. А посему для вас я Николай Николаевич, а никакой не сударь. Понятно?

— Понятно, Николай Николаевич.

Галя сделала книксен.

— Зови этого Одноворова сюда. Да поторопись с самоваром. Александре Николаевне скажи, дескать, к завтраку у нас один гость...

— Двое-с, Николай Николаевич.

— Как?

— С господином Ковшихом ещё один человек. Точнее, ещё одна.

— Дама?

— Нет-с, сударь. Кажется, это цыганка.

Смущение Гали вконец рассмешило меня.

— А я-то надеялся увидеть вдову Шель.

— Не думаю, что эта женщина вдова-с. Её одежда... Юбки... И она...

— Что? Канканирует непосредственно в моей прихожей?

— Она декольтирована...

— Ба! — я взглянул на часы. — В декольте! В десятом часу утра! Пожалуй, она ещё не ложилась. В таком случае, опохмелиться за моим завтраком им не удастся. У нас шампанское подают только к обеду.

Галя покраснела пуще прежнего, а я залюбовался её живностью. Буря чувств в юном сердечке — экая прелесть! Собственно, ничего особенного в нашей Гале нет. Черты лица крупноватые для столь хрупкой девушки, но гармоничные. А это выражение благодушной задумчивости, скорее свойственное монашествующим старикам, делает любое лицо неизъяснимо красивым. А тут ещё эта крахмальная накладка, не белая, а именно цвета слоновой кости, который так идёт к оттенку её гладкой кожи. А тут ещё это со вкусом пошитое из хорошей материи платье и тонкого кружева передник, и серьги с перламутром в фарфоровых ушках. На всякий праздник большой и незначительный Галя получает

от моей жены, Александры Николаевны, ценный для девушки подарок: отрез на платье, украшения, бельё. Таким образом да при приличном жалованье наша Галя сделалась настоящей франтихой. Наша Галя умна, но слишком уж добра, впечатлительна и влюбчива. Да и Господь с нею!

* * *

Не-дама вошла в столовую первой. Шелест её ярких юбок навел на мысли о ружейном залпе полуроты стрелков. Однако декольте меня впечатлило меньше, возможно, оттого, что наша «не-дама» являлась ровесницей приснопамятной вдовы Шель. Следовавший за не-дамой Адамчик выглядел как обычно, то есть довольно свежо для человека, пережившего так много бурных приключений. Неужто «Вестник Крыма» и прочая словоблудь всё врут?

— Приветствую, дядюшка! — весело молвил долгожданный визитёр. — Знакомься: это Амаль. Она черкешенка, циркачка и может быть нам полезна.

— Вот как! — проямлил я, разглядывая золото и каменья на руках Амаль.

Тем временем «не-дама», широко разложив свои юбки на двух стульях и не дожидаясь приглашения, извлекла на свет потрёпанную цыганскую колоду и тонкую трубочку, которую тут же и закурила. Её тёмные брови были сведены в одну горизонтальную линию, а тонкие губы плотно сомкнуты. Глаза она щурила, оберегая их от исходящего трубочкой дыма. Ниже покрытого лёгким пушком подбородка располагалось декольте, прикрытое лишь отчасти огромным медальоном — необработанный кусок бирюзы на серебряной подложке размером с кофейное блюдце. Это грубое

на вид украшение странным образом притягивало мой взор, и внимание моё не осталось незамеченным Амаль. Женщина улыбнулась, показав два ряда золотых зубов, чем ввергла меня в неподдельное смущение.

Подмога явилась вовремя и в лице моей любимой жены, стремительно вбежавшей в столовую с распахнутыми объятиями. Застрявший в них на несколько минут Адамчик гулил и булькал, как младенец, а из его карих, слегка навывкате выразительных глаз выкатилось даже несколько вполне искренних слезинок. Взаимное представление Александры Николаевны и Амаль, несколько затянутое по времени, всё же прошло вполне гладко. Я же тем временем снова смог обрести утраченное было самообладание.

— Черкешенка? Амаль? — ворковала жена. — Что же, не подать ли шампанского?

— На мой взгляд, рано, — отчеканил я, и Александра Николаевна, понимавшая меня лучше, чем кто-либо другой, поспешно удалилась.

— Обсудим дела? — быстро спросил Адамчик, когда за Александрой Николаевной закрылась дверь.

— Обсудим позже. В столовой завтракают. Дела обсуждают в кабинете, — отвечивал я.

— Ценю твою методичность и приверженность традициям, дядюшка, — улыбнулся Адамчик.

* * *

Горничная внесла самовар. Жена — поднос с закусками и приборы. Расставив на столе тарелки, Александра Николаевна быстро вышла с озабоченным выражением на лице. Иное дело Галя, горничная. Я заметил, как наша франтиха засматривается на золотую цепь и перстни Адамчика, на его новый, с иго-

лочки, английский костюм и гетры. При этом карие глазки её увлажнились, а взор сделался глубже днепровского омута. Думаю, дело не только в очевидных атрибутах чрезмерного богатства, но и в кукольной внешности Адамчика. Действительно, опрятная подтянутая фигура, свежий румянец и правильные черты лица весьма обольстительны для девиц впечатлительных и не лишенных тщеславия, подобных нашей Галя. Сыграли свою роль и статейки в «Рупоре Твери» и прочих пакостных листках, которые Галя — я был уверен в этом — не только внимательно просматривает, но и воспринимает на свой лад и под вполне определённым углом.

Подышать одним воздухом с объектом обожания — вожаемая цель любой влюблённой девушки. Не потому ли Галя с риском обжечься тщательно и не торопясь оглаживает чистым полотенцем огненные бока самовара, который и без того вполне чист и блестит, как новое зеркало. Она будто бы вовсе и не смотрит на Адамчика, который в несколько искаженном виде отражается в медном боку самовара. Ей хочется задержаться в комнате возможно дольше, послушать разговор, но Адамчик умолкает, не сводя глаз со своей странной спутницы.

Действительно, от подобной особы непросто отвести взгляд. Её буйные разметанные по плечам кудри перехвачены на лбу свёрнутым в жгут пёстрым платком. Нижние её гремучие юбки крепко накрахмалены. Верхние, многоярусные, пошиты из тонкого шёлка слепящих солнечных расцветок. Лицо её с плавными чертами гладкое, без морщин, с ускользящими, словно подтёртыми временем чертами. Взгляд фиалковых глаз своей прямоотой и проникновенностью поверг-

нет в смущение любого. Такой взгляд бывает только у очень юных девушек. Такой взгляд и запоминается, и чарует. Тщетно пытаюсь угадать её возраст, я время от времени приглядывался к Амаль Меретук и всякий раз стушёвывался, натываясь на этот взгляд — и наивный, и всепонимающий одновременно.

Тем временем Адамчик болтал не умолкая. Предметом его болтовни являлись темы самые невинные. Он толковал о своих многочисленных увлечениях, самым горячим из которых на сегодняшний момент, без сомнения, являлись аэропланы.

— Я приобрёл их несколько! — кричал Адамчик. — Два аэроплана самых современных марок. Два «Ньюпора» и один системы Фармана. Уверяю вас, «Ньюпор» вполне способен набрать достаточную высоту даже в разреженном воздухе Кавказского театра военных действий. Их все я передал Сибирскому авиаотряду, командование над которым препоручено моему другу Мейеру. Борис Иванович Мейер, доложу я вам, настоящая глыба! Ничего не боится. В загробную жизнь и Новое пришествие не верит, но умереть при этом не боится. Даже Божьим гневом пренебрегает. Атеист-с! Скоро-скоро Сибирский авиационный отряд прибудет в Гасан-кале...

Я набылчился. Гнев закипел в груди. Адам Ковших (он же Одноворов) — герой губернских жёлтых листов — и в курсе тактических планов Кавказского командования! Какая недоработка со стороны штабистов... Во что бы то ни стало пресечь!

— Откуда такие сведения? — прогремел я, едва сдерживая гнев.

Адамчик осел, сделал вид, будто смущён, и пролепетал приторно-елейным голоском:

— Так я же имею-с честь состоять генеральным поставщиком Его Величества Сибирского авиаотряда. Третьего года, ещё до начала известных событий, несколько месяцев провёл в злокозненной Германии-с, изучая авиационное дело-с, где и постиг его в совершенстве... Амаль, убери свои карты. В этом доме сами не плошают, но на Бога надеются. В этом доме твои предсказания ни к чему.

— Карты никогда не врут, в отличие от людей, — невозмутимо отвечала Амаль, раскладывая на краю стола некое подобие пасьянса.

Тон и содержание речей Адамчика просыпались на пену моего гнева крупной солью. Я осёкся, наткнувшись на испуганный взгляд Галины. А тут ещё и Александра Николаевна вернулась в столовую, чтобы разлить чай. Галя подавала ей приборы. Обе женщины, такие разные, при общей внешней сдержанности, казалось, объединились в своём неприятии к карточному гаданию. В то же время и сам Адамчик, как мне показалось, охладел к вошедшей повсеместно в моду теме спиритизма и прочей потусторонней чертовщины.

Смахнув несуществующие пылинки с зеркального бока самовара, Галя ещё раз зыркнула на цыганку, не скрываясь перекрестилась. Чудачка! Адамчик же лишь сморщил свой горбатый нос и оскалил зубы. Оскал этот означал у него улыбку. Цыганка же всё шелестела и шелестела своей потрёпанной колодой. Водевиль, да и только, что и немудрено. Где Адамчик, там и водевиль.

Жена моя тем временем расставляла на столе закуски, предлагая Адамчику и его подруге наши скромные яства:

— Вот. Откушайте, что Бог послал.

— Бог? Вы предлагаете от Бога представительнице Дьявола на земле, — рассмеялась цыганка.

— Амаль! Ты в добропорядочном доме... — фыркнул Адамчик.

Жена потупилась. Заметив её смущение, господин Ковших продолжал:

— Вы знаете, мой друг-авиатор Борис Иванович Мейер совершеннейший атеист. «Мне говорили, что Бог на небе. Я там был, но Бога не видел» — так говорит он. Однако и вопреки собственному атеизму, он совершеннейший русский патриот. Николай Николаевич, совсем скоро он будет иметь честь представиться вам. Скоро прибудет в распоряжение Отдельной Кавказской армии с моими аэропланами. Один из них я намерен пилотировать лично. Хочу, так сказать, продемонстрировать класс. Как вы на это смотрите, Николай Николаевич, а?

Я не сразу нашелся с ответом, а Галя, ахнув, выронила салфетку.

— Галя, вы можете идти, — тоном, не терпящим пререканий, проговорила моя жена.

Бедняжка поспешно удалилась, прикрыла дверь, оставив узкую щель, через которую я мог видеть её розовое ушко. Цыганка проводила её недоброй усмешкой. А я позволил себе добавить одно замечание личного характера:

— Твой друг — поручик Мейер мне знаком. Отличный офицер! Относительно его атеизма мне ничего не известно, знаю только, что у него есть невеста и он счастлив своей любовью, в то время как ты...

Хохот цыганки прервал меня самым бестактным образом. Кроме того, мне внезапно сделалось стыдно перед этой совсем незнакомой, странной женщиной. Ну кто я такой, чтобы рассуждать о подобном? Го-

сподь не дал нам с Александрой Николаевной детей, и теперь выходит так, что одного я готов усыновить, а другого обидеть, не ведая правды о нём. Таким образом, я осёкся, не докончив фразы.

— Мейер неправ, — голос цыганки прозвучал глухо. — Бог есть. Его бытие не вызывает сомнения. Я это знаю наверняка, потому что регулярно общаюсь с его антагонистом — Сатаной или Дьяволом — называйте как угодно. Не будь Бога, не было б и Сатаны. Ведь так?

— Амаль права. Нам, простым смертным, приходится принимать и того, и другого. Господь мой всемогущий! Так и живём меж двух огней. Ну ничего, я поставлю моих чертенят на службу правому делу! — горделиво подбоченясь — не чёрт ли его сподвиг к сему, — проговорил Адамчик.

Дверь за спиной перепуганной Гали закрылась со стуком самым неучтивым.

— Побойтесь Бога, Амаль! — Александра Николаевна даже всплеснула руками. — Это уже на грани кощунства...

Наивная, она надеялась пронять господина Ковшиха своим несколько преувеличенным возмущением. Впрочем, Адамчик представился испуганным и сделал вид, будто сдал назад:

— Сам-то я крестился в православную веру, хоть мать моя католичка, а отец сами знаете кто. По-вашему, тётушка, мой отец называется жид-с...

При слове «тётушка» Александра Николаевна вспыхнула, и тут уж я вынужденно вступился за жену:

— Адам Иосифович, вы перешли границы. Прошу прекратить. Иначе... — тихо, но с нажимом произнёс я.

Адамчик вскочил, с грохотом роняя стул. В глазах его я с удовольствием заметил испуг. Цыганка также

поднялась и оправилась с чарующей элегантностью движений. Крахмальные её юбки выдали громкий залп.

— Полноте. Сядьте все, — примирительно проговорила Александра Николаевна. — Вот что я вам лучше расскажу и покажу. На прошлой неделе к нам в штаб приезжал фотограф. Коля, как, бишь, его фамилия?..

Я назвал фамилию фотографа.

— ...И приехал он как раз кстати. Все высшие чины съехались на совет и жён повидать. Такое представительное собрание — большая редкость даже для Тифлиса. Задали бал. Наряды и музыка — всё по самому высокому разряду. Про закуски умалчиваю, потому что по части закусок Тифлис всегда на высоте. Тут кстати и приезд фотографа. Известный. Фамилия такая...

Поймав беспомощный взгляд жены, я ещё раз напомнил фамилию фотографа, и она продолжала, не забывая при этом потчевать гостей:

— ...Целый день рядились так и эдак, а потом перед танцами принимали позы. И знаете, я поняла, что совсем не боюсь объектива. А вот жена генерала Воробьёва всерьёз ожидала, что вылетит птичка. Но птичка так и не вылетела. Впрочем, это не так уж важно. Главное: в результате целая пачка фотографий. Я все-все уже наклеила в альбом. Такие снимки — это память. Память навсегда. Вообразите, мы с Николаем Николаевичем престарелые и седые в окружении внучатых племянников где-нибудь в Крыму. Вечер на террасе под зелёным матерчатым абажуром. Где-то неподалёку в темноте плещется море, ещё более тёмное, чем сама ночь. На столе початая бутылка хереса и бокалы. Мы все сидим под лампой и рассматриваем снимки победителей под Саракмышем. А впереди ещё новые победы!

Говоря так, жена моя с непонятым мне выражением смотрела то на цыганку, то на потрёпанную колоду, которую та по-прежнему не выпускала из рук.

— Ничего такого не будет, — тихо произнесла Амаль.

— Как? Что вы сказали?.. — встрепелась Александра Николаевна.

— Зелёный абажур, море, внучатые племянники, покой на старости лет — ничего этого не будет, — внятно повторила цыганка.

Её русский выговор казался совершенно чистым, но всё же какой-то инородный привкус в нём присутствовал. Так во вкусе клубничного мороженого непременно присутствует привкус свежих сливок, из которых оно изготовлено.

— То есть как... — Александра Николаевна всплеснула руками.

— А вы покажите ей весь альбом, она скажет больше, — преувеличенно многозначительным тоном и без иронии произнёс Адамчик.

— То есть как...

— А так. Амаль — женщина, которая видит.

Жена совершенно растерялась, и я решил взять ситуацию в свои руки:

— Галя! Прошу вас принести наш последний фотоальбом.

И тут же из-за закрытой двери донеслись поспешные шаги. Выходит, Галя хоть и сбежала, но не слишком далеко. Этот факт развеселил Адамчика, в то время как Амаль снова ухватилась за колоду.

Смущенная Галя явилась вскоре и подала своей хозяйке фотоальбом в кожаном переплёте с тиснением, в которого я выбрал и передал цыганке единственную к-

шу групповую фотографию. На снимке были изображены высшие чины штаба Отдельной Кавказской армии. В первом ряду в центре Илларион Иванович Воронцов-Дашков по правую руку от Великого князя Николая Николаевича. Тут же, в первом ряду, кроме меня, Баратов и Пржевальский, и Де-Витт, и Воробьёв, и Болховитин. Во втором ряду штабные и войсковые офицеры. Среди прочих, милый моему сердцу Женя Масловский, Лурумов, Штейнфон, Слюсаренко. Испытывая странную, граничащую со страхом ревность к пронзительному, разоблачающему взгляду странной подруги Адамчик, я нарочно выбрал фото, на котором нет дам.

— Вот. Извольте, — я вручил фотографию Амали.

Фотография оказалась ровно в три раза больше, чем карта из цыганской колоды. Держать в ладони лист такой величины неудобно. Амаль поставила фото перед собой, прислонив его к пустой чайной чашке.

— Зелёный абажур, кофе с правнуками, тёплый грибой в темноте... — раздумчиво начала она. — Только для одного вижу подобную судьбу...

И она ткнула острым покрытым яркой краской ногтем в изображение полковника Масловского, крайнего справа во втором ряду.

— Он напишет книгу и умрёт очень старым в хорошем домике на берегу лазурного моря за границей. Судьба этих двоих темна и страшна. Вижу бескрайние степи страданий. Обоих ждут неизвестные могилы... — Палец Амали поочерёдно ткнул сначала в Де-Витта, а затем в Воробьёва. — Напрасная борьба... Тщетные усилия...

Лицо цыганки на миг приняло вполне искреннее выражение скорбного сострадания.

— Ерунда какая... — испуганно заметила Александра Николаевна. — Полнейшая чушь. Сейчас идёт

война. На войне гибнут люди. В том числе и офицеры. Возможна гибель в заснеженных горах Турецкой Армении, но степи...

— Не степи. Горы! — воскликнула цыганка. — К северу отсюда. Довольно далеко. И война... Та, другая война начнётся после поражения в этой войне.

— Ну, уж поражения в этой войне мы как-нибудь не допустим, — усмехнулся я, отвечая не столько словам Амали, сколько на испуганный взгляд собственной жены.

Да, Александра Николаевна напугана, но я-то слишком хорошо знаю, что из страха она не отступит.

Действительно, жена, вскочив с места, встала за плечом Амали.

— А остальные? На этой фотографии ещё есть люди... — в волнении произнесла она.

Так и есть. Жена хочет узнать мою судьбу. Пора это пресечь.

— Саша!...

— Ну за каждого я сказать не могу. Лишь за некоторых, — загадочно произнесла цыганка.

— Тётушка, позолотите чудеснице ручку, — проговорил Адамчик с несколько наигранным весельем. — Или, если хотите, я за вас позолочу?..

Я ещё раз попробовал вмешаться:

— Саша, прошу прекратить...

— Вот этот, — цыганка внезапно и быстро, словзвукнула, ткнула пальцем в изображение Великого князя. — Причинив много вреда, умрет как праведник на берегу моря, в Антибе в 1929 году. Ещё не скоро... Сказав так, цыганка посмеялась и добавила: — Там где в темноте слышен прибой.

— Чушь! Чушь... — вскричала жена, вскакивая. — Галя! Сюда, Галя! Ну где же вы?

Александре Николаевне почему-то срочно потребовалось сменить на столе приборы. Нет, она вовсе не полновалась. Почтенная хозяйка генеральской гостиной вовсе не помышляла вот так вот грубо выставить странных гостей за двери. Дело в том, что она по неведомой мне причине поверила рассказам странной дамы в накрахмаленных юбках.

На зов хозяйки явилась растерянная Галя. А потом Амаль с кривоватой, совершенно не учтивой усмешкой наблюдала за взволнованной суетой вокруг и без того безупречно накрытого стола.

Улыбался и я, вполне довольный происходящим: пошли бабы дело — пугать друг друга. Ну ничего! Такой испуг не опасен. Может быть, наперёд не станут желания гадать на картах, а найдут себе другие дела — приличные и полезные. Адамчик же хоть поглядывал на меня настороженно, но особой тревоги также не проявлял.

— Мой друг, могу ли я просить тебя об одолжении? — просил я, когда взамен использованных приборов на стол явились чистые.

Конечно, — отозвалась Александра Николаевна.

— Сегодня к обеду явится не только привычный для нас Масловский, но и сам Болховитинов. Леонид Митрофанович у нас редкий гость. Надо постараться...

— Конечно...

— В таком случае, не смея мешать твоим делам, мы переходим в мой кабинет.

Услышав мои слова, Адамчик подскочил как ошпаренный. Я двинулся к выходу. Адамчик следом. Переходя из столовой в гостиную, из гостиной по коридору

в кабинет, я слышал за спиной осторожные шаги Адамчика и грохот накрахмаленных юбок его цыганки.

— Мне необходимо поговорить с тобой наедине, — бросил я на ходу, перейдя на всякий случай на немецкий язык.

— Jawol Meine Herr general, — с готовностью отозвался Адамчик.

* * *

— Ну как? — спросил Адамчик, едва переступив порог моего кабинета.

Я с радостью заметил, как проворно он захлопнул дверь перед самым носом странной Амаль-Амалии или как, бишь, её там. Я слышал, как цыганка барабанила кулачками в дверь. Бедняжка призывала и стыдила какого-то Ибрагима Жвица, но где ж я ей такого возьму?

— Мне нужно, чтобы ты донёс до своих деловых партнёров кое-какую информацию... — начал я.

— Точнее дезинформацию, — вставил Адамчик.

— Не перебивай старших.

— Jawol Meine Herr general! Готовите большую операцию?

— Такому прощелыге, как ты, я скажу лишь то, что считаю нужным.

— Jawol Meine Herr general!

— Да что ты заладил как попугай?

— Готов служить Царю и Отечеству как истинно православный христианин!

— Тебе придётся встретиться с Камиль-пашой...

— Слава Богу, не впервой. Турецкий делец Ибрагим Жвиц готов на всё ради Русской короны!

— Не богохульствуй. Что ещё за Ибрагим Жвиц?

— От Кайсери до Эрзерума я известен как Ибрагим Жвиц.

— Это что ещё за чёрт?

— Чертыхаться грешно, дядя... Впрочем, отвечу. Этот мой Ибрагим Жвиц — натура тёмная, невероятно щедр, но несмотря на это и сказочно богат. А наши паши и беи падки на богатые подарки. Впрочем, и скромными дарами не брезгают.

— Ибрагима Жвица могут заподозрить в связи с тобой, то есть в шпионстве.

— Мой Ибрагим Жвиц социалист и нелоялен ни одной из европейских монархий.

Я внимательно смотрел на Адамчика. Чёрт знает что за кукла такая: богат, как царь Соломон, а с виду совсем несерьёзная моль. Однако и сам Адамчик, и воспитавшая его мадам Шель много лет являются поставщиками императорского двора и гвардии.

Взять хотя бы его конные заводы. И тут я припомнил Адамчика верхом на резвом жеребчике в смешной английской шапочке с козырьком, делавшим его большой и горбатый нос ещё более крупным и кривым. Потом я представил Адамчика в дублёном полушубке и крагах за штурвалом аэроплана. Лицо наполовину скрыто огромными очками, делающими его похожим на смешную клювастую сову. Припомнил я и старинную приятельницу собственной тёщи, мадам Шель. Как же её имя? Изабелла? Аделаида? Эта самая Шель — восьмая дочка Витебского мастерового-еврея — до старости оставалась замечательной красавицей. В юные годы Шель безоглядно влюбилась в какого-то гусарского поручика. Соблазнённая им и покинутая, осталась одинокой на всю жизнь. Неужто ждала его, отказывая всем женихам? Впрочем, при всём при том, торгово-

ростовщическая карьера мадам Шель складывалась вполне удачно. Шель, богатея день ото дня, тем не менее не замыкалась в своей успешной коммерции. Напротив, госпожа Шель слыла щедрой благотворительницей, возводила богатые храмы, где и сама усердно молилась по православному обычаю. Бездетная «вдова» на личные средства содержала несколько сиротских приютов. Собственно, с Адамчиком она впервые встретилась в одном из таких заведений. Симпатичный и сообразительный подросток четырнадцати лет приглянулся одинокой деве, для благопристойности именующей себя «вдовой». Злые языки болтали разное. Но как водится среди людей, поговорили и забыли. А мадам Шель до сих пор жива. Столетняя старуха, почти привидение, чьи финансовые дела ловко ведёт повзрослевший Адам Ковших, он же Леонид Однодворов, он же Ибрагим Жвиц, он же чёрт ещё знает кто!

— Ну что ты там хотел, дядюшка? Разворачивай свои карты. Рассказывай, какие козыри я должен вручить моему другу Камиль-паше.

Я с сомнением смотрел в знакомые самую малость навывате ясные глаза и видел в них собственное растерянное лицо.

— Дверь, ведущая к нашей победе заперта на семь замков. Один из них я вручаю тебе, Адам.

— Господь мой всемогущий... Я не подведу! — И снова неуместная для хорошего христианина горделивая поза. — Зачем ты на меня так смотришь, дядюшка? Сомневаешься?

Я молчал. Держал актёрскую паузу, наблюдая за праведным и горделивым гневом любимого «племянника».

— Я происхожу из почтенного купеческого рода, не говоря уж о почётном гражданстве!..

— Смотри, Адам. Если что, я прижму тебя так... — и потряс крепко сжатым кулаком у него под носом. — И не посмотрю на то, что ты почётный гражданин.

Сцена получилась вполне патетической, и я отступил, довольный собой.

Адамчик пару раз сморгнул, облизал губы, покрипился и молвил преувеличенно обиженным тоном:

Твоё презрение к нашему купеческому сословию мне известно, дядя.

Деловых людей уважаю, вот только...

— Господь мой всемогущий! О чём ты, дядюшка?

Слишком уж ты деловой. И каким образом при такой своей известности ты вручишь мои козыри Камиллю-паше? Молод, красив, богат. Поставщик Императорского двора и Русской армии. А ну как турки усомнятся в подлинности подкинутых тобой козырей?

Я и с турками приторговываю.

Ой ли? И не боится шея ятагана?

Вот ты умён, дядюшка, и решителен, и смел, и много не понимаешь. Камилля-пашу знаю как храброго и честного человека. Это в общих чертах.

— А ты объясни!

— Объясняю. Камиль-паша талантливый полководец...

— Ах, оставь!..

...но он же и человек со своими... гм... особенностями, фанабериями, фантазиями. К тому же, как ты понимаешь, каждому турку полагается гарем. А у меня, помимо конных заводов, маслосыродельня в Костроме и прочие производства. Помимо этого, небольшая концессия в Китае. Торгую шёлком и прочей экзотической мануфактурой, не исключая и бумажных змеев.

— С гаремом Камиль-паши мы воевать не будем. Гарем — это дело такое... сокровенное. А свою жалкую торговлишку с турками ты оставил бы. В военное время могут расценить как предательство. Я-то тебе доверяю...

— Доверие мне равнозначно подвигу на поле брани. Ты смелый человек, дядюшка.

Смех его походил на лягушачье кваканье. Гнев ударил мне в сердце, но голова оставалась невозмутимой.

— Ты забываешься, Адамчик...

— Дядюшка... ваше сиятельство... Присядьте, прошу. Вот так.

— Ко мне, как к генералу, ты обязан обращаться как к превосходительству...

— Галя! Срочно один стакан воды и рюмку водки! Да где ж ты запропастилась, Галя? Водку — мне. Воду его превосходительству.

Я позволил ему суетиться вокруг себя, распоряжаться Галей, проглотить полстакана водки, не дожидаясь обеденного времени и прочее. Мне надо было выиграть время на обдумывание его странного плана. Тут и водка пришлась весьма кстати. Карие очи Адамчика отуманились. На смуглых щеках выступил алый девичий румянец.

— Как же ты, поставщик Императорского двора и Русской армии, намерен стать осведомителем Камиль-паши? — спросил я, напившись поданной воды после того, как за Галей закрылась дверь.

— Господь мой всемогущий! Турки берут на лапу. Этим обстоятельством я и намерен воспользоваться.

— Отвечай по чести, без этих твоих околичностей.

— Отвечаю прямо. Суну в лапу. Подарок. Ну, ты понимаешь?..

— Каков же подарок?

— Женщина. Хорошее дополнение к многолюдному гарему паши.

— Живой товар?

— Нисколько. Женщина действует добровольно. Она надёжна и именно ей ты вручишь свои козыри как дополнение.

— Женщина — Амаль? Карты и пёстрые юбки?

— Амаль.

— Но почему? Зачем этой цыганке... И какова плата?

— Станный вопрос. Амаль — русский патриот. Такой же как я. Патриотизм не требует платы. Напротив, патриоты у нас, как правило, гонимы.

— Черкешенка и циркачка — русский патриот?

— Господь мой всемогущий! Да разве патриотизм имеет национальность?

— Слова, слова...

— Я докажу!

Тёмные глаза Адамчика грозно сверкнули. Я рассмеялся, припоминая увядающие прелести в декольте незадачливой гадательницы.

— Цыганка... Подарок... Не старовата ли она для такой... гм... миссии? Вот взять бы хоть нашу Галю...

Смех Адамчика напомнил мне зычное кваканье занятой брачными играми жабы.

— Полноте, дядюшка! Патриотизм не имеет возраста. Амаль как никто подходит для такой миссии, с её опытом, — отсмеявшись, проговорил он.

Далее последовали пространные рассуждения о гаремной иерархии. Хазнедар-уста, кадины, икбал, калфа — Адамчик сыпал терминами, демонстрируя глубокое знание предмета. По его докладу выходило, что

он предназначает Амали роль гаремного казначея или нечто в этом роде. Слушая его стрёкот, я пытался хоть как-то отвлечься. Окно моего кабинета выходит в крошечный тенистый дворик. Там под кровлей виноградной лозы течёт будничная жизнь. Вот мой ординарец Лебедев чистит скребницей шкуру коня. Вот Галя пробежала с корзиной грязного белья. Лицо озабочено, на лбу капельки испарины. Вот наша кухарка Манана вынесла Лебедеву тёплое печево, от которого тот почему-то отказался. Воздух осеннего Тифлиса кристально прозрачен и пахнет мездрой раннего винограда. Склон пологого холма сплошь усеян терракотовыми кровлями и подсвечен шапками желтеющих крон...

Надо было что-то отвечать Адамчику, и я брякнул первое пришедшее в голову:

— А ты выдумщик, племянничек. Ничем не хуже твоей Амали.

Нимало не смущенный моей иронией, Адамчик с воодушевлением продолжал:

— Однако для того чтобы наша игра дала свои плоды, необходимо снабдить Амаль соответствующей легендой. Легендой правдоподобной. Камиль-паша не дурак, и его начальник штаба, немец Гузе, не наивный телятя...

Адамчик воодушевлённо тарашил глаза, шлёпал влажными губами, крестясь, поминутно поминал «Господа нашего всемогущего». А я размышлял о Гале. Странная субстанция — сердце русской женщины. Влюбиться в такого вот... который, сколько б не крестился, всё равно останется тем, что он есть.

Наконец, почувствовав невыразимую усталость, я положил себе закончить разговор как можно быстрее.

— Хорошо. Я дам твоей Амали соответствующую легенду, — проговорил я, преодолевая усталость. —

Подсунем полковнику Гузе фельдъегеря или, положим, обычного почтальона с депешей полуприватного характера. Допустим, это будет некое письмо, предписывающее розыск некоей особы тёмных намерений, заподозренной в нечистоплотности, бежавшей или изгнанной от императорского двора.

— Нашу Амаль назвать особой с тёмными намерениями! — воскликнул Адамчик. — Мне, как русскому патриоту, неприятно...

Меня спасло появление жены.

— Николай Николаевич, Женя прислал вестового. Тот говорит: прибыл фельдъегерь из Могилёва, — проговорила Александра Николаевна, лишь слегка, так чтобы наверняка не видеть Адамчика, приоткрыв дверь.

Адамчик наострил уши. Поблагодарив жену, я обратился к нему, стараясь сохранять возможно большую твёрдость:

— Верю в искренность вашего патриотизма. Поручу сотрудникам штаба подготовить соответствующую информацию. За сим позвольте его высокопревосходительству откланяться по делам службы.

— Разумеется, дядюшка! — прокричал Адамчик. — И последнее: доверившись Амаль, вы доверяетесь самому провидению!

Ну, это уж было чересчур! Щелкнув каблуками, я покинул кабинет, оставив Адамчика в самом растерянном положении.

В тот день дела службы увлекли меня до самого позднего вечера. И обедал, и ужинал я в штабе в обществе своих сотрудников, совершенно позабыв о визите Адамчика. Лишь на следующее утро Александра Николаевна сообщила мне о том, как Адамчик провел остаток дня и вечер в обществе Гали, развлекая её всякими

небылицами, и ещё о том, как Амаль танцевала и пела им черкесские песни, аккомпанируя себе то на бубне, то на джуре, как с наступлением вечера Адамчик куда-то убежал по неотложным делам, оставив Амаль на попечении Александры Николаевны, как Амаль, отужинав, улеглась спать в гостевой спальне.

* * *

Сам-то я встретил утро за уединённым завтраком в собственном кабинете. Таким образом мне удалось избежать и пронзительных взглядов Амаль, и карабинной пальбы её юбок.

Уединённый завтрак предоставил мне и ещё одно преимущество — возможность незаметно выскользнув во двор, выкурить пару настрого запрещённых папирос, что я и сделал, залпом проглотив остывающий кофе.

Наш тифлисский двор — небольшое, правильной квадратной формы пространство, с трёх сторон окружённое каменными стенами построек, а с четвёртой — высокой каменной оградой с синими дощатыми воротами и калиткой. Во двор с галереи второго этажа спускается шаткая лестница, которой я обычно пользуюсь. В углу двора, под глухой стеной соседствующего с нашим дома расположен увитый виноградом навес с тандыром и дровником. Тут же расположена и небольшая печь, в которой можно приготовить практически любое блюдо местной кухни.

В осеннюю пору это кухонное место обычно пустует, потому что прислуга выполняет свои обязанности в зимней кухне, расположенной в полуподвальном помещении дома, а у меня появляется лишняя возможность выкурить пару папирос в тишине и покое под свисающими богатыми по осени виноградными лозами

Как хорошо смотреть на них! Подсвеченные осенним солнышком, виноградные ягоды похожи на кабошоны огромных драгоценных камней. Струйка табачного дыма преломляет солнечные лучи. Дымок принимает самые причудливые формы, а я люблю наблюдать за его изменчивостью.

— Ваше высокопревосходительство, разрешите обратиться, — услышал я знакомый голос.

Лебедев. Штабной ординарец. Чёрт его принёс в такую рань! Смутившись, я смял папиросу.

— Давай попросту, Лебедев, — вздохнул я. — Приживайся вот сюда на колоду. Ну? Что тебе?

Смущённый Лебедев некоторое время смотрел себе под ноги, на брошенную мною папиросу. Небольшого роста, неприметной внешности, пронырливый и исполнительный, но при этом самоуверенный до заносчивости, что не очень-то к лицу нижнему чину. В то же время Лебедев умеет быть и незаметным, как предмет привычной мебелировки. При всей своей простоватости, для штабной работы Лебедев во многом незаменим и силу и своей расторопности, и предусмотрительности, и умения находить решения в неординарных ситуациях. Вот и сейчас, заметив моё разочарование, он протянул мне початую коробку неплохих сигарет известной английской фирмы. Откуда и взялись-то такие в провинциальном Тифлисе?

Вытащив из коробки одну сигарету, я задумался, перестал обращать внимание на Лебедева и переломал одну за другой все имевшиеся у меня спички. Лебедев, по обыкновению ловкий и внимательный, чиркнул спичкой и дал прикурить своему генералу.

— Устали от вашего разведчика, Николай Николаевич? — услышал я его тихий голос.

Я поднял изумлённый взгляд, и изобретательный нижний чин тут же поправился:

— То есть я имел в виду вашего племянника, еврейчика...

Тут я конечно же рассмеялся:

— Опомнись, Лебедев! Каким же таким хитрым наваром еврейчик может оказаться моим племянником?

— Я хотел лишь сказать, что господин Ковших слишком много болтает, хоть и почётный гражданин, и чаевые от него всегда хорошие приходят.

— На каждый роток не накинешь платок, — вздохнул я. — Но мы-то никому не скажем, что Николай Николаевич курит?

— Есть такие люди, которые ничего не скажут, даже под пыткой, — Лебедев всем своим видом показывал нарочитую таинственность и даже последнюю фразу произнёс заговорщицким полупшепотом.

Я кивнул и поднялся. Уйти мне мешал потухший окурок. Если б не Лебедев, я б сунул его куда-нибудь в дровник, меж хворостин или бросил под ноги, а так.. Совершить подобное свинство в чистом хозяйском дворе — уронить честь перед нижним чином. Заметив моё замешательство, Лебедев продолжал:

— Есть тут татарчонок один. При полевом штабе обретается. Да вы же могли видеть его. Аллилуйя Джелакаев — махонький такой, незаметный, но наездник отличный и фореитор, если что.

— Да, навидался я на своём веку татарчат, — уклончиво заметил я, от всей души надеясь, что Лебедев не проболтается о моём тайном грехе ни Гале, ни, тем более, Александре Николаевне.

— Аллилуйя Джелакаев по-русски почти не разумеет, оттого и молчалив.

— Ценное качество для форейтора.

— Я к тому, что господин почётный гражданин города Кострома тут прегромко орали о некоей секретной операции...

— Тс-с! — пришлось и мне, приложив палец к губам, перейти на заговорщицкий полусшепот. — Господин Ковших — не солдат, присяги не давал, а вот мы с тобой солдаты и нам болтать не пристало.

— Я только хотел сказать, что Аллилуйя Джелакачи особо трепаться не сможет, потому что по-русски и говорит-то не то чтобы плохо... просто стесняется порой говорить по-русски и оттого больше молчит. А читать и вовсе не читает, а потому содержания писем секретных не поймёт. Адрес на конверте надпишет, и выходит так, будто дьявол левым копытом начертил. — Лебедев, следуя моему примеру, также перешёл на полусшепот и даже склонился ко мне так коротко, что я почувствовал исходящий от него запах. Так, ничего особенного: табак, немножко дегтярная смазка для сапог, немножко лошадиный пот.

— Зачем же такого «грамотея» при штабе держат? И ты-то сам как с ним объясняешься?

— Да так. Где фигу, где тычка, где глаза таращу. А держат его, потому что на самом-то деле он грамотный. В своей губернии у муллы татарской грамоте учился и несколько турецких языков освоил для чтения и письма.

Тюркских...

Слушая Лебедева, я вновь опустился на пригланувшуюся мне колоду. Курить всё ещё хотелось, но и почему-то стеснялся попросить у Лебедева ещё одну сигарету, а тайный свой портсигар я оставил в ящике рабочего стола.

— Аллилуйя Джелакаев с любым туземцем запросто объяснится, — продолжал Лебедев. — На любом мусульманском языке...

— Тюркском... Как, ты говоришь, его имя?

— ...а по-русски и читать не умеет, — невозмутимо продолжал Лебедев.

— Подходит. Веди его ко мне. Поторопись.

Я поднялся, высматривая, куда бы бросить окуроч. Присмотрев своё затруднение, Лебедев подставил свою твёрдую ладонь.

— Пожалуйте, Николай Николаевич!

Ох, уж этот Лебедев!

— Ты это... прости, брат, — промямлил я, опуская в его горсть окуроч.

Лебедев удалился, чрезвычайно довольный моим смущением.

* * *

Минуло несколько дней, плотно занятых штабной работой и перепиской с Могилёвым¹. Я не замечал ни каким-то чудом прижившуюся в моём доме Амаль, ни участвовавшие визиты болтливого «племянника». Всецело поглощённый делами службы, я некоторое время существовал в некоем параллельном мире. Для дезинформирования штабных 3-й турецкой армии требуются более, чем слова — письма, приказы, распоряжения, подписанные лично мною либо другими высшими чинами. Целый ряд нерешённых задач не давал моим мыслям отвлечься на что-то иное. Женя Масловский со товарищи сидели не меньше недели день и ночь,

¹ С 8 августа 1914 года по 28 февраля 1918 года ставка Верховного главнокомандующего Вооружёнными силами России находилась в городе Могилёв.

действовали всех штабных писарей. Материалы получились убедительными, но вопрос с их доставкой оставался пока нерешённым. Как-то там Павел Лебедев и его высокоодарённый мусульманин? Не может такого стать, чтоб Лебедев подвёл.

Наконец, когда все дезинформирующие противника документы были составлены, пряча их в ящик рабочего стола, я наткнулся на заветный портсигар, взял его в руки. Филигранная поверхность серебряной коробки была так приятна на ощупь, так сладко пах хороший английский табак, что я тут же вспомнил о драгоценных кабошонах, зреющих на нашем дворе. Терзаемый нетерпением, я едва не закурил уже на галерее. Однако офицерская выдержка — великое дело. С портсигаром в руках я спустился во двор и остановился, услышав доносившиеся оттуда голоса. Один — знакомый, Павла Лебедева. Другой — чужой, незнакомый, отвечавший Лебедеву коверкая русские слова и с выражением такого неприятного подобострастия, что мне подумалось поначалу, будто Пашка беседует с каким-нибудь пленным турком, хотя откуда бы такому взяться на квартире командующего армией или при штабе?

Не люблю шпионство, не люблю подслушивать, однако, считая пристрастие к курению пагубным и не желая подавать дурной пример младшим чинам, обычно не беру с собой портсигар. Так, таскаю время от времени по одной папироске из ящика стола, предаюсь тайной страсти под прикрытием виноградной лозы и втайне от Александры Николаевны. Жена хоть и скрывает свою проию, но в душе, я уверен, посмеивается над моей лицемерной стыдливостью. Однажды позволила себе даже высказаться. «Тебе нравится стыдиться, оттого

и куришь», — так сказала она. В самом деле, каков я человек? Стыжусь вредной привычки, но всё равно, где бы ни оказался, постоянно предаюсь ей. Мне уж стоило бы либо перестать вовсе курить, либо перестать стыдиться. Но я курю, уверенный в том, что от курения хоть какая-нибудь да может быть польза. Курение и сделало меня шпионом поневоле.

Я вытащил уж из кармана спички, да так и замер с незажжённой в руках — слишком уж заинтриговал меня нечаянно услышанный диалог.

— А хотел бы ты, положим, Аллилуйя Галя, стать разведчиком?

— Э-э-э?... Кем меня сделает мой господин?

— Экий ты непомерный... Разведчиком, говорю!

— Я не Али. Галлиула — моё имя, мой господин.

— А я — Павел. Так крестили. А мамка кликала Пашкой либо Паней. Паня, Пашка, Павел — у русских одно и то же. Так и у вас, башкир, Аллилуйя, вернее Галилуйя — ах, чёрт вас нехристей разберёт — одно и то же.

— Я — татарин, не башкир. Меня зовут Галлиула и я некрещёный. По-вашему — нехристь, нерусь и как-то ещё, забыл, но если мой господин напомним, то и я вспомню... Что мой господин желает ещё знать? — проговорил неsgiбаемый Галлиула.

— Слушай, Аллилуйя, ты не обижайся. Я же по хорошему к тебе. И перестань называть меня своим «господином». Я из крестьян, а реального училища не закончил, потому что забрали. По чину я старшина, но в строевых частях не служил. При штабе всю войну, потому что грамотный. И не бери ты на душу «нехристя» и прочие мои откровенные выражения. Это я не от брезгливости, а так, по привычке.

Тут Лебедев принялся рассказывать Галлиуле хорошо известную мне историю собственной жизни, центром которой являлось сожжение усадьбы помещика-благотетеля, который задолго до этого занимательного события и определил Пашку Лебедева, внука своего крепостного дядьки, в реальное училище. Многие в этой истории оказалось попусту, потому что реального училища Лебедев действительно не закончил, и усадьба благотетеля сгорела в 1908 году на самом излёте русской революции.

— Мне в армии лучше, — заключил свой рассказ Лебедев. — Родители невесть где в ссылке за Уралом. Жены не было и нет. Возвращаться не к чему.

— Православному христианину в армии хорошо, — подтвердил Галлиула. — В армии есть всё: полк, как семья. Священник служит молебны в престольные праздники и не только, а я который год в мечети не был. В нашем селе хороший мулла Салимгарай разным наукам меня учил. А здесь... Душе пусто.

— Ты Родине служишь, как же пусто? — отвечал Лебедев.

— Так утешаюсь, что служу, но хочется ближе к Аллаху, в мечеть.

— Мусульманин молится трижды на дню, обратившись лицом на восток. И ты так молись, — поучал всезнающий реалист-недоучка.

— Всё так, мой господин. Аллах всемогущ. Ему молюсь. Но хочется в мечеть и с муллой Салимгараем или другим душевно мудрым человеком поговорить...

Я подслушивал ещё некоторое время, пытаюсь при этом вообразить внешний вид нестигаемого и набожного Галлиулы. Неловкость разрешил Пашка, со всей присущей ему деликатностью обнаружив меня среди

виноградных лоз как раз в тот момент, когда тоска Галлиулы по духовному окормлению сделалась для него невыносимой.

— Здравия желаю, ваше высокоблагородие! — рявкнул Лебедев.

Несгибаемый мусульманин тут же возник у его правого плеча, прямой, как штык, с вытаращенными зеленоватыми глазами, девичьим румянцем на гладких щеках, низенький и кривоногий, по виду, действительно, совсем башкир.

— Рядовой Джелакаев? Наслышан о тебе, — проговорил я.

Ответом мне стали опущенные долу глаза и невнятное бормотание. Джелакаев сообщил мне, дескать, является рядовым второй роты Бакинского пехотного полка (командир — полковник Пирумов), однако в данное время прикомандирован к штабу армии для исполнения различных поручений. Поручения эти считает большой честью для себя и расценивает, как повышение по службе. Далее следовали всякие «ваше-высокопревосходительство» — эти слова Джелакаев не мог произнести не запнувшись трижды — и «рад стараться». Более ничего не смог я разобрать. Лебедев, без церемоний ухватив «Аллилуйю» за шиворот, выставил его, зардевшегося от смущения, наперед себя. Я оглядел солдата с пристрастием. Одежда по уставу. Всё аккуратно, как полагается, но всё равно вид какой-то бабий, полупорожний мешок с крупой, да и только.

— Очень кстати наша встреча, — продолжал я. — У штаба на тебя, Джелакаев, есть некоторые виды.

В ответ снова бормотание: «Рад служить Царю и Отечеству» и что-то ещё многословно-невнятное.

— Ты понимаешь, с кем говоришь? — на всякий случай спросил я.

И в ответ: «ваше высокоблагородие», «господин генерал от инфантерии» и конечно же «мой господин».

— Я — твой командующий — готов доверить тебе ответственное поручение. Не справишься, не исполнишь, предашь или сгинешь без толку раньше времени — вся зимняя кампания окажется под угрозой. Уразумел?

Несгибаемый Галлиула склонился в поклоне, продолжая избегать меня взглядом.

— Я вижу в тебе человека несгибаемого, твёрдых принципов, искренне верующего. Именно таким и должен быть настоящий солдат, — продолжал я, соорудив на собственном лице самое торжественное из своих выражений. — Потому и поручаю тебе столь ответственное задание. Ответственность будешь нести лично передо мной.

Галлиула снова поклонился, устремив пустой, ничего не выражающий взгляд в землю.

— Наперёд тебе обещаю: во вверенных мне войсках будет мулла, чтобы ты и твои единоверцы могли отправлять свои обряды.

Наконец зелёные, как свежая трава, глаза встретились с моими:

— Мы всем довольны, ваше высокоблагородие, — приятно произнёс он. — Служим Царю и Отечеству правдиво!

* * *

На следующий день я разговаривал с Галлиулой уже в присутствии полковника Масловского. Вооружённые киртами штаба 3-й турецкой армии и целым набором,

на наш взгляд, весьма убедительных баек, мы взяли Галлиулу, что называется, за жабры, причём с двух сторон. В числе прочего, рассказали ему о необычайных достоинствах — резвость в сочетании с небывалой выносливостью — каурого жеребчика. Жеребчик, именовавшийся очень кстати Месяцем, предназначался в полное распоряжение Галлиулы.

А в остальном, эх, нагнали же мы на татарчонка туману! Изошрялись в конспирологии, как никогда, но наш Галлиула оказался действительно несгибаемым. В ответ на все изыски, смущаясь и краснея, ровно гимназистка средних классов, Галлиула произнёс короткую, но проникновенную речь. Он клялся именем Аллаха, что выполнит все инструкции в точности, что с пути не сойдёт, раз «его господ» предоставили ему карту на турецком языке.

— Жизнь отдам, а письма доставлю! — произнёс он в заключении с пугающей убедительностью.

Мы с Масловским переглянулись.

— Чёрт знает, на что способны эти фанатики... — проговорил Женя по-французски, не убирая с лица самой обаятельной из своих улыбок.

— Жизни наши и наши смерти в руках всевышнего, — уклончиво заметил я. — Береги себя, солдат! Ты нужен Отечеству живым.

Некоторое время Галлиула собирался с мыслями, вздыхал и откашливался, поводил своими зелёными глазами из стороны в сторону и даже несколько раз взмахнул руками, словно разминаясь. Примерно так ведёт себя человек, готовящийся прыгнуть с большой высоты в воду.

— Мой господин может быть уверен — Галлиула пройдёт по указанному пути и попадёт в плен к кому следует, — произнёс он наконец.

— Попадёт, а не сдастся, — проговорил Масловский.

Казалось, ответная откровенность воодушевила нашего нестигаемого воина:

— Попадёт и письма сбережёт, чтобы кто следует прочёл! — произнёс он, и взгляд его зелёных глаз сделался по-волчьи хищным. — Я не подведу!

На сём мы расстались с Галлиулой в намерении выполнить все свои обещания, но без твёрдой надежды на успех рискованного предприятия.

* * *

Я прошёл через двор и, почти уже миновав распахнутое кухонное окно, почувствовал сильное желание закурить ещё раз. Возвращаться в беседку не хотелось: там и Лебедев, который всё и всегда примечает, и этот смутный Галлиула. Не взбунтоваться ли? Не закурить ли прямо под кухонным окном? В конце концов не я ли герой двух войн и генерал? Не я ли главный в этом доме? Из-за опущенных занавесок доносились голоса. Два хорошо знакомых голоса, Галин и женин, рассуждали об обычных женских делах: вареньях, соленьях да крахмальных сорочках. Третий голос, смутно знакомый и хрипловатый, перебивая их, толковал об амулетах. Дескать, амулетом может стать любая вещь, к примеру, чайное ситечко, но только надо с этой вещью правильно поработать. В качестве примера смутно знакомая незнакомка привела православный крестик, через который Бог и оберегает свои чада, и управляет ими.

— Амаль Меретук не Бог, но тоже может создать подобный предмет. Простой заговор — это не чёрная магия. Безопасно, — продолжал голос. — К примеру, нам нравится мужчина и вы хотите, чтобы он стал наш. Тогда подарите ему это, и он будет верен, и будет

слушаться. К примеру, Гале нравится мой Ковших, то бишь Однодворов. Тогда её надо...

— Сказки всё это, — прервала говорившую моя благоверная. — Вы, душечка, заговариваетесь. Не нравится Гале ваш Однодворов!..

Между тем я уже закурил, уверенный в том, что за женскими разговорами моя вольность останется без внимания.

— Говорят, вы циркачка, артистка, — продолжала моя жена сердитым голосом. — Фокусница или как это называется?

Я хотел было двинуться дальше, в сторону кабинета. Беда, если попадусь со своей папиросой, но Амаль Меретук вновь заговорила, и я замер, заинтересованный.

— Я расскажу. Амаль Меретук расскажет. Циркачка — да. Гадалка — да. Но поначалу я выступала в цирке как наездница. Был у нас аттракцион со стрельбой по тарелочкам. Девушка в развевающемся белом платье скачет на лошади и стреляет на скаку и с седла, и из-под седла. И никогда не промахивается. Красиво, да? Так я начинала. Первый год моей работы цирк Страбомыслова гастролировал в пределах Порты. Так я выучила турецкий язык. А вообще-то я — человек княжеской породы.

И снова я занимался невыносимым для себя делом. Как низко я пал, подслушивая под окнами собственной жены? Впрочем, рассказ Амаль Меретук, дамы княжеского рода, способен даже боевого генерала на некоторое время обратить в соляной столп...

Глава первая

ПРИЁМНАЯ ДОЧЬ КЛОУНА

**(рассказ цирковой артистки, гипнотизёрки
и разведчицы Амаль Меретук)**

Я — человек княжеской породы. Мой родной отец имел табун лошадей, несколько сотен баранов, толпу сподвижников и рабов, поэтому все называли его князем.

Сегодня многие знают Амаль Меретук, уроженку кавказских предгорий. Меня называют цыганкой. Меня называют черкешенкой. Но я русская! Я выросла в брезентовой кибитке, среди совсем не породистых, но трудолюбивых циркачей. Там я, горянка, черкешенка-сирота, постепенно обретала ту самую русскость, свойственную и армейскому служильцу, спасшему меня из зачумлённого аула, и моей цирковой семье. А теперь Амаль Меретук расскажет вам, как это было...

* * *

Я не помню своего имени. И имени того, кто меня спас из заражённого чумой села. Память детства почти умерла во мне, убитая страхом в часы моего одиночества в зачумленном ауле. Помню ужасный смрад и воющий в стропилах под кровлей нашей родовой башни ветер. Я одна в окружении моих умерших родичей в месте моего страшного заточения, из которого

не решаюсь выбраться. Помню первое явление моего сатанёныша — маленького и пакостливого на вид существа, пытавшегося подать мне утешение в страшные часы моего одиночества. «За тобой придут. Не плачь, — так говорил он. — Не плачь. Береги силы. Они понадобятся тебе для долгого путешествия». Сатанёныш открывал дверь родовой башни — или то случайный сквозняк хлопал дощатой дверью? — в открывшийся проём врывался солёный ветер, и я видела поросшие густым лесом берега, кипарисы и пальмы на склонах пологих гор и себя на борту парусного судна, рассекающего носом морскую рябь. Дверь захлопывалась. Видение прекращалось. Я снова оставалась наедине с отчаянием. Минуты текли. Молчаливое ожидание скорой смерти превращалось в громкий и отчаянный призыв. Дверь снова распахивалась, и я видела бескрайнее поле, упирающееся в изогнутый коромыслом горизонт и рассекающую его на две части дорогу. Я слышала однообразные, усыпляющие удары лошадиных копыт и звяканье конской сбруи. Запах конского пота мешался с ароматами разнотравья. Я видела себя, сидящую на облучке с вожжами в правой руке и с толстой книгой на коленях. Картины моего будущего больше походили на видения горячечного бреда, но я почему-то верила им и так спасалась от отчаяния. Текли страшные часы. Труп моей старшей сестры — она умерла последней — успел окоченеть. Слезы на моих щеках превратились в лоскуты засохшей солоноватой коросты. Тогда сатанёныш в очередной раз приоткрыл дощатую и щелястую дверь моей последней темницы. Прямо возле неё стоял высокий не старый ещё худой человек в картузе с вещмешком за спиной и скаткой через плечо. На его нездешнем лице застыло насто-

женное выражение. Так сказочное будущее слилось со страшным настоящим — русский солдат, закончивший свою двадцатипятилетнюю службу и направлявшийся на родину, в одну из губерний русского севера, нашёл меня живую среди мертвецов, пожалел и забрал с собой. В тот же день мой сатанёныш простился со мной, пообещав непременно в своё время вернуться.

Спасённая им, я на некоторое время сделалась его собственностью. Так я думала первое время, пока обычаи и умонастроение уроженки горных аулов ещё не вывелись из меня. Первое время я назвала его Хозяином или Спасителем. Потом в душе моей и памяти осталось только имя Хозяин, потому что Спасителем для меня стала совсем иная сущность.

Мы путешествовали вдоль берега Чёрного моря на каботажных судах. Араклы, Чаели, Хопа, Батум, Кабулети, Сухум, Гагра — мы побывали в каждом порту от Трабзона до Новороссийска и далее до самого Севастополя. Мой хозяин водил дружбу с самыми разными людьми, профессий которых я по малолетству не понимала. Матрос, боцман, контрабандист, половой в кабаке, сиделец в скобяной лавке, нищий, учитель в гимназии, околоточный надзиратель — всё это знакомые моего Хозяина. Некоторые из них запомнились мне своей солдатской суровостью, подкреплённой следами тяжёлых ран. Встречались среди них и покалеченные, как однорукий преподаватель гимназии в Анапе или безногий нищий, просящий подаяние у храма в Пицунде. Я слушала и узнавала, и запоминала имена деятелей русской истории: Александра Суворова, Екатерины Великой, её неудачливого сына Павла и её царственных внуков, Иосифа Гурко, Михаила Скобелева, графа Лорис-Меликова — героя боёв за крепость Бая-

зет. Я запоминала названия невиданных мною местностей и городов: Константинополь, София, Шипка, Австро-Венгрия, Босния и Герцеговина, Турецкая Армения и её Арарат. Прислушиваясь к голосам старых вояк, таких же отставных служильцев, как мой Хозяин, я стала хорошо понимать русский язык. Рассказы о крепости Эрзерум и множестве её фортов с мудрёными тюркскими названиями особенно запомнились мне.

Я помню богато накрытые столы с неизменными и так полюбившимися мне пирожными. Помню и ночёвки на морском берегу, когда яркий огонь костра видно за версту, а варево в котелке пахнет лавром и гвоздикой. А сколько я перевидала морских закатов! А сколько я переслушала сказов и небылиц о большой войне, которую вела Россия на турецкой земле за братьев-христиан, за честь и высокую судьбу России.

Порой они спорили о причинах войны между Россией и Турцией. Крик. Ссора. Иногда драка. Боль за проигранную Крымскую войну. Они говорили о реформах царя Александра Второго — прежде всего военных, — благодаря которым Россия вновь стала влиятельным и сильным государством в Европе. Толковали и о реванше за проигранную войну. Мечты! По их словам, выходило так, будто главной целью минувшей войны стал черноморский флот, который необходимо вернуть. Говорили о жестоком подавлении османами Боснийского восстания, о волнениях братьев-болгар, также подавленном, об отваге сербов, объявивших войну османам без малейшей надежды на победу.

«Ах, Россия, — говорили они, — с начала века она определила себя защитницей славянских народов на Балканах».

Поэтому в Сербию отправился генерал Черняев с тысячами российских добровольцев.

А потом было поражение сербского войска под Дьюнишем и призыв России к Турции о прекращении боевых действий. Османы, при поддержке Британии, игнорировали идеи России. За этим последовали безуспешные попытки русского царя решить вопрос мирным путем.

Таким образом, у России остался только один вариант решения — военный. До последнего Александр II не решался начать войну с Турцией, так как беспокоился о том, что война вновь превратится в сопротивление стран Европы внешней политике России, но всё же подписал манифест об объявлении войны Османской империи. Нейтралитет Австро-Венгрии русский царь обменял на Боснию. Все эти *collisio* я переживала с боевыми товарищами Хозяина, с каждой весной всё горячее сочувствуя им.

Много говорили старые вояки о безрезультатных попытках штурма Плевны, о героизме, проявленном русским солдатом, и о никчёмном генералитете во главе с братом царя. Они всё время повторяли его смешное имя: Николай Николаевич, или Ник Ник, или просто Николашка. А один из Хозяйских друзей — кажется он занимался виноторговлей в Керчи — вслух, не опасаясь широкой огласки, толковал о том, что русскому государству царь не нужен, что он сам вместе со многими соратниками работает на идею о свержении царской власти. Помню, как тогда мой Хозяин ужаснулся таким словам, как мы быстро убралась в Николаев на первом же прибывшем в Керчь корабле.

А в Николаеве боевые товарищи собрались за богато убранным столом в доме околоточного надзирателя.

В то время как хозяйка дома вычёсывала колтуны в моих волосах, они снова и снова толковали о вечно преданных братьях-сербам, о предательстве болгар, о злокозненном коварстве главного «друга» — Британии, о жаждущих реванша османах.

Они толковали о важном, но смысл их разговоров был тёмным для меня. Позже, прочитав несколько сотен книг на разных языках, я уразумела жизненные воззрения моих русских воспитателей. Их помыслы блуждали в пространстве между «Новым временем» и «Русскими новостями»¹. Но тогда, в первый период моей бродячей жизни, я учила русскую грамматику по рассказам Глеба Успенского.

Случалось, Хозяин начинал пить. Ах, как же он пил! Не помня ни себя, ни меня, не ведая голода и опрятно-

¹ «Новое время» А.С. Суворина — ежедневная авторитетная газета монархического направления. Она стала популярной в 1870-е годы в связи с событиями Русско-турецкой войны. В «Новом времени» печатались подробные сводки с театра военных действий, оперативная и разнообразная информация, которая оригинально подавалась читателю. Среди ведущих публицистов был В.П. Буренин, в числе сотрудников значился П.А. Столыпин. Газета позволяла себе критиковать военное руководство, администрацию. Нередко на её страницах поднимались острые нравственные вопросы (в статьях Розанова); печаталась хорошая беллетристика (например, рассказы Чехова). В 1917 году «Новое время» было закрыто.

«Русские ведомости» — ведущая московская газета 1870–1880-х годов умеренно-либерального направления. Среди её тем — защита интересов крестьян и рабочих в рамках законодательства, стремление к принятию конституции. Кроме того на её страницах была хорошая беллетристика. Все это делало «Русские ведомости» популярными в интеллигентской среде. Деятельность издания способствовала формированию кадетских взглядов. С газетой сотрудничали видные литераторы и ученые Г. Успенский, П. Лавров, Михайловский, Короленко, Тимирязев, академик Анучин, музыкальный критик Ларош, репортёр Гиляровский. В 1918 году «Русские ведомости» были закрыты.

сти, забросив все обычные человеческие заботы. Он пил горькую три дня, неделю, а иногда и половину месяца. (Он словно удалялся на тот свет, в тот самый загробный мир, о котором так любят толковать русские попы. Я дожидалась окончания его болезни на каком-нибудь пляже, добывая себе прокорм нищенством или, представленная самой себе, приживалась у его товарищей до возвращения Хозяина с того света. Так пережидают рыбаки внезапно налетевшее ненастье. Терпение моё питалось опытом. Я знала: наступит день, когда демон пьянства выпустит Хозяина из своих когтей. Тогда он отправится на ближайший пляж и уляжется там под лодкой или заберётся под какую-нибудь корягу. Порой он просто валился навзничь и лежал так, словно оттергнутое морской пучиной и издохшее придонное чудище. Бриз шевелил его спутанную бороду, солнце обжигало его кожу, прибой омывал его ноги. Протрезев, Хозяин первым делом хватался за сердце, которое, дескать, «выпрыгивало из впалой груди», а потом вспоминал и обо мне. Откуда ни возьмись добывались деньги. Приобретались обновки платья и билеты на корабль. Или же подворачивался знакомый шкипер, совершающий на своём шлюпе каботажное плавание вдоль черноморских берегов. Тогда мы снова отправлялись в путь, не помышляя о собственном, хотя бы временном крове и оседлой жизни.

Так продолжалось некоторое время — две зимы и три лета. За это время мы навестили многих людей, семейных и одиноких, красивых и изуродованных страшными ранами. Мы повидали множество житейских обстоятельств — от самых счастливых до трагических...

Это случилось осенью 1885 года в городе Сухум-келе, где мы навещали безногого нищенствующего

ветерана, подвизавшегося Христа ради при Ботаническом саде. Помню ухоженный многими трудами пологий склон горы Трапезия. Дорожки, посыпанные мелкими камешками или песком. Гроздья рододендронов, белых и голубых гортензий. Помню их сладкий запах и пять ступеней, ведущих в домик инвалида, помню Георгиевский крест на груди, но не помню его имени.

Встреча оказалась тёплой. Инвалид раскошегарил самовар. Выставил на стол снедь. Глядя, как жадно я набросилась на еду, инвалид принялся расспрашивать Хозяина о доходах, рассказывать об общих друзьях. По его словам, выходило, будто в одной из северных губерний сколачивается артель для охотничьего промысла, а охотничий промысел — самое подходящее для бывшего солдата дело.

— Пьянничаешь и таскаешься? — сказал инвалид. — Девчонку черномазую за собой таскаешь. А она вон уж округлилась. Чай, созрела, а? Что ты с ней дальше-то будешь делать?

— Замуж за тебя выдам, — сердито буркнул Хозяин. — Будет тебе мясо пережёвывать.

Я испуганно уставилась на инвалида, а тот, с увлечением шамкая беззубым ртом, принялся рассказывать о своей жизни. Побирается, дескать, у входа в ботанический сад, где в сезон разномастного народа пруд пруди. Много чистой публики, которая, дескать, и живёт с удовольствием, и милостыню подает с радостью. Милостыню инвалид просит с позволения здешнего начальства, которому с дневной выручки отчисляет твёрдый процент. В обмен на деньги, местный околоточный надзиратель поставляет инвалиду постоянную защиту от местной же шпаны, а жена околоточного надзира-

теля — щепу для растопки самовара и, если случится, недоеденные со вчерашнего дня пироги и прочую снедь. Потому что господин околоточный надзиратель приготовленную вчера пищу есть не станет. Кроме блюд с околоточного стола и щепы, смотритель ботанического сада, христорадетельный и добрый человек, разрешает инвалиду собирать сосновые шишки. Платит смотритель сдельно, по десять копеек за мешок, и, кроме того, разрешает брать шишки неограниченно для кипячения инвалидского самовара. Эти взаиморасчёты производятся без обмана вот уже пятый год. Таким образом, инвалид живёт безбедно и даже кое-что откладывает на-про чёрный день.

Я живу хорошо, — проговорил инвалид в заключение своей речи. — Потому что пью умеренно. Не выпадаю. Понял? По пляжам неделями без дела не валяюсь, а как пробьёт одиннадцатый час — я уж на посту. Стою себе у ворот, под аркой с картузом в руках. Вижу-вижу, ты уж на беленькую косишься. А как ныннешь, то одной не ограничишься. А где день пронынствовал, там, глядишь, и неделя. А потом на берегу станешь валяться — вот она и ещё неделя...

Хозяин только фыркнул ему в ответ. Между плошками со снедью на столе действительно притаилась меж закусок чекушка беленькой, но инвалиду требовалось отправляться на работу, а Хозяин, похоже, принял решение держаться до последней возможности. Появилась минутная пауза. Оба собеседника молчали. Я по обыкновению и тогдашней дикости своей рта не смела раскрыть и уж тем более не могла помыслить о том, что сделаюсь объектом внимания инвалида Турецкой войны — человека, без сомнений, мужественного, смыслённого и трудолюбивого и, в отличие от нас, не-

бедного. А инвалид как раз уставил на меня свои русские, по-детски прозрачные глаза и вымолвил:

— Цыганка?

Сказано это было в вопросительной интонации, но без малейшего сомнения на утвердительный ответ. Вчерашние пироги с надзирательского стола занимали внимание моего Хозяина всецело, и он промолчал.

— Видел я тут в цирке одну цыганку, — продолжал инвалид с мечтательной улыбкой на устах. — В цветной шали, с монистами на груди. На картах гадала. Будущее предсказывала. Наши дураки ей целую шапку монет накидали. Ты похожа на неё, как родная дочь. Одним делом только не вышла. У той цыганки глаза чёрные, зрачков не видать, а у тебя глазки, как фиалочки...

После столь тонкой похвалы моей девичьей красоте инвалид вернулся к разговорам о северных промысловых артелях, о тамошней богатой добычи и хороших заработках. Одним из доводов в пользу отбытия моего Хозяина в места столь далёкие явилась легендарная трезвость тамошних обитателей.

— В лесу ты водки не найдёшь, — так выразился инвалид.

— Там холодно, — буркнул Хозяин, покосившись на меня. — Она замёрзнет, а тут в любое время года с голодухи не опухнешь и не замёрзнешь. Море кормит. Море греет.

— А ты её оставь здесь. Пристрой куда-нибудь. Ей уж, поди, скоро замуж надо, — инвалид бросил в мою сторону обидно-оценивающий взгляд.

— Не за тебя ли выдать? — оскалился Хозяин, а я успокоилась.

Уж этот-то не выдаст, не оставит, не бросит. Ну выпьет он чекушку беленькой. Ну выпьет пяток. Ну по-

спит неделю на пустом берегу, а я пока у инвалида поживу. А там...

* * *

Однако в тот день Хозяин к беленькой не притронулся.

Мне надо оставаться трезвым, — проговорил он, беря меня за руку.

Так об руку со мной он покинул домик инвалида. Прощаясь ненадолго, пообещал вернуться к ночи и принял займы небольшую сумму денег, которую обязался потратить с толком на моё образование.

Смело води её в цирк. Ей там самое место, — интуитивно чувствовал его инвалид. — Там, кстати, тоже наш сослуживец подвизается. В полку его сиятельства Лорис-Меликова вольноопределяющимся служил, дослужился до прапорщика, а потом покалечило его. Ты припомни: Афоня Страбомыслов, молоденький такой, студент Санкт-Петербургской академии.

Это у него пистолет в руке взорвался?

Он самый. Академическое образование пустил побоку — и теперь цирковая знаменитость. По всему городу афиши. Цирк Страбомыслова! Видел шатёр? То то и оно! Там возле циркового шатра билетная будка. Кассиру скажи, дескать, герой турецкой компании. Имя его сиятельства Лорис-Меликова упомяни и город Эрзерум. Таким по распоряжению Страбомыслова контрамарки бесплатно выдают.

Тумбу с афишей мы обнаружили на перекрестье двух кривых улочек. На ней был указан и адрес расположения циркового шатра, и много иных интересных сведений. Я с интересом рассматривала картинки, изображавшие лихих наездников и их коней в наряд-

ных сбруях, тонкую, как тростинка, эквилибристку на трапеции. Чтению и счёту меня не учили, но Хозяин прочёл мне все слова на афише. Там было и о предсказательнице судьбы Любви Пичуге. Эта гадала на кофейной гуще и на картах, играла на гитаре и немного даже танцевала. И о Саре Самерс и её белых дрессированных голубках, о самом Страбомыслове в таких торжественных выражениях, что обыватель вполне мог бы надеяться увидеть по крайней мере земное воплощение фараона в тиаре, а может статься, и какое-нибудь античное божество. Впрочем, в те времена ни о фараонах, ни о насельниках Олимпа я ничего не знала...

Мы долго блуждали по улицам Сухум-кале в поисках циркового шатра. По пути нам встретилась не одна тумба с цирковой афишей, и все они были одинаковы. Помню, это обстоятельство меня немного расстроило. Будь моя воля, я нарисовала бы множество разных афиш с портретами эквилибристов, Любви Пичуги и великого клоуна Афанасия Страбомыслова.

Наконец, мы разыскали шатёр, представлявший собой высокое сооружение с конической крышей и разрисованными брезентовыми стенами, вокруг которых стояло множество кибиток. Тут же располагался загон для лошадей. Несколько пустых клеток стояли в два ряда. Пахло конским навозом. Над площадкой перед цирком кружились рои мух. Тут же с лотка продавалась сельтерская вода и кое-какая выпечка. Хозяин побрезговал, но я упросила, и он купил мне питья и воды.

При упоминании графского имени кавказец с крючковатым носом — повелитель билетёрской будки — сделался чуть менее надменным и действительно выдал нам две крошечные картонки, дававшие право на два места под самым куполом цирка.

Зрелище циркового представления вскружило мне голову. Лошади с высокими султанами скакали по кругу. Их золочёные копыта вздымали облака пыли под дуку духового оркестра, расположившегося в первом ряду зрительного зала. Среди сверкающей меди духовых инструментов неведомо зачем затесался огромный барабан. Время от времени угрюмого вида человек ударял в его бок большим молотком. Получалось громкое «БАМ!!!». Рядом с ним помещался высокий и жизнерадостный человек с двумя медными же тарелками в обеих руках. Когда он взмахивал руками, тарелки издавали веселящий и скандальный звук, похожий на звон бьющейся посуды. В целом, вместе с трубами и литаврами, получалась ужасная какофония, которая, moreover, понравилась мне чрезвычайно.

Учёные собаки и медведь на велосипеде пробудили в моём сердце горячий восторг, а эквилибристы на трапеции благоговейное преклонение. Отвага, ловкость, тонкий расчёт и гром аплодисментов, и восхищённые крики в награду за всё. И золотой песок арены. И золотая пыль, вздымаемая в воздух копытами цирковых лошадей.

Фигурки на арене и под куполом цирка казались крошечными, кукольными, а вот облик гадалки по имени Любовь Пичуга и её огромный большой учёности попугай не произвели на меня ровно никакого впечатления. В действе с попугаем я чувала подлог. Причина простая: гадалка хоть и провозглашала свои пророчества громовым, не по-женски низким голосом, но лицо её с галёрки никак не разглядеть. Какого там цвета у неё глаза? Стара она или юна? Какого рода племени? Из какой ткани пошито её яркое платье? В какие туфельки обуты её кукольные ножки? С галёрки ничего

не разобрать. Главным действующим лицом её номера являлся именно попугай, который, порхая над рядами зрителей, присаживался на плечо то к одному, то к другой. Далее Пичуга при помощи карт и кофейной гуши раскрывала подноготную избранного попугаем зрителя под изумлённый гул разномастной публики. И никто не подозревал подлога, меж тем юная Амаль Меретук скучала, слушая крики гадалки и чириканье её попугая.

Сам Страбомыслов в полосатом балахоне и высоком колпаке оказался точно таким же, как его изображение на афише. Он появлялся на арене чаще других, но смысл его шуток, вызывавших в зале бурный хохот, оставался тёмным для меня. От него я скучала так же, как от гадалки с попугаем, недоумевая: за что обоим такая слава?

Но вот представление закончилось. Зрительный зал вокруг пустующей арены тоже начал пустеть. Люди покидали цирк неохотно. Каждому, как и мне, хотелось задержаться, ещё раз задрав голову посмотреть в феерическую высь купола. Тогда-то мой сатанёныш сдержал своё обещание, снова явившись ко мне. «Ты сумеешь это сделать куда лучше, чем какая-то там Пичуга», — ехидно проговорил он и, не замеченный Хозяином, скрылся.

Мы с Хозяином сидели на галёрке бок о бок до тех пор, пока последний зритель не покинул зал, и остались бы сидеть ещё, если б Афанасий Страбомыслов вновь не появился на арене и не окликнул нас. Ответом ему было имя инвалида, просившего милостыню у ворот ботанического сада, упоминание его сиятельства графа Лорис-Меликова и слово Эрзерум. Слово это, выкрикнутое Хозяином во всю мощь его глотки,

поразило мой привыкший к русской речи слух своею чужестранностью, чужеродностью и опасностью.

Ответом на произнесённые пароли было приглашение спуститься. Мы прошли в закулисы по песку и были слишком быстро. Мне хотелось задержаться. Потрогать песок руками. Неужели он на самом деле золотой? Но Хозяин тащил меня за руку, торопился и во всех силах, но не поспевал за клоуном.

Закулисы цирка оказались тесным лабиринтом со множеством закоулков и перегородок, в котором клоун («трабомыслов тут же исчез. Пришлось спрашивать дорогу. Пришлось объяснять, кто таковы и зачем пришли. При этом Хозяин ещё раз произнёс слово «Эрзерум».

— Знаю-знаю! — ответил ему какой-то человек, по виду конюх. — Эрзерум — место нечеловеческой жестокости, сотворённой женщинами-мусульманками. Много слышал историй про кровавый 1878 год. Люди говорили так: как только в городе Эрзеруме стало известно об окончании битвы, женщины — жены и дочери солдат османли — вышли на поле боя, вооруженные ножами, топорами и прочими режущими кухонными предметами. Брали всё, что попадалось им в руки. На поле боя ещё оставались русские солдаты — тяжело раненные и убитые. Я почитываю английские газеты и оттуда узнал, что почти каждый русский, найденный лежащим на поле боя под Эрзерумом, был обезглавлен или искалечен. «The Times» писала, будто внешний вид ран доказывал, что многие из них были нанесены ещё живым людям. Эта девочка не оттуда ли? Не из Эрзерума? По виду она турчанка. Ишь, глазки-то, как фиалки. А вы не читаете «The Times»?

Мы двинулись дальше. Я следовала за Хозяином. Цепляясь за полы его одежды, дергая за них, я спра-

шивала его об инвалиде-попрошайке у ворот ботанического сада. Мне хотелось узнать, не там ли, не под Эрзерумом ли он потерял свои ноги при столь ужасных обстоятельствах.

Хозяин обернулся, бросил небрежно:

— Да, так и было. Крепко пострадал человек. Но это ничего. На войне творится много всяких злых дел.

Наконец мы нашли дверь с пышной надписью готическим шрифтом.

— Директор цирка «Черноморские огни», всемирно известный артист, личный друг графа Виндзора и шейха Алима ибн Сауда, Афанасий Иванович Страбомыслов, — прочёл Хозяин. — Ишь ты! Заматерел Афоня!

Он распахнул дверь из легчайшей фанеры, и мы вступили в святая святых. Ах, тогда Амаль Меретук подумалось сдуру, что именно так мог бы выглядеть православный алтарь, в который мне навек дорога заказана...

Кабинет Страбомыслова — снятый с колёс и помещённый под цирковой купол кузов кибитки. Стены и потолок — обтянутый брезентом решетчатый каркас. Все стены изнутри увешаны старыми афишами и фотографическими портретами каких-то людей. Иногда лица этих людей покрыты вульгарным гримом, иногда чисты и оттого ещё более выразительны. Посреди кабинета под лампой установлен гримёрный стол. Рядом с ним на вешале в ряд разноцветные костюмы, сценические и обычные. За ширмами — узкая кровать. Вот и вся обстановка будуара личного друга графа Виндзора и шейха Алима ибн Сауда.

— Здравствуй, Афанасий Иванович! — произнёс Хозяин.

При этом нос его коснулся штанины чуть выше колена — так велико и глубоко было его почтение.

Одетый в огромный балахон в чёрно-белую полоску и красную шапочку, украшенную множеством разноцветных помпонов, Страбомыслов походил на сломанную куклу, брошенную в сломанное колченогое кресло. В зеркале гримёрного стола он отражался вполоборота. Таким образом я могла видеть Страбомыслова в двух проекциях. Лицо клоуна представляло собой ярко раскрашенную плачущую маску. Обведённый чёрной краской рот походил на бездонный колодезь, а подведённые синим глаза — на яркие незабудки. На белёных щеках чья-то небрежная рука нарисовала кривые антрацитовые пятна, долженствовавшие изображать слёзы. Я растерянно рассматривала эту маску, словно она была неодушевлённым предметом. Но самой странной деталью его облика мне показались огромные с загнутыми округлыми носами ботинки. Была у клоуна и ещё одна приметная черта. На правой руке его не доставало трёх пальцев. Оттого и выглядела она довольно забавно, будто клоун непрерывно показывал кому-то «козу». Глядя на ботинки и на эту его «козу», я рассмеялась. Ах, дети часто бывают так бесцеремонны! Право слово, человек не может иметь таких огромных ступней. В такой обуви и стоять-то тяжело, а ходить и вовсе невозможно. Может быть поэтому, он, не способный подняться на ноги, валяется в этом кожаном кресле, подобно тряпичной кукле, и только в напряжённых, перевитых паутиной синих жилок руках чувствуется энергия человеческой жизни. Руки эти, правая искалеченная, двухпалая, а левая пятипалая, выдают и привычку к тяжёлому труду. В этих руках я не обнаружила совсем ничего кукольного.

Рассмотрев как следует ботинки и руки клоуна, я уставилась на собственные чумазые, крепкие и босые ноги, торчащие из-под оборванного подола. Ха! У меня-то всё было настоящим — от взъерошенных на макушке волос до грязных ногтей на мизинцах ног. И плакать я умею настоящими горько-солёными слезами, которые рисуют на моих щеках светлые сплошные полосы, а никакие-то там чернильные капли.

— Как тебя зовут? — с преувеличенной ласковостью спросил клоун.

В ответ я назвала своё первое, мусульманское имя, которое теперь не помню.

— А фамилия?

Я молчала, не понимая вопроса.

— Не возьму, — проговорил клоун, и лицо его сделалось горше прогорклой простокваши.

Я стояла, как громом поражённая. Как же так? Хозяин собрался на «севера», где мне не место. Клоун брать меня не хочет. Выходит, я опять останусь брошенной, одна. Страх вцепился в мою душу, как собака в недогрызенную кость. Но мой не ведающий страха Хозяин оказался не таков, как я.

— Она дочь Меретука. Того самого, что напал на село Долгое и погиб от казацкой шашки при отражении набега, — ответил мой Хозяин. — Девочка хорошая. Возьмите, не пожалеете. Хоть отец её и пал от казацкой шашки, но мать слыла женщиной кроткой. Да всю семью забрала чума. Только эта вот и выжила... Хорошая девочка, от того Господь и оставил ей жизнь.

— Чего же хорошего в ней? Чёрненькая какая-то. Не русская. Меретук... Меретук... — Клоун несколько раз повторил имя моего отца.

— Вы не думайте. Она не колдунья, — уговаривал мой спаситель. — Настоящие колдуньи не такие. Вот у нас в селе была Аглая-колдунья. Так у неё нос крючком. Глаза к переносице сбежались и голубые, как васильки, а волос на голове светлый, почти белый. Читать-писать не умела, зато людей видела насквозь. Мысли читала да всё прочитанное потом высказывала. Каждый, кто её обидит, не только словом или делом, но даже и помыслом, потом быстро умирал. А эта... Дитя, сирота. Что с неё взять?

(Ответом на длинную речь моего спасителя стало: «Меретук... Меретук... Меретук...» — как стук барабанных палочек, как скрёб ложки по дну пустой миски.

Читать и писать умеешь? — спросил наконец клоун.

Я молчала, не зная, как ответить. Хозяин ткнул меня кулаком меж лопаток.

Отвечай!

Я понимаю русский и черкесский языки. А ещё язык дагов. Умею печь лепёшки и ходить за козой. Умею седлать коня и ездить верхом.

Клоун рассмеялся. Смеялся он долго. Смех сотрясал его тело, оно бурно колыхалось под балахоном. Помпоны на красной шапочке тряслись. Едва не оторвались от шутовской шапочки эти яркие помпоны. При этом нарисованные слёзы на его щеках превратились в настоящие мокрые чёрные ручейки, а шея вспотела. Так я поняла, что клоун не только стар, но и тучен и оттого лбавен. Поняв это, я рассмеялась.

Она ничего не умеет. Даже имени своего толком не знает. Дикая, — проговорил клоун отсмеявшись.

Возьми её, — настаивал Хозяин. — Мне она ни к чему, а тебе как раз пригодится. Будет кому на старо-

сти лет кофий в постель подавать. А ты её обучишь. Про тебя-то каждый знает, что ты человек хоть и цирковой, но образованный. Разные языки знаешь. Во многих странах как свой принят. Сам стихи сочиняешь и сам на музыку их кладёшь. Слышал я и о том, как ты в известные журналы задачки по алгебре пишешь. Их потом разные люди решить пытаются, да не каждый может решить-то. Такие хитрые у тебя задачки. Ты её всему сам научишь, и никакой гимназии не надо. Возьми!

— Научу... Научил уже некоторых! — клоунская маска исказилась, из печальной превратившись в злую. — Я её научу, а она на меня потом сглаз и порчу направит. Смотри, какие у неё глаза, а зрачки будто булавкой проткнутые.

— Да говорю ж тебе, Иван Афанасьевич, сглазливые глаза голубые или, как у меня, — серые. У колдуна волос светлый, почти бесцветный, как у меня, а эдита гор, что с неё взять?

— Правильно ты говоришь, солдат: что с неё взять? И учить смысл какой? Простой арифметический счёт, чтоб на базаре торговаться могла и мужнины деньги правильно считать. А ещё грамоте, чтобы надписи на вывесках могла разобрать, — вот и вся наука. А больше ей и не надо. Таких сколько ни учи — всё одно всё сведется к базарной торговле каким-нибудь барахлом или, хуже того, к воровству с грабежом. Ты этих горцев знаешь.

Рот его искривился, будто клоун проглотил горькое. Глаза его грозно уставились на меня. Он ждал: вот я стушуюсь, а может быть, даже и заплачу, как совсем недавно плакал он сам, сквозь смех. А может быть, заплачу и как-то иначе, по-настоящему. Однако вышло не так, как он думал, а по-моему.

- Меня не всему надо учить, — горделиво приосанившись, заметила я. — На коне я уже умею скакать. И запрячь коня умею. И напоить его. Я корм лошадям могу задать. Отец учил меня стрелять из своего обреза, и у меня получалось попасть с двадцати шагов в медный грош. Хоть завтра могу выйти на арену с вашими циркачами.

Я говорила долго, стараясь показать отличное владение русским языком. При этом я, наивная, всячески хвалила не только себя, но и воинские доблести своего убитого отца, о котором знала лишь понаслышке. Красноречие моё не иссякало — очень уж хотелось остаться в цирке. Мне хотелось также, чтобы и Хозяину позволили остаться в цирке вместе со мной, и это право я готовилась и заслужить, и отработать, если потребуется. А Хозяин смотрел на меня с изумлением, ведь до этого я почти не раскрывала рта, особенно на людях.

Клоун в который уже раз окинул меня оценивающим взглядом.

Всё-то ты врешь! — бросил он, и во рту его распухлась ещё одна горькая пилюля.

Могу показать! Я видела в вашем цирке много лошадей. Могу сесть на любую!

Хвастовство!

Тогда я не поняла доподлинно значения сказанного клоуном слова. Ясно было только, что он мне не верит. В поисках правильного аргумента я оглянулась на Хозяина, стоявшего позади меня.

- Я слышал, твой отец, Меретук, очень хорошо стрелял и стоя на седле, и из-под седла...

Да я умею! Джигитовка!

И клоун сдался.

— Господь с тобой. Пойдём!

Страбомыслов неловко выбрался из своего кресла. Я последовала за ним в цирковое закулистье, где кричали, курлыкали, рычали, ржали и лаяли цирковые животные, где в нос бил запах их мочи и кала. Я шла, ступая по мелкому песку, а порой и древесные опилки впивались в мои голые пятки. Я ойкала и морщилась, останавливаясь, чтобы вынуть из ноги очередную занозу.

— Ты бы хоть на обувь для девочки потратился, — ворчал недовольный моей нерасторопностью Клоун. — Эй, где ты, солдат?

Но того уже и след простыл. Мой Хозяин исчез, считая новые руки, принявшие меня, вполне надёжными. Поразмыслив, я отнеслась с уважением к его выбору.

Спустя много лет меня нашло письмо, писанное Хозяином в северном городе Коряжма. Всего несколько строк, которыми он выражал надежду, что я всё-таки выучилась читать и писать, и смогу самостоятельно прочесть его послание. Его надежды питали газетные статьи, время от времени появляющиеся в российской и заграничной прессе, в которых рассказывалось о феерических успехах цирка Страбомыслова. Я помню достоверно, как в одной из статей — кажется, то был «Вестник» — действительно упоминалось имя юной эквилибристки Амаль Меретук. Хозяин хвалил меня, используя для этого самые нежные выражения. О себе он рассказал очень коротко: состарился. Вот и всё...

А пока я следовала за полосатой спиной. Так следует за мамой-уткой едва вылупившийся из яйца утёнок. Обычная, не сценическая походка клоуна была скованной, как у старого человека с больными костями и су-

стинами, но стоило лишь ему ступить из-за смрадных кулис на свежий, пахнувший дамской пудрой воздух манежа, как движения его преобразились: шаг сделался стремительным, а осанка горделивой. По песку манежа бродили белые горлинки из аттракциона «Сара Самерс и её дрессированные голубки». Клоун возвысил голос, отдавая распоряжения, и белокрылые птицы взвились к куполу. В тот короткий миг, когда их шумные крылья трепетали возле моего лица, я испытала восторг счастья. Но вот голуби упорхнули. Амаль Меретук посмотрела на них и не заметила, как мне подвели миленькую лошадку с бельмом на левом глазу.

В руки мне дали очень тяжёлый старинный пистоль, совсем не похожий на обрез моего отца. Угрюмый желтолицый человек в зелёном трико показал мне, как целиться и как нажимать на курок. Я выстрелила на пробу в цирковой купол. Пуля перебила один из канатов трюпции. Горлинки снова взвились.

Але-оп! — вскричал клоун, и вот я уже в седле.

Там, на манеже, в окружении рядов пустующих кресел, я — девочка без имени и с потерянной судьбой — показала всё, что умею. Там я впервые ощутила мистический азарт победы над фатумом. Вкус удачи оказался сладок, незабываем...

* * *

Время слишком быстро бежит, от того порой я ощущаю себя совсем старой. Часы, дни, недели, месяцы, годы скручиваются в плотный клубок моей жизни. «Что есть жизнь Амаль Меретук?» — спросите вы. И я отвечу: жизнь Амаль Меретук — это ЦИРК.

Что такое цирк? Цирк — не только деревянный обшпунтанный раскрашенным брезентом каркас. Цирк — не

только круглая посыпанная песком арена и зрители вокруг неё, не только пахнущее звериными испражнениями и трудовым потом закулисье. Цирк — это вереница конных повозок. Иногда их лишь двадцать, но часто намного больше. Вот они тянутся по просёлку под назойливым дождём, который с минуты на минуту собирается превратиться в снег. Впереди хорошие сборы в рождественские праздники и на Масленицу. Надежда осесть на зиму в каком-нибудь губернском городе. Но дни зимней оседлости проходят. Праздники заканчиваются страдой, и цирк снова пускается в путь по просохшим после весенней распутицы дорогам.

И опять, как в минувшем году, шоссе, просёлки, переправы, большие и маленькие города. Россия, Северный Кавказ, Малороссия, Белая Русь, Польша, Балтия, Закарпатье... В городах дома, магазины, фабричные трубы, вывески и кабаки, палисадники, крыжовник и смородина, рябинки и акация, черёмуха и сирень, виноградная лоза, шелковица, яблоки или абрикосы, поля подсолнечника и рапса — как повежёт, но всегда и везде в сумерки меж синими ставнями в окошках свет. Ранним утром над низинами стелется туман и тишь такая, что выдохнуть страшно. В такие минуты человеческое дыхание слишком громкий звук. В медленной речке вода, как ртуть. Рыбка играет, пуская круги по воде. И стрекозы. Множество стрекоз, и каждая, как ювелирное украшение. За высокими воротинами на хозяйских дворах неведомая мне семейная жизнь. Там мычит скотина, кудахчут куры и верещит детвора. Возможно, такая семейная жизнь скудна, скучна и уныла. Возможно, в ней слишком много труда и лишений, а праздников и веселья с-

нем чуть-чуть. А вот у меня и дома-то нет, зато на ногах ботинки из отлично выделанной кожи, на плечах красивая шаль, а в сундуке за спиной множество платьев и даже шубка из чернобурого меха имеется. А у меня в картонках дюжина изысканных шляпок, и одна из них даже с настоящим страусовым пером. А у меня в кармане потрёпанная колода покойницы Любови Пичуги, которая очень кстати скончалась именно в тот момент, когда мне по возрасту стало вовсе неловко заниматься джигитовкой и стрельбой по движущейся мишени. Уходя из нашего мира, она отчасти передала мне начатки своего искусства, главным образом заключавшиеся в прямом подлоге. Ведь среди зрителей в зале всегда присутствовали несколько цирковых, добрых знакомых огромного попугая и его всегдашних избранников. Искусство Любови Пичуги заключалось главным образом в том, что она, подобно писателю Чехову и иным литераторам, для каждого представления придумывала своим «подсадным уткам» новую судьбу.

Я же работала по-настоящему, как и полагается вишней. Для моей работы мне не требовались ни ассистенты из числа ряженных под простаков цирковых артистов, ни огромная птица exotica, ведь неразлучный мой сатанёныш приоткрывал мне оконце в будущее по черному требованию. Ах, это будущее! Сладостное, манящее, жуткое, ужасное — любое, но всегда чарующее. И Амаль Меретук — его властительница, одна из немногих, допущенных к истине. Зрителя в моей работе подкупала искренность, следствием которой являлся успех. Небольшая моя слава бежала быстро впереди меня, а я поторапливалась за ней на облучке цирковой кибитки.

* * *

Такова цирковая судьба, сулящая Амаль Меретук в будущем славу огромную, роскошные яства, пуховую постель и шелковые одежды. А пока значительную часть своей жизни Амаль Меретук проводит на облучке цирковой кибитки. За её спиной, под брезентовым кузовом два сундука с бесценными дарами клоуна Страбомыслова. В одном нарядные платья, пошитые умелой портнихой из плотного шёлка. Другой полон растрёпанных книжек. Их обветшалые страницы, их запах, их тихий шелест полюбился Амаль Меретук не меньше, чем красивые платья. Кроме «Учебника логики» и «Русского правописания», там было простенькое издание книг господина Карышева «Бог не опровержим наукой» (учебник для офицеров военных училищ), «Состав человеческого существа», «Сущность жизни». Благодаря сундуку Страбомыслова в моём распоряжении оказались и «История государства Российского» господина Карамзина, и учебники по естественным наукам. В том же сундуке хранились и главные русские романы девятнадцатого столетия. На этом Страбомыслов не экономил. Прекрасные издания с золотыми обрезами и латунными застёжками на кожаных переплётах Амаль Меретук зачитала до дыр. Так, пересекая Россию от Чёрного моря на север и от Уральских гор до Польши, Амаль Меретук в то же время путешествовала от «Евгения Онегина» и «Героя нашего времени» к «Обломову». Промежуточными станциями на этом пути являлись «Мёртвые души», «Война и мир», «Анна Каренина», «Отцы и дети», «Господа Головлёвы», «Идиот», «Преступление и наказание», «Бесы»...

Под копытами лошадей пыльная колея дороги, огибающей зелёный холм. На холме, под церковной

стеной кладбище. Кресты на могилках с увядающими веночками, кованые ограды. Такие места любит русский Бог. Он суров и строг со своими чадами. Но он и настоящий, единственно подлинный. Совсем девчонка, я видела, как крестились на церковные купола мои товарищи — цирковые артисты, и, следуя их примеру, крестилась сама, хоть на моей шее и не было креста. Мне не требовалось доказательств подлинности русского Бога во всей его суровой доброте. Для меня доказательство Божьего бытия — частички мощей, зашитые в трико воздушных акробатов, лик Николы чудотворца в потайном кармане шутовского балахона Страбомыслова, их сосредоточенная и страстная сомолитвенность перед каждым представлением.

Путешествуя из города в город, я сначала узнала Россию и выучила, наконец, русский язык не только в устной его форме, но и в письменной тоже. Русской грамматикой мои познания не ограничивались.

Страбомыслов действительно неплохо разбирался в алгебре и геометрии. Науки эти, не слишком-то мудрёные для живого ума, он сумел преподать и мне. Изучение же русской литературы я завершила пьесами того самого Антона Чехова, рассказы которого читал мне вслух Хозяин из «Нового времени». У этого самого Антона Чехова мы гостили в местечке Мелихово в 1898 году. Конечно же, уездный город С. видел представления цирка Афанасия Страбомыслова. Там же Клоуну пришла в голову новая мысль, которую он назвал «коронной».

— Я тебя окрещу и зваться ты будешь Амалией Афанасьевной Меретук. Так тебя и запишем в метрической книге, — сказал он мне однажды.

— Таким образом, если ты решил удочерить меня, то я должна стать Страбомысловой, — ответила я.

— Страбомыслов — неблагозвучная фамилия, которая подходит лишь такому толстому и нелепому мужчине, как я. А Меретук — как дробь барабанных палочек. Меретук — это торжество, слава! Это ты! Какой успех! После моей смерти ты унаследуешь моё дело. Мой цирк станет твоим. Понимаешь?

— Цирк Страбомыслова — это *figma*. Это слава. Это деньги. Это доход, — возразила я. — А что такое Амаль Меретук? Амаль Меретук — это просто я и ничего более.

Но Афанасий Страбомыслов никогда не спорил с Амаль Меретук. Афанасий Страбомыслов всегда и всё делал по-своему.

* * *

Обряд моего торжественного крещения проходил в храме неподалёку села Мелихова. Помнится, то была церковь Рождества Христова. Поп оказался очень добросовестным, оттого обряд и длился несколько часов. Присутствовали все наши цирковые, а также приятель Страбомыслова местный земский врач и благотворитель по фамилии Чехов, уже упоминавшийся мною ранее. Все мы слишком устали тогда, и вернувшись к своим кибиткам, крепко выпили, да и повалились спать.

На следующее утро Амаль Меретук проснулась с крестиком на шее и сразу припомнила Любовь Пичугу с её колдовской наукой. Как теперь быть? Ведь этот крест, надетый мне на шею православным попом, символизирует мою связь с Богом, а гадания на картах и любое гадание — это связь с Сатаной. Что же делать? Бросить гадания и окончательно податься в кон-

ные эквилибристки? Амаль Меретук так и терзалась бы в плену собственных внутренних противоречий, если б на помощь ей не явился похмельный, но вполне бодрый Страбомуслов. Вся сцена разыгралась в пахнущем зверинцем закулисье самого лучшего в мире цирка.

— Начало через два часа. Готовься, — хмуро проговорил Страбомуслов. — Нынче явится из С. предводитель дворянства. У его супруги к тебе есть несколько вопросов. Их она задаст, разумеется, после представления.

— О чём вопросы? — с самым смиренным видом спросила я.

— Не знаю, — нехотя отозвался Страбомуслов. — Там есть дело... Возможно, понадобится предмет... ну ты понимаешь...

— Привлечь мужчину? — допытывалась я.

— Да какое там! Сына! И не привлечь, а направить на путь истинный. Надо дать ему... предмет...

— Не могу! — отрезала я. — Господь православный не велит колдовать.

Страбомуслов остолбенел. Гнев раскрасил его лицо багрянцем, он надулся индюком. Того и гляди, взорвётся. Но и Амаль Меретук не робкого десятка.

— Сам меня крестил. Сам на грех толкаешь, — добавила я не без ехидства.

— А для чего тогда я тебя учил? — взревел Страбомуслов. — Для чего Люба Пичуга тебе своё искусство передала? Думаешь, она не крещёная была?

— Я не знаю. Она не говорила, — дерзко ответила Амаль Меретук.

— Крещёная она была. Я точно знаю! Большой грешницей себя считала... А С.-ская предводитель-

ша — дама значительная и из хорошей семьи, но вот сынок у неё не задался ни в отца, ни в мамашу. Бунтовщик и атеист. Связался с революционерами ещё в гимназии, за что и изгнали. Родители его в реальное училище определили, так он и там организовал какой-то там кружок. Его — в участок, он — бежать и в подпольщики определился. Сын уездного предюдителя — революционер! — Страбомыслов закатил глаза. — Мамаша желает знать, где он.

— В Лондоне, — быстро ответила я.

— Откуда знаешь?

— Откуда... ну как тебе сказать... Я не знаю. Сю-рее вижу.

— Что?

— Главный город столь искусных в жизненный борьбе англичан. Лондонскую трущобу. Всё серо, нечисто. Грязный воздух. Плохая еда. Пьянство. Плотский грех. Серое, плохо выстиранное бельё. Рваные занавески, а за ними двор, полный нечистотами.

Я зажмурилась, зажала пальцами нос. Я поджала ноги и подобрала подол юбки, чтобы не испачкать их. Я оказалась в Лондоне, на мусорных задворках какой-то фабрики. Дурной запах, грязь, нищета. Отчаяние овладело мною. Конечно, разум мой понимал, что это всего лишь видение. Амаль Меретук замечала за собой подобное и ранее. Неведомым образом, по какому-то наитию мне открывалось скрытое от других, стою лишь сосредоточиться. Часто мне снились незнакомые города, посёлки, перекрёстки полевых дорог, колодези, мельницы — самые разные места, в которые впоследствии приводила меня цирковая судьба. Самой себе я это объясняла просто: пережитый в раннем детстве испуг так повлиял на меня. Страбомыслов называл это

«Божьим промыслом», а я не понимала, отчего же его суровый Бог промыслил мне так остро испытывать чужую боль и чужую радость, и даже запах чужого супа, съеденного кем-то за тысячу вёрст от меня? Отчего я должна знать погоду на следующей неделе и состояние ободьев экипажа, проезжающего по соседней улице? Не слишком ли много знания для одной маленькой Амаль Меретук? Тёплый крестик покоился на моей груди, но на сердце не было благодати. Я боялась не только запаха и вида трущоб. Не только бессмысленности чужой боли опасалась я. Меня волновал мой служебный демон — толкователь непонятного, наперсник и друг. Вдруг да он, испугавшись православного креста, отвернётся от меня? Вдруг да я не услышу больше его заговорщицкого шепотка? Таро, цыганские карты, кофейная гуща — всё это инструменты шарлатанки Пичугиной, которая научила меня лишь петь под гитару. Перебирая пальцами картонные прямоугольники или грея ладони о тонкий фарфор, проще сосредоточиться. Но увидеть, понять увиденное и иметь достаточный такт, чтобы передать виденное вопрошающему, — этим не на гитаре играть. Такому нельзя научить.

Беспомощная, я оглянулась на Страбомыслова.

— С Божьей помощью ты сумеешь, — проговорил тот. — Надо помочь избежать именно нечистоты. Сын вельможной дамы подался за границу и уж третий год от него ни слуху ни духу. Надо помочь. Передать денег. Может быть, что-нибудь ещё...

— Амаль Меретук всё сделает, — вздохнула я.

Страбомыслов направился было к выходу. Но какая-то мысль, какая-то надоба остановила его у самой двери, за которой уже бурлила обычная цирковая суэта: слышались громкие возбуждённые голоса, таякали со-

баки, репетировали оркестранты. Медвежий рёв диссонировал со звуками гобоя.

— Амаль?..

Сейчас он опять станет спрашивать об этом. Всегда выжидает подходящего момента, когда я слишком занята — как сейчас — или расстроена, или устала. В таком состоянии люди склонны к неуместной откровенности.

— Амаль Меретук торопится. Её номер первый в программе, — отозвалась я, делая вид, будто наношу на лицо грим.

— Люба Пичуга не могла обучить тебя такому. Люба просто гадала на картах, в то время как ты...

— Что я?

— Ты видишь...

Он смотрел на меня с тем умилительно алчным выражением, с каким смотрят дети на витрину кондитерской лавки.

— Я вижу. Да. Амаль Меретук видит. Маленькой девочкой она испугалась. Впервые это случилось от испуга как раз перед тем, как её спас русский солдат.

— Я так и думал... Я предполагал, что это у тебя врождённое!

От радости Страбомыслов принялся скакать на моей крошечной гримёрке. Флаконы на моём столике звенели, соударяясь друг с другом. Костюмы на вешале трепетали, как под порывами ветра.

— Я знал! Я чувствовал заранее!!! — громовым голосом пропел он, прежде чем я, вконец обозлившись, хлопнула ладонью по столу.

— Выход Амаль Меретук! Мой выход! — вскричала я.

Страбомыслов уgomонился, но встречи с серпуховской предводительшей было не избежать.

* * *

Пожилая и по столичному элегантная дама явилась и мою скромную гримёрку после представления. И сразу же в руках Амаль Меретук оказалась пухлая пачка банкнот.

— Вы не подумайте, что С.-кий уезд — это какая-то провинция... иначе говоря, дыра... мы с мужем состоятельные люди... по-настоящему состоятельные. Понимаете?

Я кивала, ожидая продолжения. Как тут не понять? Дама между тем продолжала. Оказалось, что она осведомлена о планах цирка Страбомыслова, который направляется через Галицию в Европу, где ему предоставлен хороший ангажемент. Дама надеется, что Амаль Меретук разыщет в Европе её сына и убедит его принять деньги на содержание.

— По глупости, по молодости он связался с неправильными людьми, бежал и теперь объявлен в розыск. Но я надеюсь, что он в Европе. Все-все бунтовщики бегут в Европу...

Она выжидательно посмотрела на меня и добавила:

— Бежал, не простившись с матерью и отцом...

— Он в Лондоне, но цирк Страбомыслова окажется там не скоро, — проговорила я, предпринимая первую попытку вернуть ей пачку банкнот.

— Ах, оставьте себе! — она оттолкнула мою руку.

— Возможно, я смогу найти нарочного, который передаст деньги вашему сыну, когда мы будем уже за границей, в Австро-Венгрии.

— Отчего же вы уверены, что он именно в Лондоне?.. Откуда вам знать?.. Впрочем... Умоляю найти его и передать, но тайно! Мой управляющий доставит вам деньги... Мы хотели перевести деньги через банк,

но мой управляющий против. Он толкует об конфиденциальности. Да мы и не знаем куда переводить. И как сообщить ему о переводе. Уже второй год ни одного письма!

— Но эти деньги?..

— Ах, эти лично вам! За беспокойство...

Я провела пальцем по обрезау банкнот.

— Но тут... Это слишком много! Слишком щедрая плата за такую услугу.

Ничего не ответив на моё возражение, дама снова спросила:

— Так вы сказали, что он в Лондоне?

— Именно Лондон.

— С ним всё хорошо?

Как ответить на столь прямой вопрос, если он задан страдающей матерью?

— Он здоров, — ответила я и от всей души взмолилась Господу о скорейшем окончании разговора, ибо моя собеседница желала обрести полную уверенность.

— Прошу вас. При помощи денег жизнь его совершенно наладится.

Её глаза заискрились слезами. Сердце Амаль Меретук сжалось от жалости.

— В Лондоне тоже можно жить. Город как горд. Кого там только нет! И русских бунтовщиков немаю. Ручаюсь, не пройдет и полугода, как сын напишет вам.

— Вы говорите так уверенно... Вы вселяете в меня надежду... Может быть, что-то нужно ещё?

— Вот это, — Амаль Меретук указала пальцем на кулон, блиставший бриллиантами меж тонких ключей госпожи предводительши.

— Это подарок мужа. Но если угодно, я могу зазвать точно такой же и пошлю его вам... или лично?

— Подарок мужа — это очень хорошо. Я должна отдать его вашему сыну.

— Но зачем? Зачем ему женский медальон?

— Это связь, якорь, который привяжет вашего сына к вам. Амаль Меретук знает, как это сделать.

* * *

Вот вкратце и весь разговор. Жена уездного предводителя отправилась в Серпухов, а я осталась под цирковым шатром с бриллиантовой подвеской и пачкой денег. Действительно, в последнее время дела цирка шли не так, чтобы очень уж хорошо, а скорее вовсе плохо. Публике приелись акробаты и дрессированный медведь на велосипеде. За год ресурсы хлебной Московской губернии исчерпались. Кассовые сборы начали падать. Выходя на арену, я всё чаще видела в зрительном зале пустующие места, и их с каждой неделей всё прибавлялось. Переезд в Галицию требовал немалых затрат. А потом нас ждали Трансильвания и Вена. В Австро-Венгрии у Страбомыслова был хороший антрепренёр, письмо Страбомыслову прислал, дескать, в Трансильвании своих цыган мало — подавай ему наших. Страбомыслов собирался не долго. Так мы покинули Московскую губернию навсегда.

А сына предводительницы Амаль Меретук разыскала в Лондоне без труда. Он поразился, получив письмо от циркачки, и сразу же мне ответил. Стоит ли упоминать о том, что к письму прилагалась бархатная коробочка с медальоном? Вскоре между матерью и её потерянным сыном завязалась переписка. Гастролируя с цирком Страбомыслова по Австро-Венгрии, я окольными путями узнала о счастливо окончившемся визите С.-ской предводительши в Лондон.

Добрые дела заслуживают награды, не так ли? Вот и Амаль Меретук получила своё. Но об этом я расскажу чуть позже.

* * *

Мне едва минуло 30 лет, а уже перевидала многие страны и тысячи людей. Казалось, Амаль Меретук знает о жизни всё. Я сопоставляла, сравнивала, но в сердце жили первые детские впечатления: старый солдат, спасший меня от одинокой смерти, его товарищи и их тяжелая служба неласковому Отечеству. Само это Отечество, наш дом, наш мир, его бескрайность, чистосердечие и отвага. Его лень, босячество, безалаберность, вороватость. И это странное смирение перед несправедливостью и в то же время осознание собственной исключительной правоты, и упорство, и мужество в отстаивании её. Амаль Меретук всё время думала о России и всегда мечтала туда вернуться. Тем не менее наше европейское турне длилось нескончаемо долго. Артисты цирка Страбомыслова стремились вернуться в Россию, но Великий Клоун на европейских гонорах богател. Испытывал ли он тоску по плакучим берёзкам и раскисающему по осени чернозёму, кто знает? Чёрно-белая маска клоуна, цветной колпак, полосатый балахон и огромные, с загнутыми носами ботинки обеспечивают приватность чувств лучше самых толстых монастырских стен.

Для мадьяр, чехов, словаков, словенцев, хорватов и сербов, а впоследствии и поляков, наши выступления являлись чем-то *exotic*. Это обстоятельство и обеспечивало нам головокружительный успех, значительная часть которого неизменно выпадала на мою долю.

Делая аннонсы перед каждым моим выступлением, Страбомыслов без преувеличения именовал меня черкесской княжной. Высокопарные объявления эти он делал на всевозможных языках. Да-да, мой Страбомыслов являлся настоящим полиглотом, и в каком бы краю мы ни оказывались, в любом городе от губернской Варшавы до обильно воспетой Вены, всюду великий клоун Страбомыслов общался с публикой на понятном ей языке. Казалось, всему миру смешны его шутки.

Да-да, всему миру, но только не мне. Амаль Меретук не смеялась над шутками Страбомыслова никогда. Амаль Меретук много работала над собой, и работа эта отнимала все её силы. Где бы мы ни оказались, если только население этого места не говорило по-русски, Страбомыслов тут же забывал свой родной язык и общался с нами — со мной и с артистами труппы — на языке местного населения.

Дело доходило до *absurdus*. Поздней осенью 1898 года осенняя распутица заперла нас в одном из местечек Житомирской губернии — мы не успели вовремя добраться до Львова. Там Страбомыслов внезапно заговорил на иврите. При этом он сделался настолько непреклонен в своём упрямстве, что нам пришлось нанять толмача из местных евреев. Раввин давал нам уроки иврита, и через неделю мы стали кое-как понимать распоряжения директора нашего цирка.

В Париже и Кракове, Праге и Стокгольме, неделями не слыша русского языка, я ощущала в себе нарастающее безумие, так сходит с ума изнывающий от жажды узник. Тогда Амаль Меретук — я! — уходила к людям, простым цирковым артистам, чтобы поговорить с ними по-человечески, на обычном русском языке. Вести бе-

седы на родном языке нам строжайше запрещалось. За подобное Страбомыслов штрафовал, нещадно урезая гонорары, и мы сбивались тайком в тесные стайки, чтобы, торопясь, обменяться несколькими фразами на русском языке.

Однажды — кажется, это было в Будапеште — Страбомыслов явился в мою каморку с горбатым карликом в котелке. Карлик больше походил на англичанина, чем на мадьяра. Говорил он невнятно, да к тому ж ещё и шепелявил. Речь карлика, обращённая ко мне, показалась мне слишком длинной и торжественной. Страбомыслов стоял рядом с самым загадочным видом. А мне в тот день выпали разом Смерть, Башня и Дьявол. Амаль Меретук ничуть не испугалась. Страбомыслов представил карлика. Тот оказался из той гнилой породы кровопийц-адвокатов, что одинаково жадны и противны и в Житомире, и в Будапеште. Карлик представил Амаль Меретук завешание, оформленное на немецком языке и зарегистрированное в Будапештской юридической палате. По завещанию я выходила единственной и полной наследницей Страбомыслова. Крёстный отец и благодетель попросил меня удостоверить в корректности составления документа. Поражённая, я несколько раз прочла текст на гербовой бумаге. Всё верно: завешание, объявлявшее меня единственной и полной наследницей цирка Страбомыслова, заверили два уважаемых в Будапеште свидетеля.

Выпроводив адвоката, Страбомыслов принялся за вино и попросил меня почитать ему русские газеты. Странная просьба, особенно учитывая обстоятельства. В то время цирк давал представления в Зальцбурге. А что до русских газет, то Страбомыслов не испытывал к ним особого интереса и находясь на Родине.

В то время глаза его были настолько слабы, что самостоятельно мелкий шрифт газетных листов он разобрать не мог.

Заголовки русских и иностранных газет, исправно получаемых цирковыми, вопили о русской революции. Русские деятели сделались персонажами для французских карикатуристов. Раскрывая *Journal des débats* или *Le Temps*, *Le Parisien* или *Le Figaro*, Амаль Меретук могла видеть адмирала Дубасова, принимающего кровавую ванну, или русского мужика в валяной шапке с кровавым же знаменем в руке. Мужик огромный, на знамени огромными же буквами написано «СВОБОДА», а подо всем этим копошатся, кривляясь, какие-то интеллигентского вида типы. Тогда-то Амаль Меретук впервые и подумала: быть войне, крошечной бане. Тогда Европа превратится в аналог скотобойни. Стоит ли читать статьи в газетах, пестрящих подобными карикатурами?

— Будет война, — заявила я Страбому слову без обиняков. — Это правда. Не стоит читать всех этих газет — ясно и без них.

— Ты плохо усвоила кодекс гадалок: о плохом не говорить, — огрызнулся Страбому слов.

В тот вечер он выглядел усталым и слишком много выпил.

— Будет война, — повторила я. — Здесь, в Европе. Но всей Европе война. Нам надо в Россию, куда-нибудь подальше: Самара, Саратов, Оренбург. Там некоторое время мы будем в безопасности.

— Какие же в Оренбурге антрепризы? Эдак мы останемся без денег. А что до войны... Война, она всегда была, есть и будет. Если и не здесь, то где-то уж непременно. Ничего. Как-нибудь извернётесь.

— Я вижу море крови. Кровь всюду. Мор. Голод. Мертвецы, которых некому хоронить.

— Это ерунда, милочка. Ступайте-ка лучше в Британское королевство. Там нет ничего страшнее высокомерных англосаксов, но мой друг еврей и антрепренёр Яков Житомирский, он же Самуэль Фурс, платит исправно. Я уже подписал контракт.

— Мы поедem в Лондон?

— Конечно! И Лондон, и Эдинбург, и Ливерпуль, и Манчестер.

— Ты сказал: «Ступайте-ка». А как же ты?

— А когда я умру. Ты выйди замуж. А потом делай, что хочешь.

Сказав так, Афанасий Страбомыслов действительно умер. Умер, не потому что сердце его устало биться, позвоночник перестал поддерживать его тело в вертикальном положении, печень перестала очищать его кровь. Умер, не потому что слишком уж состарился. На седьмой день после памятного чтения газет, рано поутру Смерть явилась за ним и застала старого праведника в собственной постели.

Так Амаль Меретук осиротела во второй раз.

Однако предаваться горю возможности не представлялось. Надо же было кому-то заботиться об ангажементе, вести дела с банком, покупать корм для животных и организовывать ремонт поломанного инвентаря, выплачивать артистам гонорары. Да мало ли что ещё требовалось от хрупкой Амаль Меретук! Уважая Страбомыслова, я помнила о его последней воле, однако на поиски мужа времени не оставалось. Да и как найти мужа при нашей-то кочевой жизни? Тем не менее, претенденты на руку Амаль Меретук со временем сыскались.

* * *

Финишная черта истории Амаль Меретук переносит нас в Лондон. Это произошло в 1909 году, когда революция в России уже утихла. В те времена столицу Британского королевства наводнили изгои русской смуты. Вместе с бежавшими ранее бунтовщиками они составляли довольно многочисленное общество. Сколько их было, беглецов, объявленных на родине вне закона? Десятки, сотни тысяч? В те времена их можно было встретить во множестве в любой из европейских столиц: Людей, мужчин и женщин, избравших своей профессией борьбу с законной властью в России, тянуло ко всему русскому. Нравился им и русский цирк. Билеты охотно раскупали. Некоторые приходили на представления целыми семьями или землячествами, писали мне благодарственные записки.

Я не слишком люблю Лондон за его приветливость к особому сорту русских. Лондонские русские — люди особого склада, именуемые профессиональными революционерами. Они, как правило, высокообразованные самоучки (университеты таких не терпят) и интеллигенты. Мой рассказ об одном из них.

Помню нашу тогдашнюю лондонскую афишу, в которой среди прочих *preferences*, предоставляемых цирком Афанасия Страбомыслова (русским цирком!) почтеннейшей публике, значилось знакомство последней с новейшими достижениями британских учёных. Таким достижением, к примеру, являлось и чтение мыслей вслух, и угадывание спрятанных по карманам предметов. Представление этих «научных достижений» являлось prerogativ Амаль Меретук лично. Соответственно, мой прекрасный портрет доминировал на цирковой афише, окруженный надписями готического стиля.

Помню, на представление по обыкновению явилось много русских. Я отличала их и по лицам, и по интонациям, даже если они использовали чистый лондонский диалект. Многие из наших соотечественников были самым неприличным образом пьяны, включая даже дам и девиц, которые, впрочем, явились с букетами цветов. Не все пришедшие выглядели опрятно. На лицах некоторых — таковые составляли большинство на галёрке — лежала печать нищеты. Возможно, не имея средств на хороший обед, они потратились на билет и букеты, а это обязывает цирк Афанасия Страбомылова показать самый высокий класс. Все они с восхищением смотрели на акробатов, лошадей, учёных собак и голубей. Особый же их восторг вызвал медведь на велосипеде. «Это наши! Русский медведь!» — вопили они, забрасывая манеж букетами цветов.

Мой скромный выход встретили овацией.

Он сидел в первом ряду. Амаль Меретук заметила его по особой изысканной опрятности, отделяющей господ от простонародья: белая кипень сорочки меж лацканов сюртука, белая же розочка в петлице, шелковый цилиндр. Всё, включая гамаши, отличнейшего английского качества. Однако посадка золотого пенсне на русском носу выдавала в нём своего, русского.

Оставаясь равнодушным к акробатам, дрессированным животным и клоунаде, он с навязчивой пристальностью смотрел exclusive на меня. А выход Амаль Меретук перед каждым номером сопровождался бурей оваций. При этом и мой собственный аттракцион высоконаточной проницательности пользовался сокрушительным успехом.

В тот день, как обычно, я раскладывала карты одна к одной на покрытом бархатной скатертью столике.

Коверный клоун громким голосом объявлял публике каждую из них. Трюк очень простой: одна из пяти дочерей нашего конюха занимала место во втором или третьем ряду. Девушка-простушка загадывала в уме карты, а я доставала их из колоды. Так продолжалось некоторое время. Амаль Меретук называет эту часть аттракциона «затравкой». Некоторые из русских подозревали в моей «затравке» прямой обман, а дочку конюха пытались разоблачить, как «подсадную утку». В этом случае я переключала своё внимание на этих неверующих. В такой момент наш цирк становился воистину русским, ведь артистка и её недоверчивая публика продолжали общение на русском языке. Я угадывала в их карманах самые различные предметы — от костяной расчёски до небольших сумм в несколько пенни. Мой красивый господин не сводил с меня глаз, и после представления мне доставили корзину цветов с запиской, в которой значилось одно только слово, написанное почему-то латиницей с восклицательным знаком на конце: «Bravo!»

* * *

Цирк Страбомыслова работал на износ. Мы давали представления пять-семь раз на неделе, и я принимала участие в каждом из них. Упомянутый джентльмен являлся по два раза на неделе, всегда занимая одно и то же место. В конце каждого представления я получала корзину цветов и слово из пяти латинских букв с восклицательным знаком на конце. Понукаемая обычным женским любопытством и используя собственные *exclusive methods*, я попыталась выведать, кто он таков и откуда. Обычно подобные трюки не стоили мне большого труда. Однако в данном случае помехой стали

пенсне, иногда заменяемое очками с тёмными стёклами, и цилиндр. С последним мой странный поклонник не расставался никогда, причём поля цилиндра бросали глубокую тень на верхнюю часть его лица, а очки совершенно скрывали глаза. Итак, из многодневных наблюдений я смогла вынести лишь два вывода.

Первое. Мой поклонник без сомнения русский.

Второе. Мой поклонник весьма продуманный, скрытный и неплохо обеспеченный человек.

На одном из представлений Амаль Меретук повела дело так, чтобы он принял участие в угадывании предметов. Так я обнаружила в его жилетном кармане привязанный на цепочку медальон С.-ской предводительши, а в кармане сюртука — перевязанную голубой тесьмой пачку писем от его матушки из Московской губернии и одно-единственное письмо от Амаль Меретук, к которому я когда-то приложила памятный медальон. Так мы познакомились, и в тот день мой поклонник удалился восвояси весьма довольный собой.

Обладая немалой опытностью в подобных делах, я ожидала в дополнение к цветам и «Bravo!» присылки ящика вина провинции Champagne, и нескольких килограмм самого отборного швейцарского шоколада. Предвкушение подарков не принесло мне радости. Черкесские корни, несмотря на русское воспитание, дают о себе знать и по сей день. Испытывая равнодушие к винам и шоколаду, я предпочитаю запивать жареную баранину водкой.

Но вот представление закончилось. Совершив свой последний *conférence*-выход, я обнаружила в гримёрке обычную корзину белых роз, дюжину Champagne и пакет самого лучшего *dutch chocolate*. Пока я перебирала розы, размышляя о возможностях вежливого отказа

на возможную просьбу об интимном свидании, явился мальчик с небольшой обтянутой бархатом коробочкой в руках.

— Господин из первого ряда велел передать это лично вам в руки. Его интересует возможность личной встречи за ужином, — проговорил хромоногий и горбятый отпрыск акробатического семейства, выполнявший в нашей труппе обязанности посыльного.

В коробочке оказался золотой браслет, довольно вульгарный своей массивностью, и визитная карточка с начертанным на ней псевдонимом. Я прочла русский и английский текст: «Григорий Холодов. Услуги врача. Grigory Kholodov. Doctor's services». Украшение пришлось как раз по руке. Недаром субъект в шелковом цилиндре рассматривал меня несколько дней. Скрепя сердце я передала через мальчика своё согласие на личную встречу за ужином.

Ужин состоялся в один из редких для меня выходных в довольно фешенебельном ресторане Soho. Там Григорий Холодов «обнажился», оставив у швейцара цилиндр и спрятав в карман сюртука очки. Тем самым он обнаружил поразительное сходство с оставленной в Московской губернии матерью.

Весь вечер я смотрелась в его по-русски прозрачные глаза словно в зеркало, где отражалась я: прекрасная, чистая, честная, с небольшой горчинкой сомнения, обусловленного неюной опытностью и привычкой подмергать сомнению всё, кроме собственных убеждений. Григорий был действительно богат. Родители его не жалели денег на его образование, и Григорий после всех злоключений и ошибок первой молодости смог приобрести не только профессию врача, но даже некоторую практику. И это несмотря на островной сно-

бизм и английское недоверие ко всему иностранному. В дополнение к медицинским гонорарам — а лечил Григорий исключительно русских и при том, как правило бесплатно — приличное содержание ежемесячно предоставляла мать.

За первым ужином последовал второй. За вторым — вечер в Palace Theatre Richard D'Oyly Carte. После скучного вечера в театре и посещения ювелирной лавки в нескольких кварталах от него мы стали встречаться чаще.

В Hyde Park мы только гуляли, а верхом катались в Wimbledon Village Stables. Доступ в фешенебельные клубные рестораны нам, русским, закрывало специфическое британское высокомерие. Зато гостеприимно распахнутые двери лондонских магазинов не знали сословных и национальных различий. Холодов никогда не вмешивался в мой выбор, безропотно оплачивая счета. Цирк Страбомыслова хоть и пользовался успехом, но через полгода сборы закономерно стали падать, и я стала задумываться о переезде в Шотландию.

Это случилось именно в тот день, когда я уже наметила возможную дату отъезда цирка Страбомыслова в Эдинбург. Отобедав у Gatti by Charing Cross, мы сели в омнибус.

— Я бы хотел тебе кое-что показать, — сохраняя самый таинственный вид, проговорил Холодов.

Я не возражала, ведь он намеревался отвести меня в модный салон. Ещё одно платье от лондонского портного мне совсем не помешает... Мы сошли с омнибуса на Oxford Street. Холодов повлёк меня в одну из модных лавок, которую, очевидно, заметил заранее.

Модистка встретила его как старого знакомого. Тут же из недр ателье явилось длинное вешало с двумя

дюжинами платьев разных фасонов в цветовой гамме от кипельно-белого до молочного и насыщенного цвета слоновой кости.

— Вы настаиваете на белом платье? — спросила я, сохраняя хладнокровие.

— Да. На мой взгляд, любое из этих платьев вполне пойдет для венчания, — ответил Холодов.

— Вы нашли избранницу? Есть женщина, которую вы готовы назвать женой перед Богом и людьми?

— Только перед людьми. В том числе и перед священником. В Бога я не верю. Выбор платья оставляю на ваше усмотрение.

Модистка повлекла меня в примерочную, где около полутора часов мы обсуждали с ней фасоны платьев и белья. Всё это время Холодов провёл за чтением «The Times». В конце концов Амаль Меретук остановила свой выбор на двух платьях сдержанных серо-голубых расцветок, но очень элегантных. Модистка поглядывала на меня со свойственной людям этой профессии проницательностью. Разумеется, она признала во мне хозяйку прошумевшего на весь Лондон цирка Страбомыслова.

— I wish you happiness!¹ — шепнула она мне на прощанье.

Холодов снова заговорил о деле после того, как мы уехали в кеб.

— Я спорил с вами о Боге. Виноват. Спорить с женщиной — это... — Он помедлил, скрывая иронию. Опустил голову, пряча улыбку. — Спорить с женщиной — это недопустимо. Спорить о Боге и вовсе недопустимо. Надеюсь, мой афронт не станет препятствием для... — по обыкновению, Холодов недоговаривал фраз.

¹ Желая счастья (англ.).

Я вздохнула.

— Станет... Впрочем, я не помню, чтобы возражала вам, а значит, и спора не было.

— Но позвольте... Это смешно! В конце концов, каждый имеет право на убеждения. Не лишайте же меня этого права.

Он умолк, понимая, что всё кончено. Я молчала.

— Позвольте мне лишь объясниться, — молвил он и, пользуясь моим молчанием, продолжил: — Мой атеизм всего лишь следствие некоторых познаний, приобретённых в лаборатории и анатомическом театре. Проходя курс наук в Королевской больнице Марсдена, я анатомировал человеческие тела и препарировал отдельные их органы. Я посвятил этой работе долгих три года, имея, кроме прочих, и весьма специальную цель. Сейчас я готов огласить вам в самой короткой и доступной форме результаты моих исследований...

Он уставился на меня настороженно, словно ожидая поощрения.

— Каковы же результаты? — не скрывая скуки, спросила я.

Ответ его был мне заведомо известен. Сейчас он скажет, дескать, ни в печени, ни в селезёнке, ни в почках, ни даже в голове он никакой души не обнаружил. Из этого факта им сделаны далеко идущие выводы о Божьем бытии.

Всё вышло по-моему. Он долго говорил, описывая скучные в их ошибочности выводы. Я слушала с самым смиренным видом. Я вздыхала, перебирая на запястье подаренные им золотые браслеты. Наконец он взорвался:

— Послушайте! Вы — артистка! Человек легкомысленной профессии... то есть, конечно, я восхищаюсь

нашим милосердием и добродетельностью, вашим артистизмом и житейской проницательностью. Я покорён нашей красотой и обаянием. Просто поразительно, как дама при таких занятиях может быть такой тонкой ценительницей... но точные науки, но естественные науки — это не ваша стезя. А именно точные науки свидетельствуют о том, что Бога нет. Впрочем, если вы намерены настаивать, я готов закрыть глаза на ваши... гм... чудачества. Чёрт возьми, да я готов венчаться. В Лондоне есть и православные церкви. Вы же православная, если я не ошибаюсь? Или...

Он умолк, понимая, что всё потеряно. Я сняла с руки браслеты и протянула ему.

— Нет-нет! Оставьте себе. На память. Может быть...

Он попытался подняться, выскочить из кеба, но и кинулась к нему, схватила за руки, заставляя сесть на место.

— Я должна объясниться. Попросту. Амаль Меретук освобождает вас от терзаний. Для меня это вопрос чести. Ах, не подумайте только, будто я в действительности черкесская княжна. Мой отец, Меретук... Ах, говорят, он, как и многие в нашем роду, промышлял грабежом. И семья моя просто вымерла от чумы. Меня спас русский солдат. Обычный солдат, тянувший лямку 25 лет и по окончании службы не знавший куда себя деть. Он сотни раз видел смерть, стоял близко к ней и потому верил в Бога. А потом моею семьёй стала эта трупка. Вы видели акробатов? Высокое искусство, не правда ли? А заметили у Маши Обносковой, нашей примы-акробатки, к пояску привязанные чётки? Видели? Но мы, конечно, не могли заметить в карманчике трико у её старшего брата картонный прямоугольник. Знаете, что это такое? Николай Чудотворец. Цветная печать

синодальной типографии в городе Санкт-Петербурге. Эти люди родились на цирковой арене, они хорошо тренированы и знают своё дело назубок. Кроме того, ведь есть ещё и Safety precautions¹, но и она не отменяет простой человеческой веры. Взлетая к куполу цирка, они видят там Бога и верят ему, а не своему искусству. Как же иначе?

Мы расстались дружески, однако через пару дней мне принесли газету — желтоватый листок дешёвой бумаги, годный лишь на растопку буржуйки. Но заголовки набраны модным в Лондоне готическим шрифтом. На второй полосе я обнаружила собственную фотографию в сценическом костюме — для выступлений на арене я часто использовала стилистику трансильванских цыган — с колодой карт в руках. В заметке под снимком говорилось о том, что известная многим Амаль Меретук отказала наотрез потому что старого русского дворянского рода. Фамилия потомка не называлась. Я осталась довольна и заметкой, и фото. За всё это Амаль Меретук заплатила пять гиней. Мои расходы оправдались. Последние пять лондонских представлений прошли при полных аншлагах. Хорошая выручка позволила нам с комфортом перебраться в Эдинбург. Однако в дороге от неизвестной болезни пало четыре из десяти наших манежных лошадей. С этого и началась череда несчастий цирка Страбомыслова, в конце концов приведшая к его исчезновению...

* * *

После переезда в Эдинбург дела цирка пошли из рук вон плохо. Сборов хватало лишь на корм для

¹ Меры предосторожности по технике безопасности (англ.).

животных — в этом случае гибель нескольких лошадей оказалась в руку — и на кое-какие неотложные расходы. Через пару месяцев такой жизни мне пришлось заложить большую часть своих украшений. Представления мы давали всегда при неполном зале. По чести говоря, удавалось распродать не более трети билетов. Публики день ото дня становилось всё меньше.

Вечерами, укладываясь на покой, Амаль Меретук грустила о покойнике Страбомыслове. Я понимала: директор из меня никудышный, и цирк рано или поздно придётся закрыть.

Этот момент произошёл раньше, чем я могла бы ожидать. Семейство акробатов Огрызковых каким-то чудом получило ангажемент в Американских Соединённых Штатах. Тамошний антрепренёр, впечатлённый их отвагой и ловкостью, выслал щедрые подъёмные на дорогу. Долго не раздумывая, многодетные родители собрались в путь. Что я могла на это возразить? Сговорились на последнее прощальное представление, и потом...

Одержимая тревогой, я написала Холодову в Лондон. Амаль Меретук не каялась и не просила денег. На голубоватом листке почтовой бумаги было начертано три слова: *«Согласна на всё»* и подпись — *Амаль Меретук*.

Оставив письмо на почте, я отправилась гулять по городу.

Проходя мимо собора Святого Джайлса, остановилась посмотреть на витражи. Меня, православную, смутили не только лики апостолов, показавшиеся совсем чужими. Странными показались и гербы с единорогами и херувимами, украшавшие стены храма.

Однако, убеждённая в том, что Бог услышит меня повсюду, я опустилась на камни паперти. На молитву сил не осталось, но я ждала избавления, и оно явилась, как это часто бывает в России, неожиданно-негаданно.

— Амаль Меретук? Хозяйка цирка? — спросил кто-то по-русски.

— Амаль Меретук, циркачка, — ответила я.

— Я приобрёл билет. В афише указано, что это ваше последнее выступление. Господь мой всемогущий, как жаль...

Я обернулась. Перед Амаль Меретук стояли отличнейшего качества английские гетры, заправленные в туфли из буйволовой кожи самого высокого качества. Подняв глаза, я увидела манжеты шёлковой сорочки, которые выглядывали из рукавов клетчатого пиджака. Я обратила внимание и на запонки. Такие крупные сапфиры нечасто можно увидеть даже в Лондоне. Дополняло ансамбль классическое английское кепи, бросавшее тень на внушительный со специфической семитской горбинкой нос.

— Господин?..

— Леонид Одноворов, — проговорил незнакомец и, немного поразмыслив, добавил: — Глава торгового дома вдовы Шель.

Я подала руку, и фальшивый Одноворов помог мне подняться.

— Нам, православным, в Шотландии тяжело найти место для молитвы, — сочувственно произнёс он и снял кепи, чтобы Амаль Меретук смогла как следует рассмотреть его округлую, опушённую тёмным волосом плешь.

— Вы предлагаете поискать место для молитвы?

— Пока я желал бы стать вашим сотрапезником. *Emploi*¹ сомолитвенника отложим на потом. Вы сомне-
нитесь? Колеблетесь? Но почему? На мой взгляд, вы
давно уже не ели и не пили ничего достойного по при-
чине жёсткой экономии, к которой вас привело...

-- Довольно! Скажите попросту, в двух словах: за-
чем я вам?

— Вот это по-нашему! По-русски! Так сразу, среди
улицы брать быка за рога. В *emploi* быка в данном
случае выступаю я, Ибрагим Жвиц... ах, простите...
(Одnodворов! Конечно же, Леонид Одnodворов! Ви-
дел вас на представлении и чрезвычайно впечатлился
вашей проницательностью! В связи с этим есть пред-
ложение...

— Замужество?

— Нет!

Смущенный моей откровенностью, он наконец
умолк.

-- Там, куда вы меня приглашаете, вы скажете, на-
конец, что вам угодно?

Господь мой всемогущий! Конечно же скажу.

Тогда для начала назовите ваше имя. Жвиц,
(Одnodворов и Шель я уже слышала, но есть ведь и на-
стоящее?

— Адам Ковших предлагает вам сразу и без церемо-
ний перейти на «ты».

Умиротворённая его всесокрушающей наглостью,
Амаль Меретук согласилась на обед в одном из бли-
жайших заведений среднего пошиба. Ещё минута, и я
бежала следом за ним по брусчатке соборной площа-
ди. Каблуки мои высекали искры из древних камней.

¹ Трудоустройство (англ.).

Сердце учащённо билось. Селезёнка ёкала в предвкушении выгодной сделки.

* * *

Meaningful conversation¹ состоялся в пустой кофейне. Адам Ковших с ходу дал мне понять: он приобрёл билет на последнее представление цирка не случайно. Откуда-то ему стало известно и о Холодове, которого он называл «русским интеллигентом» с некоторой пренебрежительностью. Подвоха я не опасалась, ведь никакой переписки между мной и предполагаемым женихом не существовало, а это единственное письмо, писанное в минуту отчаяния... Разве можно принимать его в расчёт?

— Ты не замужем? — с ходу спросил Адам Ковших.

— Нет... — отвечала Амаль Меретук рассеянно.

— Но хотела бы. Цирковое ремесло для молодых. А ты уже в возрасте. Сколько тебе лет?

— Кто знает?

— Понимаю. Спрашивать даму о её годах неприлично, но все же... Господь мой всемогущий! Ты находишься в связи с *этим*?

Он произнёс имя моего жениха. С таким выражением приказчик скобяного торговца сплёвывает на завалинке подсолнечную шелуху в каком-нибудь Бердичеве.

— Почему нет?

— Он интеллигент. Русский интеллигент! Мне всё известно из газет. Буквально всё... Господь мой всемогущий! Я просматриваю даже бульварные листы. Буквально все!

¹ Содержательный разговор (англ.).

— И что?

— Ты видишь людей насквозь...

— Это и является причиной моего одиночества.

На его лице появилось забавное, жалостливое выражение. Как странно! Еврей, владелец торгового дома «Вдова Шель» — и вдруг иррациональная русская жилось к совершенно чужой ему женщине, актёрке, циркачке, гадалке. Абсурд!

— Одиночество... одиночество... Разве может быть одиноким человек, чьё имя начертано на всех афишах?

— Can't be lonely¹.

— Постой! Я тоже немного разбираюсь в людях. Вот сейчас ты лукавишь.

Он принялся охлопывать себя, ощупывать лацканы скюртука и брючные карманы. Уверенный в своём успехе, он действовал энергично, страстно, целеустремлённо, как истинный англичанин. Однако через минуту я заметила, как пыл его начал иссякать, взгляд огуманился скукой. Он остановился, задумался, нахмурился. Забавно! Он надеялся найти мою откровенность в собственных карманах... Я рассмеялась.

— Смеёшься?

— Мне нравится быть собой...

Моя весёлость воодушевила его. Так воодушевляет лидащую конягу тяжёлая сыромятная вожжа.

— И поэтому ты хочешь выйти за интеллигента?! — вскричал он. — Да знаешь ли ты, что такое русский интеллигент?

— «Русский интеллигент» — тавтология. Мокрая юда. Масло масляное. Малиновая малина. Я к тому, что если уж интеллигент, то непременно русский.

¹ Не могу быть одинокой (англ.).

— Да знаю я! Но и ты припомни. Русский интеллигент — это тело без головы. Человек без взглядов, без принципов. Русский интеллигент — мертвец, восставший из могилы самооценности. Он бесполезен... он... Предаст тебя! Иное дело я, торгаш. Да, я — удачливый торгаш. Я ценю не деньги и не удовольствия, которые за них можно приобрести. Я ценю ощущения. Я ценю жизнь во всё её разнообразии. Я хочу всё испытать. Хочу быть как Байрон, как Суворов, как Достоевский, наконец! Господь мой всемогущий! За деньги можно купить любое ощущение. Любое!

Я смотрела на человека по фамилии Ковших, Ужимки. Grimасы. Масляно блестящие глаза на подвижном, как ртуть, лице. Пожалуй, он даже красив. Впрочем... Разговаривая со мной, этот без сомнения русский человек продолжал обшаривать собственные карманы, но руки его предательски тряслись. Страстность мешала ему обрести искомое.

— Вы желаете обменять ваши деньги на место в ка-торжном бараке? Или желаете пасть от пули какого-нибудь проходимца? — смеясь, спрашивала я. — What are you looking for?¹

— Ваше согласие. Оно буквально находится в одном из этих карманов. Но в каком? Затруднение в том, что оно хоть и драгоценное, но слишком маленькое. Господь мой всемогущий! Да оно крошечное и забилося в какой-то уголок...

Вот он сунул большой и указательный пальцы правой руки в жилетный карман, застыл с блаженной улыбкой на лице. Нашел искомое?

¹ Что вы ищете? (англ.)

— Господь мой всемогущий! Да вот же они!

Ковших извлёк пальцы из кармана, подул на них, потёр о лацкан сюртука и протянул мне две сверкающие капли в оправе из червонного золота. Пришлось признаваться.

— Я люблю золото, — сказала я.

— А бриллианты? Оцените размер и чистоту воды!

— И что вы хотите взамен?

— Вашу дружбу, помощь, содействие. Уверяю, этими серьгами дело не ограничится. Вы будете иметь всё. Вообще всё.

— It's a deal!¹

— И ещё...

Он уставился на меня, выдерживая вполне театральную паузу и совсем неумело изображая смущение, которого он, очевидно, никогда не испытывал. Никудышный паяц! Я решила ему помочь.

— What?² — спросила я, извлекая из его пальцев серьги и вдевая их себе в уши.

— Давайте без этого... ты же не любишь англичан и всяких там французов. Ты до последнего ноготка наша, русская. Давай по-русски, а?

— По рукам!

Я протянула ему ладонь, и он ударил по ней своею ладонью. Я быстро перехватила её и...

— О-о-о! Ты читаешь на ладони линии судьбы...

Ковших закатил глаза. Напускная ирония. На самом деле он испугался. Но отнять руку, показать страх после того, как сделал даме предложение? Нет, это не по нёму. Русские не сдаются.

¹ Это сделка! (англ.)

² Что? (англ.)

Я сделала вид, будто рассматриваю ладонь. Он ждал, не надеясь на откровенность. Привычка надеяться лишь на себя преобладала в его характере. Маловерный, он привык быть одиноким, но всё равно жаждал меня. Это ли не любовь? «Господь его всемогущий» предопределил для него короткую и героическую судьбу. Разве возможно такому отказать?

— По рукам! — повторила я, сжимая его ладонь своею.

Глава вторая
ШПИОНЫ ВСЕХ МАСТЕЙ
(рассказ Адама Ковшиха,
младшего партнёра торгового дома
«Вдова Шель и наследники»)

Мы прибыли в Эрзерум уставшие и неделю провалялись в постели, омывая дорожную усталость вином. Добрый его запас я привёз с собой из Трабзона, который был, есть и останется вовек, несмотря ни на какие войны, источником всевозможных благ.

До Трабзона добирались из Тифлиса кружным путём через Батум и далее с риском для жизни вдоль немирного побережья самого Чёрного из морей на судах контрабандистов, переживая шторма и прочие дорожные неурядицы в прибрежных деревнях, где пару недель мой камердинер не мог достать сносного качества свежих устриц. Объяснялось это неудобство «военным временем». Господь мой всемогущий! Экая печаль! Неужто могущественный Энвер-паша и устриц поставил под ружьё? Но куда же в таком случае подевались старые, зрелые сыры и лёгкие вина? Неужели и их реквизировали у торговцев для поставок на фронт для ублажения сидящих в окопах солдат? А может быть, столь изысканная снедь входит в пайки матросов черноморских флотов? А может быть, они часть ежедневного меню и тех самых контрабандистов, что

перевозят товар по черноморским волнам едва ли не в корытах?

Одним словом, из сыров мы ели только козий. Вино слишком терпкое и густое разбавляли водой по эллинскому обычаю. Чувствовать себя эллином мне помогала и некоторая ограниченность гардероба, возникшая вследствие утраты двух чемоданов. Господь мой всемогущий! Благодарю, что ты отдал черноморской пучине лишь несколько моих костюмов, а также платья и бельё Амаль, но не пожертвовал волнам наши жизни.

В Эрзеруме, благодаря моей изворотливости, нам удалось снять неплохую по местным меркам квартиру — четыре небольшие комнаты на втором этаже кривоватого каменного строения с отдельным выходом во дворик, где под кровлей виноградных лоз располагались и летняя кухня, и огромный стол со столешницей из выбеленного дуба. Стол этот по размерам, пожалуй, превосходил некоторые суда контрабандистов, перемещавшие нас совсем недавно по бурным водам. Обедая и ужиная за этим столом — завтракали мы с Амаль, по обыкновению, в постели, — я шутил, называя наше путешествие «хождением за три земли».

Дав о себе весть знакомому приказчику в Трабзоне и получив от него достаточную сумму на расходы и некоторые чепуховины, я бездельничал, в то время как Амаль нанесла несколько визитов к местной портнихе. Через неделю, по готовности нарядов, старая усатая еврейка-портниха, не имея нисколько совести, взяла с меня втридорога. Однако выжига принесла и некоторую пользу: моя Амаль снова оделась в шуршащие шелка, отчего её фиалковые очи обрели прежний бриллиантовый блеск.

Я давно заметил за своей подругой это свойство: от счастья ли, или от удовольствия обретения новых нарядов она заметно молодеет. Амаль меняет наряды ровно так же, как змея сбрасывает старую кожу, оставляя навсегда больное, отжившее, возможно и мучительное, и от того хорошее.

Кроме того, старуха снабдила меня всевозможнейшей информацией. Правдивые и не очень сплетни упали в бездонную копилку моей цепкой памяти. Так, я узнал многое о жизни заштатнейшего городишки Эрзерум, который, впрочем, являлся важным стратегическим пунктом всей Турецкой Армении. Наиболее интересными оказались сведения о некоем Феликсе Гузе — немецком полковнике, состоящем при генеральской особе Камаль-паши ближайшим советником.

Этот Гузе вёл образ жизни замкнутый, компаний ни с кем не водил. К пьянству и картежу пристрастия не имел. Однако влияние его на пашу было несомненным. В Эрзеруме вообще много говорили о полковнике Гузе. Один говорливый лавочник даже показал мне его проезжающем по улице в автомобиле с открытым верхом. Явление Гузе на узких улицах Эрзерума сопровождалось, кроме грохота и бензиновой воню, эскортом конных янычар с пиками наперевес. При этом лицо ближайшего советника Камиль-паши проплыло так близко от меня, что я смог бы, при желании, укусить его за курносый нос. Ах, если бы не опасность быть пригвождённым пикой к стене ближайшего дома, то и непременно сделал бы это!..

Стараясь соблюдать местные обычаи, каждую субботу я сопровождал Амаль в её экскурсиях по лавкам местных ювелиров. Дело вовсе не в страсти моей под-

руги к золотым украшениям. Дело в гостеприимстве, а также в том, что чай, разлитый в серебряные армуды, особенно вкусен. Амаль с узорчатой шелковой чадре, оставляющей открытыми лишь глаза и брови, особенно маняща, загадочна и — главное! — несказанно молода. Цветущий внешний вид женщины свидетельствует о превосходнейшей щедрости её спутника — моей щедрости! — что также способствует обзаведению знакомствами.

Таким образом мы ежесубботне проводили время за чайными церемониями с обязательным кальяном в ювелирных лавках, где и обзавелись довольно пёстрым знакомством в кругах местного торгового купечества и чиновничества. Через короткое время эти «сливки общества» стали наносить нам ответные визиты. Всем гостям Амаль кроме угощения преподносила разнообразные, часто противоречивые байки о своём бурном прошлом, свободно упоминая имена фрейлин и великих княгинь, а также известное многим имя императорского царедворца Григория Распутина. Таким образом, наше явление в Эрзеруме не осталось незамеченным. После первого же весёлого ужина в обществе местных самаритян я получил писанную на немецком языке обвинительную записку от «обиженного старого друга» — так именовал себя в записке генерал Махмуд Камиль-паша.

Действительно, в давние довоенные времена 1908 — 1913 годов имели место и турнир по игре в поло на одном из балтийских курортов, и скачки в Ревеле, и яростная регата у побережья Адриатики. Приходилось мне сопровождать госпожу Шель и в гостиные венского полусвета, в которые мы оба, я и полковник Камиль, были вхожи.

При помощи изворотливой Амаль я конечно же сочинил легенду, объясняющую моё внезапное появление в Эрзеруме. До начала Великой войны многие считали меня «гражданином мира». Подобного поверхностного суждения, возможно, придерживался и Камиль-паша. На этом и основывались объяснения, приведённые мной в ответной записке. За которой последовала вторая записка от Махмуда Камиль-паши, писанная уже на очень плохом русском языке и принесённая человеком, чей внешний вид и высокий затейливый головной убор наводил на мысли о средневековых янычарах. Новые оправдания, сочинённые при помощи Амаль, я щедро одобрил намёками на вполне успешную коммерцию, питаемую всё более разгорающейся войной, и расточил страстные приветы дорогой матушке Камиля-паши, осведомляясь о здоровье достопочтенной Бетюль-хатун. Третья записка Камиля-паши содержала приглашение на дружеский завтрак, а также извещала о кончине Бетюль-хатун в январе 1915 года.

* * *

Вечер, предшествующий визиту в генеральскую резиденцию, я посвятил совещанию с Амаль. Мы ужинали под сенью зреющих лоз в беседке. Тёплое и пресное печево, баранина со специями, местное вино, фрукты и сыр дарили телу покой сытого уюта. Ночные бабочки слетались к огоньку керосиновой лампы. Подсвеченное колеблющимся светом керосинки, вино в наших стаканах рубиново блестело. Лицо Амаль белело в полумраке. Романтика!

Первый мой вопрос, разумеется, касался времени приёма. Действительно, что за странная причуда приглашать гостей к завтраку?

— Завтрак тебе не ужин, — хмуро заметила Амаль. — Ужин — дело интимное и проходит в дружеском кругу, а завтрак — наоборот. На завтрак приглашают людей нужных, но не облечённых особым доверием. Ты слишком русский, потому и доверия тебе мало.

— Я захвачу с собой несессер со всякими золотыми штуками — запонки с бриллиантами, брелоки и прочая мишура. Moet Chandon не забыть... Хорошее вино в сочетании с золотом привносит в отношения интимности.

— Мусульмане не пьют напитки из перебродившего винограда.

— Ха! Во время адриатической регаты господин Махмуд не брезговал именно такими напитками.

— Махмуд Камиль-паша — последователь Исмаила Энвера, участник двух Балканских войн! — проговорила Амаль.

Сделав «козу» из безымянного и указательного пальцев, она ткнула меня ими в живот, символизируя тем самым предполагаемые ум и мужество Камиля-паши.

— Мне убояться? — стараясь не показывать иронии, проговорил я.

— Турки — хорошие солдаты. Сколько войн русские проиграли туркам?

На последнее замечание я искренне обиделся и не стал скрывать этого:

— А во скольких победили?

Амаль благодушно кивнула:

— Были поражения. Были и победы. Турки — хорошие солдаты, ничем не уступают русским, а потому...

— Ну хорошо! Хорошо! Я буду, буду осмотрителен. Тем более, что исход именно этой войны туманен

нам всем. Ты слышала об Американских Соединённых Штатах, Амаль?

— В результате этой войны империя Османов падёт... — раздумчиво отозвалась Амаль. — Никакого тумана в этом очевидном вопросе, но и России блага от неё не будет. А Американские Соединённые Штаты...

Она примолкла, перечеркнув указательным пальцем плотно сомкнутые губы, как делала всегда в минуты раздумий.

— Аллилуйя! Да здравствует новая православная Византия! — воскликнул я, пытаюсь предугадать ход её мыслей..

— О нет... На месте империи Османов возникнет множество второстепенных государств, ни одно из которых не сможет сравниться по обширности и долговечности с древней Византией.

— А Россия? — беспечно осведомился я, без сомнения уверенный в благоприятном ответе.

— Ничего не вижу. Туман глаза застит. Вижу только вражду. Море вражды. Долгую войну. Американские Соединённые Штаты — страна каторжников и замашки у неё, как у беглого каторжанина.

Амаль перевела дух, словно и впрямь увидела нечто страшное.

Она чем-то расстроена. Возможно, на этот раз её провидческий дар изменил ей. Или... Ах, как нравилась мне эта её девичья пылкость! Русские женщины или, положим, еврейки слишком скучны в своей предсказуемости, пресны, даже самые распутные из них слишком добродетельны в своей вере в Бога. Француженки и немки — меркантильны. Уроженки балканских стран — ограничены и слишком импульсивны. Но Амаль! Она считает себя черкешенкой, но один лишь

Господь всемогущий ведаёт насколько она русская. Не мне, не еврею, судить о том. Хотя, по сути, я такой же русский, как она...

— Я поеду с тобой, — безапелляционно заявила Амаль.

— Но Камиль-паша...

— Не думаю, что его устроит твой кожаный кошелёк с брелоками.

— О! Эзотерические экзерсисы... Танцы с бубном... Без сомнения, твои эксперименты очаруют даже такого мужественного воина, как Камиль-паша! Господь мой всемогущий! Он прошёл обе балканские войны...

Я пристально уставился на Амаль, желая возбудить в ней смущение. Амаль ответила на мою эскападу странной печалью, которой я, привыкший к частым переменам в её настроении, не придал никакого значения.

— В лавке на углу жид продаёт золотые филигранные медальоны... — тихо проговорила Амаль.

— Видел. Ужасная безвкусица. В Трабзоне...

— Купи мне один, тот, что украшен красным рубином.

— Рубин мутный. Я запомнил.

— Купи... Рубин усиливает магию. Чистота камня не имеет значения.

— Ну что ж, если ты так желаешь...

Я кликнул камердинера, и тот, недовольный поручением, поплёлся на угол, в ювелирную лавку.

* * *

Обычные завтраки протекают в семейном кругу. Глава семьи в шлафроке, его супруга в пеньюаре и с папильотками в волосах. Детишки тоже не вполне прибраны и по утреннему времени не шалят. Прислуга

сонная. Пища не всегда свежая и часто представляет собой остатки вчерашнего ужина.

Похмельную вялость торжественных завтраков или завтраков в офицерском кругу оживляют подачей шампанского вина или, на худой конец, игристого «Абрау Дюрсо». Причём непременно охлаждённого брютa. Иные сорта игристого вина для курсисток-гимназисток, развратничающих тайком от беспечных родителей...

Подкатив к дому Камиль-паши в пролётке, я вовсе не ожидал увидеть на столе турецкого генерала парочку откупоренных запотевших бутылок или холодные закуски, недоеденные за семейным ужином. Однако, несмотря на прохладную осеннюю погоду, жажда мучила меня ужасно, а потому мы распили бутылочку Moet Chandon прямо в пролётке, прежде чем ступени генеральского крыльца познали прелесть пышных шёлковых юбок Амаль Меретук.

В дверях нас встретила женщина, представившаяся Гизем-калфой. Глядя на её слишком смуглое и ассиметричное лицо, я подумал о распространённой среди мусульман благодатной традиции прятать женские лица за платками, оставляя открытыми лишь глаза, которые даже у Гизем-калфы прекрасны.

— Господин мой Ахмед ждёт господина Жвица одного, — проговорила служанка, бросив острый взгляд на Амаль. — Женщина может подождать на женской половине дома. Там её угостят чаем и пахлавой.

Я заметил, как Амаль, вспыхнув, прикрыла нижнюю часть лица шёлковым платком, который до этого обвивал её шею, ниспадая вниз живописными складками. Таким образом, грудь моей подруги обнажилась, и я заметил на ней тот самый медальон с мутным рубином

в середине. Господь мой всемогущий, какая безвкусица! И зачем только Амаль нацепила её?

— Моя жена не может завтракать на женской половине просто потому, что моя подруга всегда завтракает вместе со мной. Таков наш обычай, — веско заметил я, и прислуга Камиля-паши принялась многословно и неискренне извиняться от имени своего господина, мешая при этом слова турецкого и немецкого языков.

Заметив в моих руках корзину с запотевшими бутылками Moet Chandon, калфа затрясла головой. В её маленьких глазках вспыхнул гнев правоверной мусульманки.

— Ну хорошо! Хорошо! Вылейте это шампанское в ванну. Принимать ванну с шампанским ваш строгий Бог вам не запрещает?

С этими словами я сунул корзину в ослабевшие руки калфы.

— Осторожно! Не разбейте!

Воспользовавшись её замешательством, мы с Амаль, как говорится, рука об руку, беспрепятственно вступили в комнаты генеральского дома. Самый беглый осмотр вполне европейской обстановки даровал мне надежду на успех авантюры с шампанским. Прежде чем вступить в святая святых — столовую паши, я для собственного воодушевления продекламировал перед Амаль небольшую резюмирующую речь, избрав для неё не вполне демократичный, но понятный нам обоим иврит:

— Махмуд Камиль-паша, которого встретившая нас служанка почему-то назвала Ахмедом — классический турок (такими их изображают на французских карикатурах) в красной феске, мундире с золотым шитьём и аксельбантами с лихо закрученными усами.

(Он практичен, как ярмарочный торгаш, воинственен, как янычар, и одержим сызнова вошедшей в моду идеей восстановления османского великодержавия путём ограничения султанской власти. Разумеется, Камиль-паша, как истинный младотурецкий демократ, считает себя вполне цивилизованным европейцем. Он верен единственной жене, которую оставил вместе с детьми и относительной безопасности в своём имении на берегу Босфора, что не мешает ему здесь, в Эрзеруме, и походно-полевой обстановке содержать небольшой гарем. При всей благоприобретённой европейскости, паша не чужды и замашки восточного сатрапа. Например, от лиц подобных мне он привык получать разного рода подарки. По недоступной православному разумению восточной загадочности и сохраняя снисходительно-пренебрежительное отношение к иноверцам, паша тем не менее пригласил меня на завтрак. Собственно, мне, почётному гражданину города Кострома, совершенно не обидно пренебрежение какого-то там турка. А твоё появление в собственном доме паша пусть спишет на мою бестактность, на дикость русских нравов. Поясню: паша полагает, будто Ибрагим Жвиц, рождённый в одном из малороссийских местечек от еврея и турчанки, разбогател на концессионной торговле в Сибири и потому является русским.

* * *

Вступив непосредственно в покои паши, мы с Амаль обнаружили следующую картину: прямоугольный стол посреди большой комнаты накрыт на три персоны таким образом, что большая его часть остаётся пустой. Ого! Завтрак обещает быть интимным! Во главе стола на кресле с высокой расшитой разноцвет-

ными шелками спинкой восседает сам Камиль-паша. По левую руку от него руку расположился курносый человек в германской полковничьей форме — Феликс Гузе. Я об руку с Амаль застыл в дверях. Мимо мелькнула быстрая тень. Звякнули столовые приборы. Теперь стол накрыт на четверых, и нам предлагают присесть. Я немного разочарован меню завтрака, которое полностью соответствует европейской традиции: яйца, орехи, сыр, фрукты. Только вместо копчёного бекона — куриная грудка. Из носика высокого чеканного чайника всё ещё поднимается парок, хоть напиток уже и разлит в хрустальные армуды. Неподалёку от изумительной в своей живописности особы Камиль-паши парит и булькает кальян. Узорчатый мундштук зажат генеральскими зубами. При этом усатое лицо генерала имеет хищное выражение изготавившегося к атаке таракана.

— Мой друг Ибрагим Жвиц! — произносит генерал между затяжками. — Мне доложили, что ты женат. Наверное, вы молодожёны, потому-то ты и не расстаёшься с ней даже ради короткого дружеского завтрака в мужском кругу. Вижу причину: твоя жена юна и хороша собой...

Для приветственной речи Камиль-паша использует немецкий язык. Я бросаю взгляд на Амаль. Глаза её сияют, но пальчики нервно теребят край платка — Амаль не вполне владеет немецким. Понимание ситуации она добирает за счёт интуиции. А если она захочет выпить чаю, ей придётся обнажить лицо, и тогда Камиль-паша поймёт, как он не прав в своих предположениях...

Произнеся приветственную речь, генерал вскакивает. Я поднимаюсь ему навстречу. Генеральские объё-

тия искренне крепки, от чего самодовольная гримаса придворного немца прокисает. Амаль открывает лицо и закрывает грудь.

— Мадам черкешенка? — произносит немец по-русски. — Вы венчаны?

— Я социалист и не признаю церковного брака, — быстро отвечаю я.

— Вы? Социалист? — кажется, изумлению Гузе нет предела.

— Это не дань моде, — говорю я, чеканя каждый звук своей короткой речи. — Социализм — это будущее России. Монархия прогнила и будет низвергнута своими же столпами...

— Что вы имеете в виду? — допытывается Гузе.

— Армейский генералитет. Среди высших чинов много недовольных, так что нам, социалистам, ничего не останется делать. Можно будет спокойно заниматься business, пока персоны, близкие к власти, будут её делить.

Гузе оборачивается к Камиллю-паше. Немец лорнирует своего патрона самым явным образом. Так увлечённый ботаникой школяр рассматривает под микроскопом какие-нибудь пестики и тычинки и, разочарованный увиденным, брезгливо кривит губы.

— Вы не говорили мне, герр Ахмед, о том, что ваш русский друг социалист! — вскрикивает немец.

Его фальцет неприятно дребезжит. Предвосхищая реакцию генерала, я считаю своим долгом вмешаться:

— Прошу прощения, герр Гузе, но я — еврей. Еврей, герр Гузе! Для России это означает жизнь за чертой оседлости, ограничения на business и прочие сомнительные удовольствия. И вот в результате я — социалист.

— Но позвольте! — не унимается Гузе. — До меня дошли слухи о вашем баснословном богатстве. В моём понимании богатство и социализм никак не сочетаются.

Господь мой всемогущий! Когда ты положишь конец этому бестактному допросу?

Повисает недвусмысленная пауза. Быстрые глазки полковника Гузе перебегают с моего лица на лицо Амаль и обратно, и повсюду шарят эти стремительные глазки, так снуют в неопрятном доме тараканы.

— Социалист и приближенная русской императрицы — странная пара, — произносит он наконец.

— Оставь, Феликс! — вмешивается Камиль-паша. — Господин Жвиц — мой друг. Мы вели дела и до войны. Будем вести их и после её окончания. Войны ведь не вечны, не правда ли, мадам?.. Э-э-э...

— Меня зовут Амаль Меретук, — произносит Амаль с обычной своей угрюмостью. — И мы с господином Жвицем не венчаны. Ни один русский поп не станет венчать женщину, подобную мне.

— Как так? — Гузе делает вид, будто удивлён. — Кажется, таких, как вы, называют колдуньями? Разве это каким-либо образом противоречит первоосновам православной мистики?

Его русский почти безупречен, но всё-таки небольшой остзейский акцент присутствует. Амаль, как и следовало ожидать, вспыскивает.

— Я не знаю, что значить быть колдуньей, — говорит она. — Колдовать грешно, но я вижу мир по-иному, не так, как вы. Я вижу многое. Слишком многое...

Из уголка её глаза выбегает хрустальная слезинка. Она катится вдоль носа вниз, к губе, оставляя за собой некрасивый тёмный след. Я поражён. Господь мой всемогущий! Нет, я никогда не устану поражаться.

как столь неюная особа, буквально прошедшая сквозь огонь и воду, отчасти об руку со мной, сохраняет способность плакать по любому поводу, будто невинное дитя!

Амаль продолжает свою болтовню. Турецкий, русский, немного немецкого — надо ведь дать понять надменному Гузе, дескать, не так она проста и кроме исторических наук и языка всяческие постигла. Амаль нечёт полнейшую чушь, но как очаровательно при этом звучит её голос! Она то рыдает над судьбами мира, то беззаботно хохочет. Гузе дуется, а с губ генерала не сходит загадочная улыбка. Бог весть, что на уме у этого турка. Пока мне трудно даже объяснить его интерес к Амаль. Поправ все правила восточного этикета, я притащил старую блудницу на завтрак в дом турецкого вельможи. Выходит, моё богатство является индульгенцией даже для такого воинственного молодотурецкого патриота, как Махмуд Камиль-паша. Блеск генеральского великолепия смущает меня, мешая рассуждать здраво. Серебро, золото, эмаль, литье, пайка, штихельные работы — вся грудь в цветных лентах, и это за завтраком, когда уважающему себя мужчине полагается быть в шлафроке и ночном колпаке. Бог мой милостивый и всемогущий! Чего бы я только не отдал, чтобы заполучить в свою коллекцию парочку приефактов с вельможной груди! Впрочем, мне, как православному христианину, никогда не пренебрегающему святым причастием, более пристали ордена, даруемые нашим государем императором. Однако за успехи в коммерции большего, нежели полученное уже мною звание почётного гражданина, мне не добиться. Для получения настоящих орденов, таких, как орден Святого Станислава с мечами, придётся совершить

настоящий подвиг или пасть в бою. Мой друг Борис Мейер большой мастак по части подобных подвигов. Не в пример мне, «набитому золотом мешку» — иногда Мейер так меня называет. Помнится, дядюшка говорил, дескать, разведывательная работа тоже своего рода подвиг, хоть и невидимый, но за который тоже полагаются ордена. Кто знает, может быть, Святой Станислав с мечами явится мне с этой стороны?

Размышляя о подвигах и наградах, я искоса поглядываю на Амаль. Тёмные, искусно подведённые чёрной тушью глаза блистают над узорчатым шелком, которым старая чаровница снова прикрыла нижнюю часть лица. Маскируется, как настоящий разведчик. Не переборщила бы только со своей эзотерической болтовнёй. Похоже, герр Феликс Гузе, со свойственной любому немцу дисциплинированной приземлённостью, вовсе не является поклонником оккультизма, о чём свидетельствуют бросаемые им через губу нелцеприятные замечания.

Начальник штаба 3-й турецкой армии господин Феликс Гузе, верноподданный служака кайзера и чистокровный остзеец — самое нелепое из существ, когда-либо виденных мною. Прямой, с немного выпяченной грудью торс при иных обстоятельствах назвали бы отличной офицерской выправкой, но тощий полковник Гузе со своими всегда прижатыми к бокам руками больше походит на фонарный столб, чем на офицера. Неестественно прямую фигуру его венчает круглая лысеющая голова с обвислыми щеками и курносый нос над щёткой усов. Такое толстое лицо странно диссонирует с обвисающей на тошей фигуре формой. От того Феликс Гузе и выглядит нелепо. Скорее всего, кто-то из начальствующих над Гузе штабных генера-

лов нашёл в нём несомненные дарования дипломата, потому-то, видимо, его и отправили советником в союзную германцам Порту. Я, никогда не служивший в штабах и всю жизнь занимавшийся торговлей, имеющий многочисленные увлечения как коммерческого, так и фриварного характера, мгновенно сообразил: Феликс Гузе такой же дипломат, как ваш препокорный слуга штабной адъютант. На мой взгляд, дипломат, по крайней мере, должен обладать приятной внешностью и обаянием манер. Что же являет нам Феликс Гузе? Феликс Гузе демонстрирует нам глумливую ухмылку вместо обаятельной улыбки. Феликс Гузе с похвальным для фельдфебеля прямодушием следует строевой дисциплине и доктринам, затверженным из учебников по военной тактике, совершенно пренебрегая гибкостью, изобретательностью и новаторством, присущими хорошему дипломату. Этот его старомодный лорнет, вместо вошедших повсеместно в моду очков или, на худой конец, пенсне. Этот мундир, висящий на его тощей фигуре, как холщовый мешок на штaketине. Это его слишком выразительное лицо, но — Господь мой всемогущий! — что же оно выражает? Не смиренное пренебрежение к условностям военного быта, а жесткую принципиальность, правоту и непогрешимость суждений относительно персон и ситуаций совершенно ему непонятных. Господь мой всемогущий, какая же это скука завтракать в обществе Феликса Гузе!

- Я изгнанница, — неожиданно заявляет Амаль.

Гузе фыркает.

Кто же осмелился?.. — спрашивает Камиллина, изображая крайнюю заинтересованность.

- Русская императрица Александра Фёдоровна, как многим известно, имеет склонность к мистическому ми-

росозерцанию. Некоторые считают её взгляды на жизнь религиозной манией или следствием религиозного экстаза. Её веру в возможность предсказания будущего многие считают суеверием. Многие, но только не я.

Господь мой всемогущий, вот оно! Уловка Амаль снова сработала! Оба разом, и паша, и его советник, сделали стойку, подобно гончим псам. Гузе, подавшись вперёд, разинул рот, будто и в самом деле собирался схватить Амаль зубами.

— Насколько я могу предположить, мадам доводилось бывать при дворе русского императора?

Камиль-паша предельно осторожен. Он полагает, будто ступил на тонкий лёд, в то время как на самом деле он вязнет в глухой трясине. Ай да Амаль!

— Некоторые царедворцы считают такое душевное состояние императрицы следствием частого деторождения и болезнью цесаревича, — невозмутимо продолжает Амаль. — Императрица верит в сверхъестественное, и некоторые считают эту её веру болезненной и способствуют удалению от неё всех, разделяющих подобные взгляды...

— Некоторые? А вы как считаете? А вы какие взгляды разделяете? — мгновенно растеряв всю свою осторожность, Камиль-паша засыпал собеседницу неудобными вопросами, но Амаль завершает свою речь с чарующим хладнокровием:

— ...так я оказалась в изгнании, — спокойно изрекает она.

— Общеизвестно, что при императорском русском дворе время от времени появляются разного рода апостолы мистицизма, таинственные гипнотизёры и пророки будущего. Подобные личности в чести у императрицы. Каким же образом вас изгнали? — Голос Гузе

звучит холодно, говорит он по обыкновению через губу, но поза, но взгляд выдают его заинтересованность.

Я замираю в ожидании продолжения. Амаль лепечет нечто о епископе Феофане, о строгости сего достойного духовника ко всяким уклонениям в православной вере. Господь мой всемогущий, какая глупость! Пусть Эрзерум удалён от мировых столиц, но турецкий генерал и начальник его штаба не деревенские простаки. Однако Гузе заглатывает наживку. Оба, и полковник, и его генерал, изыскав благовидный предлог, удаляются для совещания.

— Что ты несёшь?! — шепчу я, когда прислуга закрывает за ними двери столовой, оставив нас с Амаль наедине.

Амаль, наконец, берёт паузу для питья остывающего чая, который она закусывает пахлавой. Для этого ей приходится обнажить нижнюю часть лица, отчего её фиалковые глаза мгновенно теряют большую часть своего очарования.

— Не мешай. Я слушаю, что они говорят... — прошептал её губы.

Я с сомнением смотрю на Амаль. Кожа на её лбу собралась в некрасивые поперечные складки, уголки губ опущены, щеки обвисли. Господь мой всемогущий, как же старит её и без того старую эдакое вот сосредоточенное выражение. Положительно, грудь Амаль выглядывает значительно свежее лица. Что-то подумает Кимиль-паша, застав её в таком виде?

— Прикрой лицо, — говорю я. — Эдак вот с закрытым лицом ты намного краше.

Вместо ответа Амаль прикладывает палец к губам.

Голоса за дверью становятся громче. Главным образом слышен гавкающий дискант Гузе. Господь мой

всемогущий, что он несёт? Тошно слушать — хопуши затыкай. Тем не менее я отлично слышу каждое слово:

— Я вам расскажу об обычаях русского двора всё, что мне известно... помимо прочих мотивов, позволю себе напомнить: мистические умонастроения русской императрицы принято использовать соответствующими европейскими ведомствами. Гадатели, прорицатели, спириты и прочая... э-э-э... публика стекается к русскому двору в надежде на поживу. Такие готовы служить всякому делу и всяким целям за достаточное вознаграждение. Как только такой... э-э-э ... специалист оказывается при дворе, вокруг него тут же спланивается кружок придворных, которые через этого спирита, прорицателя или иного сорта клоуна стремятся приобрести влияние на императорскую семью — и, как правило, преуспевают. В этих кружках тайное влияние часто имеют и агенты европейских посольств, черпая таким образом все необходимые для них данные и интимные подробности о русской общественной жизни...

— К чему это? К чему эта речь, полковник? — прерывает его Камиль-паша. — Мне нравится эта женщина. Я не считаю профессию гадательницы, её профессию, таким уж грехом.

— Гадания нам не интересны. Ни один из нас не является русской великой княгиней, — Гузе хохотнул. — Уверен, при всей своей простоватости и экзотичности, эта дама могла бы быть при русском императорском дворе и может обладать важной информацией. Припомните, генерал, о русском фельдъегере, перехваченная нами информация нуждается в проверке. Необходимо самым подробным образом допросить эту женщину...

— ...эту миссию я возьму на себя, полковник.

Камиль-паша толкнул дверь. Амаль тут же с похвальным благоразумием занавешивает лицо шёлком, при этом грудь её, разумеется, обнажается.

Камиль-паша шумно выдыхает. Похоже, Амаль правится ему и с нагим лицом. Мужской его интерес хорошо подогрет любопытством профессионального политика.

— Каков же ваш прогноз относительно нынешней компании, госпожа Меретук? — произносит он на чистейшем, без какого-либо акцента русском языке.

Что это, демонстрация отменного хорошего знания противника или желание польстить Амаль?

— Мне сложно изъяснить... — изобразив смущение, Амаль проглатывает остатки чая, приподняв для этого край платка. — Я напилась чаю из уважения к хозяину дома, несмотря на то что в такое время суток предпочитаю чаю вино.

— Ах, если бы я мог предположить... — бормочет обескураженный Камиль-паша.

Амаль решительно поднимается. Огромная, шелковыми чарующих расцветок шаль срывается с её плеч. Я испытываю ощущение пловца, накрываемого огромной волной: главное, задержать дыхание как можно дольше и плыть, плыть сквозь бездну жидкого стекла и надежде на глоток воздуха и солнечный луч. Возможно, те же ощущения испытывает и Камиль-паша, и даже Феликс Гузе.

— Танец объяснит всё, что не скажут слова, — произносит Амаль, извлекая из складок своей многоярусной, широкой, как весенний степной горизонт, верхней юбки небольшой бубен.

Танцевала она долго. Грохот её нижних юбок, звон колокольчиков на обечайке бубна, движения её змея-

щихся кос подействовали на нас по-разному. Я попросил прислугу внести наконец вино, осторожно оставленное мной в прихожей. Чопорный немец радовался, как ребёнок, а хозяин дома, загипнотизированный мельканием пёстрой шали, не заметил моей предосудительной вольности с Moet Chandon.

— Выпьем за победы турецкого оружия! — вскричал я, собственноручно откупоривая первую из четырёх бутылок и наполняя пенистым напитком армуды.

Пить Moet Chandon из армудов — жуткая похабщина, но что прикажете делать, если бестолковая прислуга Камиль-паши не доставила нам подходящей посуды?

— По сути вы еврей, но по повадкам чистый русский... — проговорил герр Феликс, опустошив первый армуд.

Я сделал вид, будто не слышал его замечания, и разлил по второй.

— Не обижайтесь, герр Жвиц, — продолжал штабной зануда. — Но это ваше гусарство за генеральским столом... Шампанское за завтраком... Видите ли, это совсем по-русски...

Ах, если б чувство юмора Гузе было б так же тонко, как его туловище, пожалуй, мы провели бы вполне приятное утро, а так... Словом, Гузе вынудил меня оправдываться:

— Если уж рассуждать о моих привычках, приобретённых в России, то скажу вам так: что такое какая-то там одна бутылка Moet Chandon? Нам предлагается употребить все четыре бутылки. Именно так ведут себя за завтраком русские люди. Ну же, герр Гузе! Prosit!

— Prosit! — отозвался тот.

Амаль тем временем вьётся вокруг Камиль-паши. Руки её взлетают. Широкие рукава опустились к плечам, обнажив смуглые руки.

Ах, эти руки! Лицо женщины часто лжёт, скрывая позрст. Но руки не обманут. Сколько же на самом деле Амаль лет? Словно услышав мой мысленный вопрос, танцовщица наконец останавливается. Едва заметное движение и дешёвая безделица — медальон с мутным рубином, купленный мною в лавке местного ювелира, покинув шею Амаль, оказывается в ладони Камиль-паши.

— Это подарок, — произносит чаровница. — Я — бедная женщина — желаю одарить столь мужественного воина, победителя многих армий. Носите этот медальон с собой, и он защитит вас от ран. Если господин генерал не пожелает носить столь простенькую вещь на шее, то пусть положит её в карман. Условие одно: ни в коем случае не расставаться с ней.

— Подарок? — пытаюсь казаться значительным, Феликс Гузе пресмешно морщил свой нос, отчего тот казался ещё более курносом. — На медальоне изображён какой-то всадник. Не решусь предположить, что это божество аланов, именуемое Святым Георгием. Но если это не святой Георгий, то кто же? По меньшей мере странно, а может быть и...

— Амаль странная, да. Она сирота, получившая воспитание в портовых притонах Батума. Её манеры составляют желать лучшего, но искренность заслуживает всяческого уважения. В чём-то она действительно подобна старцу Григорию... на свой лад... — произношу я, стараясь запечатлеть на лице самую загадочную мину.

Сказав так, я наполнил шампанским три армуда.

— А дама? — произносит Камиль-паша. — Она приучилась к Moet Chandon в портовых притонах Батума?

— Конечно! — я наполнил вином четвёртый армуд. — Prosit!

Мы дружно выпили, и каждый получил от этого неизъяснимое, на свой лад, наслаждение. Две бутылки Moet Chandon оставались непочатыми.

Огромные глаза Камиль-паши источали масло подлинного вожделения. Он сжимал в ладони странный подарок Амаль. Так сжимает губами наживку какой-нибудь бестолковый карп. Феликс Гузе громко дышал носом и сжимал челюсти. Скулы его побелели. Я готовил себя к безобразной выходке в остзейском духе. Так готовится окопавшаяся пехота к артиллерийскому залпу противника. Однако, уважая умиление Камиль-паши, Гузе молчал. Освежившись вином, Амаль проделала ещё несколько вполне изящных па.

— Годится! Я беру её! — воскликнул хозяин застолья, когда Амаль наконец опустилась на своё место. — О благодатная ханум! Стань звездой моего гарема!

Аллилуйя! Наш восточный друг вообразил, будто моя далеко уже не молодая, но всё ещё красивая спутница является подарком для него. Своего рода ясаком. Господь мой всемогущий! Уповаю на Тебя одного, запрети моему рту смеяться, а проклятой чревоугодливой утробе исторгать эти булькающие звуки, неизменно сопровождающие хохот.

Между тем будущая «звезда гарема» Камиля-паши бросала на меня обжигающие взгляды. Господь мой всемогущий! Ну что же тут поделать? Думаю, десяток-другой золотых червонцев смогут развеять гнев старшей феи?

— Ну, теперь вы моя! — Камиль-паша потирает руки. — Как это там по-русски? Ducheshka... miloshka... angel!

Даю подсказку:

— Ангельчик — так называл подобных очаровательных особ Фёдор Михайлович Достоевский.

— Ангелы Достоевского — все пятнадцатилетние проститутки. Ну или чуть постарше, в то время как эта дама... — пробурчал Гузе.

Господь мой всемогущий! Сколько ещё пилюль таится в жилетном кармане у этого господина?

— Полагаю, теперь драгоценная Амаль поведает нам об обычаях портовых притонов города Батум! — с весёлой невозмутимостью замечает Камиль-паша.

— Поведает! — ответил я, разливая по армудам вино из третьей бутылки.

— Относительно притонов ничего не знаю, — кое-как соорудив на лице строгое выражение, говорит Амаль. — А вот в Санкт-Петербурге перед самой войной появилась мода на спиритические сеансы и гадание на кофейной гуще.

— Спиритический сеанс? Хочу спиритический сеанс! — кричит Камиль-паша. — Ибрагим!

— Весь в распоряжении моего генерала!

— Где ты достал столь прекрасный э-э-э...

— ...йран, — подсказала Амаль.

— Айран марки Moet Chandon! Где? Подать сюда ещё полдюжины бутылок! Нет! Дюжину! Две дюжины!

Является слуга в расшитой шелками ермолке. Пузатый и вислоносый, он перечисляет своему хозяину все трудности, связанные с добыванием Moet Chandon именно в Эрзеруме. Эйфорическое выражение сменяется на лице Камиля-паши выражением

глубокого разочарования. Я считаю своим долгом вмешаться.

— Есть один господин в Трабзоне. Этот может достать через контрабандистов буквально всё. Я беру у него.

— От Трабзона до Эрзерума... — Гузе пошевелил сучковатыми пальцами, закатил глаза.

— Двести сорок четыре версты, — проговорила Амаль. — Мы добирались неделю. Ах, я так устала!

— В верстах — это по русскому счёту, — прошипел Гузе, а я ухватился за четвёртую бутылку Moet Chandon, громогласно взывая к исчезнувшей куда-то калфе.

Амаль — подданная османов. Её турецкий паспорт в полном порядке, тогда отчего я так волнуюсь?

— Эй, девушка, женщина, хозяйка, калфа! — ору я. — Пошли человека на улицу Кемералты — это недалеко от мечети Лала Мустафа Паша. Там скажи кому-нибудь, дескать, Ибрагим Жвиц требует шесть бутылок Moet Chandon срочно сюда! Да подай наконец нормальную посуду. Нет, пиалы тоже не подойдут. Тропись, женщина!

За суетой и тревожностями, связанными с тупостью и ленью восточной прислуги, я не заметил, как подали кофе, и пропустил начало душевной беседы, внезапно завязавшейся между Амаль и Камилем-пашой. Они беседовали по-турецки, и бедному Ибрагиму Жвицу пришлось изрядно напрягаться, прислушиваясь к их разговору.

— ...Зима будет снежной и холодной. Снегу выпадет... — не найдя подходящей метафоры, Амаль провела ребром ладони по горлу. Лицо её при этом приобрело забавно-кроважидное выражение. — Убийственный мороз! — слегка вытирашив фиалковые

глаза, добавила она. — В такую зиму даже русским юсать невозможно, и потому война прекратится. Здесь, — Амаль стучала указательным пальцем по столешнице, а Камиль-паша не сводил с неё влюблённого взгляда, — войны точно не будет.

— Поедешь со мной на Босфор? Я сниму тебе отдельный дом, — проговорил Камиль-паша. — На озере Кючукчекмендже... по-русски это называется dachka... или ты хочешь смотреть на проплывающие по Боспору корабли?

— Я хочу... Великий Аллах! Никто и никогда не спрашивал меня, что я хочу!..

Притворщица закрыла лицо ладонями. Наверное, именно так закрывается занавес в том цирке, с которым она много лет гастролировала.

— Эта женщина очень правильно говорит на турецком языке, — проговорил Гузе, переходя на немецкий. — Из этого я делаю вывод: она не шпионка.

— Разумеется, нет. Знание европейских языков — следствие частых и продолжительных путешествий.

— Вы познакомились с ней на скачках?

Да этот немец, подобно Амаль, видит сквозь землю, не иначе. Откуда ему знать про скачки?

— Я слышал, — продолжал Гузе, — вы ведёте коммерцию не только на Балканах. В Чехии у вас пивоарня, в Венгрии плодовые сады, в России конный завод...

— В Венгрии также конный завод. Однако он теперь разорён. Все лошади реквизированы для нужд армии эрцгерцога.

Гузе не сводит с меня своих крошечных водянистых глаз. Мы с ним приканчиваем четвёртую бутылку, но Moët Chandon не сделал его доверчивее.

— Господин генерал рассказывал мне о ваших многочисленных увлечениях. Игра в поло, например. Чисто английский вид спорта.

— Не люблю англичан за снобизм. На мой вкус, в Британии слишком сыро, а я люблю сухой горный воздух.

— Я слышал, ваша жена старше вас на много лет, и по сути вы управляете её business за неимением собственного.

Вот это номер! А господин Гузе не так прост, как я думал поначалу...

— А ещё я слышал о некоем Адаме Ковшихе. Господин генерал, вы слышали о таком? — не унимался остзеец.

— Полковник, Ибрагим Жвиц — мой друг. Мы вместе пересекли не только Средиземное море, но и Атлантику, — Камиль-паша едва сдерживал раздражение. — С Адамом Ковшихом я не знаком, хотя, кажется, где-то слышал это имя.

Всецело и немедленно готовый встать на мою защиту, Камиль-паша даже вскочил с места, и я с удовольствием заметил, как его правая рука шарит по левому боку, на котором, впрочем, не наблюдалось ножен

— А что вам известно о Галлиуле Джелакаеве? — презрительно нащурив глаза, проговорил Гузе.

— Судя по имени — это татарин, — проговорил я.

— Этот человек был пойман нами недалеко от города Хасан-кала. Он двигался куда-то с поручением. Но, не выполнив оно, перебежал к нам. При нём нашли целую пачку писем — и одно из них престранное...

Казалось, Гузе плотно увяз в трясине собственных подозрений, в то время как я вертел головой в надежде, что крайне нерасторопная турецкая прислуга на этот

раз всё-таки окажется чуть шустрее обычного. Господь мой всемогущий пришёл мне на помощь! Давешняя некрасивая калфа внесла в столовую шампанское. Она держала поднос на вытянутых руках, словно пытаясь отстранить от себя на возможно большее расстояние отвратительную гидру пьянства. На подносе пару запотевших бутылок Moet Chandon окружала стайка высоких бокалов. Наконец-то мы будем пить порядочное вино по-человечески.

— Никогда не уступаю прислуге право салютовать пробкой от шампанского! — воскликнул я, принимая из рук рассерженной прислуги поднос.

— А я слышал, будто у некоего Ковшиха в Костромской губернии огромное имение с домом и штатом прислуги. Всё устроено по русскому дворянскому обычаю. Настоящая латифундия, приносящая огромные барыши. Кроме того, я наслышан о престарелой жене молодого Ковшиха. Она и сейчас проживает в этом имении, то время как сам Ковших путешествует по миру, участвует в гонках регатах и тому подобное...

Пробка задорно хлопнула. Из горлышка открытой бутылки заструился белый дымок. Я разлил напиток по бокалам.

— По курортам Германии и Швейцарии, где много лет лечилась фрау Ковших, циркулировали слухи о супружеской преданности её мужа. И это несмотря на разницу в возрасте между супругами в тридцать лет...

Я слегка волновался, однако старания Гузе пропали напрасно, потому что Камиль-паша и Амаль вновь увлеклись обоюдным очаровыванием, используя для этого турецкий язык.

Прежде чем дать достойную отповедь остзейскому ландуе, я опустошил свой бокал и откупорил следу-

ющую бутылку. Гузе цедил из своего бокала, словно ему поднесли не вино, а какую-нибудь горькую микстуру.

— Ибрагим, — внезапно проговорила Амаль. — Почему ты не поправишь господина Гузе? Он постоянно называет вдову Шель фрау Ковших, в то время как госпожа Шель честно вдовствует в Костромской глубинке не один десяток лет?

— Заявляю совершенно официально! — прогремел я подобно грому. — Мадам Шель сохраняет верность Самуэлю Шель и намерена продолжать делать это до гробовой доски, в то время как я, с вашего позволения, всё ещё хожу в жениха-с. Позвольте представиться: Ибрагим Жвиц — завидный жених.

При этих словах я вскочил и поклонился, щёлкнув каблуками. Говорил я назло врагу на чистом русском языке, употребляя при этом специфический костромской выговор с ударениями на звук «о». Водянистые глаза Гузе округлились, отчего он сделался немного симпатичней.

— Оставь его, Гузе! Я твой генерал, и я тебе приказываю. Подозревать Ибрагима в шпионстве — что за вздор? — бросил Камиль-паша.

— Если господин Гузе не понял речи Жвица, я готова перевести её на турецкий, — проворковала Амаль. — Немецкий язык плохо давался мне, но если господин полковник предпочитает французский или английский...

— Презираю язык томми! — фыркнул Гузе. — Но возвращаясь к нашему пленнику...

— О ком это он? — Амаль округлила глаза. — Амаль Меретук никогда не понимала немцев — пере-скакивают с пятого на десятое.

— Галлиуле Джалакаеву? Татарину? Письмоносцу? — растерянно переспросил я.

— Этот человек — мусульманин, недовольный политикой царской власти по отношению к иноверцам. К примеру, в русских войсках по обычаю всегда есть полевые священники, для солдат исповедующих православие. Но никогда и нигде вы не увидите на передовых позициях русской армии муллы. В Австро-венгерской армии существует институт фельдвикариата, которым управляет полевой римско-католический епископ — представитель церкви при Имперском Военном министерстве. Ему подчиняются фельдсупериоры, которые находятся при штабах отдельных армий. В их подчинении находятся низшие полевые духовные чины — фельдкураты. Кроме того, есть ещё капелланы при военных госпиталях. Следовательно, структура духовной опеки в армейских частях в основном отвечает не только административному делению церкви (епископат — деканаты — приходы), но и армейской структуре. У русских же только и есть что православные попы. Остальные конфессии отнесены на второй сорт. И дело не только в вероисповедании. В Царстве Польском в школах преподавание только на русском языке. В армии в ходу язык только русский, а между тем некоторые солдаты из национальных областей русским языком не вполне владеют. Вот мы, господин генерал, с этим вашим Жвицем вдоль французского побережья на яхтах плавали, устриц и улиток жрали, а в России в 1898 году люди от голода десятками тысяч мёрли. Россия — что та устричная раковина. Ковырни её вилкой — и развалится, но не на две части, а на множество. Тут счастлив будет тот, кто успеет сочное мясо её первым в глотку се-

бе сунуть. Европа обязана сожрать Россию, иначе во всех школах от Балкан до Ла-Манша детишек будут на русском языке учить...

Пылкая и обильно политизированная речь полковника Гузе, что холостой выстрел из гаубицы: громко, дымно, но толку никакого.

— Конечно, дорогой мой полковник! — Камиль-паша одобрительно треплет Гузе по руке. — С судьбами Европы можно и подождать. Совсем иное дело — дорогая ханум. Судьба ханум важней судьбы какой-то там Европы, не правда ли?

В ответ на его любезность Амаль снова обнажает лицо, прикрыв при этом грудь, что, на мой взгляд, несколько огорчает Камиля-пашу.

— Если желаете, можно погадать на таро Ленорман. Колода осталась в моём портпледe, в прихожей, — произносит Амаль едва слышно. — Если угодно, прикажите принести.

При слове «Ленорман» Гузе бычится. Теперь он похож на закипающий дровяной бойлер.

Камиль-паша картинным жестом прикладывает ладонь к левой стороне груди и склоняет голову. Кисточка на его феске задорно подпрыгивает. Амаль поднимается, готовая лично отправиться в прихожую за колодой Ленорман.

— Как любому немецкому офицеру, мне чужда эзотерика, — говорит Гузе, беспощадно, с чисто остзейской пренебрежительной брезгливостью лорнируя декольте и юбки Амаль. — Однако факты подтверждают болтовню нашей милой колдуньи.

— То есть? — рассеянно интересуется Камиль-паша. Его тараканьи усы настороженно шевелятся.

— На сей вопрос имею сообщить следующее...

И немец затараторил, самым забавным образом коверкая турецкий язык. При этом широкое и курносое лицо его сохраняло комично-серьёзное выражение. Он носил скормленную ему штабом Кавказской армии при посредничестве Галлиулы чушь о планах британского экспедиционного корпуса, который якобы готовит наступление ранней весной в Месопотамии, а также об отряде генерала Баратова, который также готов принять участие в этом деле. Он приводил и доказательства. Аргументация его хоть и соответствовала действительности, но всё равно казалась мне чрезвычайно забавной. Moet Chandon сделал своё дело.

Да, действительно, русская армия купила в иранском Азербайджане большую партию верблюдов для гужевых перевозок. Одновременно закупались и гурты мясного скота, и пшеница для питания войск, и фураж. Я сам лично принимал участие в закупках и не делал ровно никакого секрета из выгоды, получаемой торговым домом «Вдова Шель и наследники» от подобной коммерции. Мог ли я предполагать, что полковник немецкого генерального штаба, приставленный к Камиллю-паше именно для предоставления тому умных советов, придаст результатам моей удачной коммерции столь глобальное значение?

— Таким образом?.. — произнёс Камилль-паша с особым, пристальным вниманием оглядывая собеседников.

— ...Таким образом, — подхватил немец, — мы с вами, дорогой паша, вполне можем отправиться праздновать Рождество по домам.

— Но позвольте! — тараканьи усы Камилля-паши воинственно топорщились. — Рождество вовсе не праздник османов, однако...

— Я о том и говорю! — Немец снова прервал своего патрона самым возмутительным образом. Пухлые губы его забавно шлёпали одна о другую. На широком переносье пролегли глубокие горизонтальные полосы. — Рождество Христово — праздник, особо почитаемый русскими. Уверяю вас: русский человек в Рождество убивать не станет. Не правда ли, герр Жвиц? Вы ведь, кажется, выкрест?

Немец уставился на меня ровно с тем же пренебрежительным выражением, с каким только что смотрел на Амаль.

— Мне и самому порой кажется, будто я выкрест, — отозвался я с уклончивой любезностью. — Однако следование православно-христианской доктрине подразумевает нестяжание, а я непрестанно думаю о деньгах, о наживе. То есть именно о стяжательстве. Это и неудивительно. Я — деловой человек.

— Как раз сейчас у нашего дорогого паши некоторые затруднения... — многозначительно ухмыляясь, проговорил герр Феликс.

— ...Наживаюсь буквально на всём, — продолжал я, подражая манере немца пренебрегать собеседником. — Например, даю деньги в рост, а в России, прошу заметить, ростовщичество морально осуждаемое занятие...

Я заметил, конечно, как моя драгоценная Амаль изобразила на своём милом личике уморительно недовольную мину — ах, шла б она лучшей за колодой Ленорман! — но меня уж было не остановить:

— ...Но если дорогой мой паша испытывает затруднения, то я готов помочь и даже не возьму процентов.

— Я верну долг по окончании военных действий, — проговорил Камиль-паша с некоторой даже озабочен-

ностью. — Затруднения с деньгами возникли из-за прерванных войной коммуникаций. Это просто заминка, задержка — не более того. Но вот закончится война, и тогда моим затруднениям конец. Так я получу возможность расплатиться с долгами.

— Очень верно подмечено. Господь мой всемогущий, как же ты прав, дорогой Ахмед! Во время войны и первую очередь страдают коммуникации, из-за чего денежные потоки, так сказать, меняют свои русла. От этого страдают как промышленность и торговля, так и отдельные предприниматели. Вот, например, я. Ранее уже упоминал о реквизиции мадьярским командованием лошадей с моего конного завода. И это далеко не все мои потери. Есть и ещё!

— Иными словами, денег у вас нет? — насупился Гузе. — В таком случае, как вы собираетесь выбирать-ся отсюда?

Подобный подход меня слегка обескуражил, но не слишком-то удивил. Любой остзейский вояка, как истинный ладскнехт, не упустит добычу, оказавшуюся у него в руках.

— Уважаемый герр Гузе! Наличные деньги в наши смутные времена слишком тянут карман, а потому я предпочитаю держать их в банках нейтральных стран.

— Отправьте телеграмму вашему поверенному и нейтральную страну, — не скрывая раздражения, парировал несносный Гузе.

— Непременно отправлю! А следом за телеграммой отправлюсь в указанном направлении сам, потому что в наши смутные времена ни один поверенный ни в одной нейтральной стране не поверит телеграмме, отправленной с театра военных действий.

— Ибрагим прав, — Камиль-паша снова кивнул, и кисточка на его феске снова совершила головокружительный кульбит. — Турецкая Армения — театр военных действий. Правда, сейчас, ближе к зиме, бой приняли позиционный характер и накал противостояния ослабел, но...

— Обещаю вернуться с деньгами! — заверил я, прижимая руки к груди. — И не только. Обещаю кроме денег всевозможнейшие дары. А залогом своих обещаний оставляю Амаль — ты ведь не против, дорогая? — и этот несессер.

Тут-то я и выложил на стол свой главный козырь.

Во всё время моей лживой тирады, позабыв о никому не интересной Ленорман, Амаль стояла у окна, рассматривая нечто любопытное за решёткой небольшого садика.

— Я согласна остаться в Османии, — тихо молвила она. — Климат Швейцарии, конечно, не плох, но я слишком боюсь бомбовых разрывов и ядовитых газов. Европа будет страдать ещё много-много лет, а вот здешние места, оказавшиеся вдали от войны, покажутся любому истинным раем.

— Быть по сему! — вскричал я, поднимаясь и давая понять генералу и его советнику, что визит мой окончен.

Пытаясь попрощаться и с Амаль тоже, я распахнул объятия, но чаровница внимательно рассматривала нечто в крошечном садике за окном и проигнорировала мои объятия. Господь мой всемогущий! Мало ли я смирялся? Пришлось смириться и с этим.

— Таким образом, ты даришь мне эту женщину, Ибрагим? — спросил паша у самой двери, до которой

он меня проводил с вежливостью, достойной лучшего из хозяев.

— Таким образом, она останется с тобой ровно столько, сколько ты сам этого пожелаешь.

Довольная ухмылка чрезвычайно украсила тараканье лицо Камиль-паши.

— Женщина женщиной, а деньги деньгами! — молвил он, многозначительно поднимая палец.

— За деньгами дело не станет. Нам надо продумать оптимальный маршрут до Базеля. Я так же, как Амаль, не люблю бомбовых разрывов, штыковых атак и ядовитых газов.

В ответ Камиль-паша обещал мне всяческое содействие вплоть до самого Трабзона и дальше, при этом генерал, как я заметил, ни на минуту не выпускал из ладони уродливый подарок Амаль. Меня же чаровница одарила лишь холодноватым взглядом и одной короткой, но многозначительной фразой:

— Я буду ждать тебя в Эрзеруме, Ибрагим. Возвращайся!

Глава третья
18 ДЕКАБРЯ 1915 ГОДА. ШТАБ
ОТДЕЛЬНОЙ КАВКАЗСКОЙ АРМИИ
(рассказ полковника штаба
отдельной Кавказской армии
Евгения Васильевича Масловского)

Могилёвскую ставку вполне устраивало устойчивое положение отдельной Кавказской армии, не просившей резервов, поэтому на осень 1915 года нам были поставлены только задачи активной обороны. Однако такая война совсем не соответствует характеру Николая Николаевича Юденича. Для начала он с разрешения Ставки создал собственный «маневренный резерв» и произвел перегруппировку армейских сил. Это, разумеется, не осталось вне поля зрения вражеской разведки. «Камиль-паша встревожился и запросил пополнения» — так доносил доверенный тайный агент Юденича, живущий и действующий в непосредственной близости от турецкого командующего.

Юденич торопился, но в то же время Николай Николаевич, помня о просчетах в первую военную зиму, позаботился об обеспеченности войск теплой одеждой, провиантом, боеприпасами, фуражом. Из приморских гор и Саракамыша доставлялись дрова.

Заботили Николая Николаевича и армейские коммуникации, которые в горах большей частью напоминали

караванные тропы. В прифронтовой полосе с небывалым размахом велось дорожное строительство. Саперные роты и строевые части занимались прокладкой новых дорог и ремонтом старых.

Юденич хотел штурмовать Эрзерум. Жил этой идеей уже более полугода. Его донесения Ставке главнокомандующего содержали мотивы и планы зимней кампании. Параллельно проводились подготовительные работы. Но в ответах из Могилёва прослеживалась вполне определённая тенденция — отложить планы Юденича на потом, в «долгий ящик». Николай Николаевич нервничал, но с присущим ему одному железным упорством слал новые донесения, содержащие новые доводы. У нас его аргументация не вызывала сомнений, но в Ставке смотрели на вещи по-иному. Так минуло лето и началась осень. Переписка со Ставкой Верховного главнокомандующего становилась всё более оживлённой. Юденич верил в здравомыслие царя, и мы готовились к маршу на Эрзерум.

В тревожное время последних приготовлений к штурму эрзерумской крепости генерал Юденич дневал и ночевал в штабе. В небольшой комнатке, примыкавшей к штабной столовой, ординарец командующего Павел Лебедев установил железную, на вид совсем неудобную койку. Это «прокрустово ложе» и служило местом ночного отдохновения командующего отдельной Кавказской армией.

Тем памятным утром я постучал в дверь импровизированной генеральской спальни. Ответа не последовало. Тогда я уверенно направился в столовую, где и застал своего начальника, занятого утренними газетами.

— Вот, ищу упоминания об одном моём знакомом, — проговорил генерал, поздоровавшись со

мной. — Обычно он не сходит с газетных листов, а я по старому и доброму знакомству слежу за его успехами. А тут вижу: пропал мой знакомый, а это значит, что скоро мы увидим его лично.

— Так точно, ваше высокопревосходительство!

— Что опять не так, Евгений Васильевич? — спросил Юденич, поднимая на меня глаза.

Весь его вид выражал воинственный оптимизм.

— Всё так, Николай Николаевич. Вот подготовленная мною записка об общем положении и об обмундировании, в частности. Это буду сообщать на Военном совете. Вы посмотрите предварительно?

— Если я «превосходительство», то вы, очевидно, чем-то недовольны.

— Никак нет. Позвольте...

Я распахнул папку, готовый передать в генеральские руки отпечатанные на машинке листы.

— Оставьте... закройте папку... чуть позже... — генерал досадливо махнул рукой. — Завтракать?

В одиннадцатом часу утра, за накрытым к завтраку широким столом Николай Николаевич Юденич выглядел одиноким и усталым. В углу на тонконогом столике с круглой, покрытой несвежей скатертью столешницей, нетерпеливо напоминал о себе пышущий паром самовар. В дальней части стола толпились скученно чайные столовые приборы. Прямо передо мной были расставлены нехитрые штабные яства: горка сваренных вкрутую яиц, исходящий испариной параллелепипед сливочного масла в серебряной маслёнке, толсто нарезанный сероватый хлеб на деревянном блюде, кое-как наструганные сало и колбаса, посыпанный зеленью творог в глиняной миске. Тут же в разномастной таре обычные соль, сахар, горчица и даже хрен. Штабные

завтраки проходили зачастую à la fourchette, на бегу. Вот и я собирался перехватить что-нибудь на скорую руку, хоть кусок хлеба всё с тем же хреном. Но для начала мне хотелось, чтобы Николай Николаевич просмотрел отпечатанные листы.

— Вот прибор. Налей себе сам или Пашку что ли по-лови... куда-то этот реалист-недоучка запропал. А ведь и его всего лишь за газетами послал.

Я принял из генеральской руки чашку и блюдце. Чайной парой прибор не назовёшь — пиала тонкого фарфора с витиеватым тюркским рисунком, блюдце — пожелтевший от времени фаянс со сколотым краем. Вся немудрёная штабная сервировка собрана штабным вестовым Пашкой Лебедевым невесть по каким сусекам. Расхлябанный краник самовара плюется кипятком. Пашка тот ещё буфетчик, заваривает чай густо, черно и всегда добавляет в заварной чайник какую-нибудь пряную траву — чабрец, тимьян и чёрт ещё знает что. Чай пахнет летней степью и пьянит, и бодрит. Поворотясь спиной к командующему и обжигаясь, я сделал первый глоток.

— Ну что же вы, Женечка? Как там с донесением? — проговорил Юденич, и я вспомнил о зажатой под мышкой кожаной папке, в которой лежал отпечатанный на пишущей машинке документ, с которым я был категорически не согласен. — Ах, где же Павел? Некому как следует и подать... Вы мажьте масло на хлеб, Евгений Васильевич. Яйца сварены в мешочек, как вы любите...

Юденич пытался потчевать меня, рассеянно пощипывая левый ус. Такая уж у него привычка — пощипывать левый ус в минуты задумчивости. Мыслями он был не со мной, не замечал эклектичной сервировки штабного

завтрака. И не было ему дела до моих волнений относительно содержимого кожаной папки. Я знал Юденича давно, знал, что в минуты подобной отрешённой задумчивости на лбу его появляются глубокие поперечные складки, делающие его лицо суровым и даже немного злым. Теперь командующий смотрел мимо меня на чисто выбеленную пустую стену, словно читал видимые ему лишь одному письма, в которых заключается вся правда подлунного мира. Но вот минуты трудных раздумий минули, лоб его разгладился, в глазах снова появились знакомые многим тёплые искорки.

Все мы ждали ответа из Могилёва, а накануне я получил известие о прибытии фельдъегеря, вручившего пакет лично командующему. Не этот ли ответ обдумывает Николай Николаевич? Я волновался, измышляя приличный повод спросить командующего о депеше из Ставки. Любопытство — тлеющий уголёк, чудесным образом оказавшийся в моём нагрудном кармане, — жгло и язвило меня.

— Это донесение... — я поперхнулся, закашлялся, стушевался и едва не уронил полупустую пиалу. — То есть я имею в виду не вчерашнюю депешу, а сегодняшнее донесение, полученное от господина Ковшиха.

— Ты имеешь в виду моего «племянника», Женечка? Адамчика?

Юденич снова нахмурился. Меж его бровей вновь пролегли три глубокие борозды. Да-да, их всегда бывало ровнёхонько три.

Улыбка его оказалась внезапной, как дальняя ночная зарница. Глаза исчезли, превратившись в щёлки, огромные усы встали в одну линию параллельно полу.

— Ты Адама Ковшиха господином-то не называй, потому что сам он нынче себя товарищем Ибрагимом

Жвицем величает, а Ибрагим Жвиц этот в социалисты записался. К врагам России и Императорского дома себя причислил... Ха-ха-ха!

— В социалисты? Да как же-с...

— А так! Записался в социалисты, да так хорошо у него дело пошло. Не хуже, чем оптовая торговля или разведение породистых коней. Ясное дело, при таких успехах вскоре пришлось от жандармов за границу ретироваться. Нынче товарищ Жвиц в Турции. Такие вот дела. А что там, от него донесение?

— Так точно. О поставках зимнего обмундирования.

— Это надо отдельно изучать.

— Да как же? Если Адамчик... то есть товарищ Жвиц в Турции, то...

— Велика ли беда в том, что мой «племянник» в Турции, если дело его здесь осталось? Ерунда этот что социализм. Забава, как игра в поло или актёрство. Не для того мы днюем и ночуем в штабе, чтобы рассматривать, как кто-то игрался в социализм!

Я попытался, но не успел возразить. Мое досадное замешательство завуалировало появление в штабной столовой генералов де Витт и Воробьёва в сопровождении другого Николая Николаевича, Баратова. Последний, одетый в красную черкеску и белую лохматую папаху, был подобен экзотическому цветку или вспышке алого пламени. Небольшого роста — макушка Баратова едва ли доставала любому из нас до подбородка — чрезвычайно подвижный и по обыкновению оживлённый, он моментально и всецело завладел вниманием Юденича. Баратов выхватил из рук следовавшего за генералами Лебедева кипу газетных листов, датированных вчерашним днём. Перед моими глазами замелькали разноразличные заголовки. На первых страницах газет набранное

самыми крупными шрифтами знакомое с гимназических времён географическое название The Dardanelles, Çanakkale Boğazi, Strait of Çanakkale, Δαρδανέλλα, Dardanëllia, Strait of Gallipoli, the Hellespont.

Тут же всё задвигалось, закипело, ровно вода в кипящем самоваре. На столе явились горячие закуски в виде обильно сдобренного маслом хачапури, груды свежей зеленухи, жаренной на углях и сочащейся жиром бараньей ноги с разноцветными овощами. Зазвене-ла посуда. Задвигались стулья.

На запах мяса в помещение импровизированной столовой потянулись штабные офицеры. Завтрак в штабе Николая Николаевича Юденича всегда был поздний и проходил в довольно демократичной обстановке. Собирались штабные чины и съехавшиеся из частей командиры. Обычно человек 15–20 в чине не ниже подполковника. Гости и хозяева ели, пили, обсуждали новости в расчёте на то, что следующий приём пищи может случиться лишь вечером. В начале лета 1915 года тылы отдельной Кавказской армии работали на верхнем пределе возможности или за его гранью.

Первые минуты совместной трапезы протекали в молчании, слышался лишь стук вилок и ножей — офицеры отдавали должное закускам. Лишь один Баратов продолжал шелестеть газетными листами — этот словно не ведал ни голода, ни усталости. Я устроился на краю стала, поближе к Юденичу и блюду с бараниной, доставленной к генеральскому столу всё тем же Лебедевым. С такой позиции и газетные заголовки читать удобней, и проще воздать должное отличному мясу.

Генерал де Витт первым вытащил из-за воротника салфетку.

— Почему в штаб доставляют ограниченное количество экземпляров газет? Вот Николай Николаевич узурпировал право первого прочтения, — проворчал он. — Эй, Лебедев! Неси прессу! Не может же Баратов читать все газеты одновременно...

— Что в газетах? — поинтересовался Воробьёв, похожий на де Витта, как двоюродный брат — то же продолговатое лицо, та же выправка, даже бородка клинышком, и даже седеющие усы схожего фасона.

— Полный провал Дарданелльского десанта наших союзников по Антанте. Как скоро высвободившиеся там турецкие войска окажутся на Кавказском театре, у нас под носом, а? — весело отозвался Баратов. — Как думаете, Николай Николаевич, а? Не томите! Все знают о депеше из Могилёва. Высочайшее разрешение получено?

Все устали на командующего.

— Необходимо оборудовать передовой командный пункт в Каургане, — ответил Юденич. — Необходимо в кратчайшие сроки завершить строительство узкоколейки от Карса до Мельдеке и Ольты. Не забудьте о формировании снегоочистительных команд. Зима в горах Армении изобилует снегопадами. Ах, да! Могилёв утвердил план операции, о чём мною вчера получено специальное сообщение. Так что за работу, господа! В Тифлисе удобно — балы и прочие развлечения даже в военное время. Однако обстоятельства требуют нашего присутствия во вверенных частях. Поэтому Тифлис отставить.

Кто-то вскочил, с грохотом опрокинув стул.

— Не горячитесь, голубчик!

И снова глаза Юденича превратились в щелки, а отвислые усы сделались параллельными полу.

Присутствующие отодвинули приборы, в минуту забыв о голоде. Юденич продолжал:

— Женья... Евгений Васильевич! Явите нам наконец содержимое вашей замечательной папки.

— Ещё одно донесение? — спросил кто-то.

— Очередное сообщение о положении дел... — ответили ему.

— ...Между русской бригадой крейсеров и отрядом германских кораблей произошёл бой у острова Готланд... — голос Баратова из-за газеты звучал раздумчиво.

— Господа! Тут Евгений Васильевич всё утро ходит вокруг меня, желая узнать о сути ответа из Ставки Верховного главнокомандующего. А я, понимая его томление, молчу, дожидаясь вашего прибытия, чтобы если уж сообщать, то всем собравшимся. И вот вы являетесь с горами снеди и кипами газет и не даёте своему командиру слова молвить...

Короткая речь Юденича привела присутствующих в состояние оперативной совещательной готовности: все голоса умолкли, все взгляды устремились на него.

— Ставка Верховного главнокомандующего одобрила наш план, — без какой-либо торжественности произнёс Юденич. — А теперь слово полковнику Масловскому. Ну, Евгений Васильевич, явите миру содержимое вашей замечательной папки.

— Докладная записка от господина Дракина относительно зимнего обмундирования, — начал я, раскрыв свою действительно замечательную папку крокодиловой кожи, даренную тем же Дракиным в прошлом году по какому-то ничтожному поводу.

Бегло, не вдаваясь в мелочи и сокращая на ходу писарский текст, я доложил о состоянии дел с обмун-

дированием и продовольствием, уже поставленным на интендантские склады и находящимся в пути. Перечислил поименно всех поставщиков с указанием сроков поставок, а также допущенных просрочек. Несколько раз, наряду с иными поставщиками, упомянул торговый дом «Вдова Шель и наследники».

— А где теперь этот предприимчивый наследник идовы? — не без ехидства поинтересовался Баратов, бросая под ноги наскучившие ему газеты.

— По слухам — в Турции. Война войной, а торговли торговлей, — ответили ему.

— Николай Николаевич! Па-а-апрашу соблюдать регламент! — растягивая гласные на московский манер, проговорил Владимир Владимирович де Витт, славившийся в армии особым пристрастием к уставной субординации. — Полковник Масловский докладывает — остальные слушают.

— Продолжайте, господин полковник. Слушаем, — проговорил Юденич.

Я ещё раз перебрал листы, испещрённые лиловыми буквами. Ещё раз внимательно осмотрел висящую на стене карту. Начал я, как полагается, с коротенькой вводки, обобщающей положение противостоящей нам 3-й Турецкой армии генерал-лейтенанта Камиль-паши:

— Напомню, армия Ахмеда Камиль-паши в настоящий момент состоит из 9, 10 и 11-го армейских корпусов, 2-й кавалерийской дивизии. Левый, приморский фланг прикрывает 10-тысячная группировка Хамди и Штанге (немца). Правый (в Персии) — почти 20-тысячная группа Халиля, половина которой, по оценкам нашей разведки, состоит из курдской конницы. Наша разведка полагает: неприятель восстановил свои силы и в самом скором времени начнет наступа-

тельную операцию. Таким образом, к концу 1915 года 3-я Турецкая армия генерал-лейтенанта Камиль-паши сумела восстановить свои силы после Саракамышского разгрома и оставления её рядов частью курдских ополчений. Более того, в скором времени в неё должны влиться войска 5-й армии, защищавшей Дарданеллы от десанта союзников, и 28 000 призывников, которые в настоящее время проходят ускоренное обучение. Тогда соотношение сил окончательно сложится не в нашу пользу. Таковы вкратце предпосылки и ближайшие перспективы. Теперь непосредственно о планируемой операции по штурму укрепленного района Эрзерум. Из чего мы исходим, планируя столь сложную войсковую операцию в гористой, лишенной дорог местности в зимнее время? Прежде всего из соотношения и расположения сил сторон. Главные силы располагаются в полосе более четырёхсот километров от берега Чёрного моря до озера Ван. Позиция 3-й Турецкой армии выглядит достаточно устойчивой. Оба её фланга в достаточной мере защищены самой природой. Левый — труднопроходимым хребтом Понтийского Тавра, правый — ещё более неприступным горным массивом Драм-Дага. Из-за этого неприятельскую позицию придётся рвать фронтальным ударом, поскольку обход её с флангов представляет огромные трудности прежде всего для конницы. Опорным пунктом армии Камиль-паши является крепость Эрзерум — тыловая база и узел транспортных коммуникаций всей восточной части Турции. Ясно, что этот город-крепость турок будет оборонять до последнего. Решающим для операции станет взлом вражеской обороны в направлении селения Кеприкей, для чего создана ударная группировка из 20 батальонов пехоты и 15 казачьих сотен. Их прорыв обеспечит

огонь 100 орудий. Господа, обращаю ваше внимание: такой плотности пушечного огня война на Кавказе ещё не знала. В ударную Кеприкейскую группировку включены части, хорошо зарекомендовавшие себя и минувших делах, а именно: 4-я Кавказская стрелковая дивизия с её артиллерией, Сибирская казачья бригада и 1-й Кавказский мортирный дивизион. Командующим группой назначен присутствующий здесь генерал-лейтенант Николай Михайлович Воробьёв. Для сковывания турок и лишения их возможности манёвра резервами необходимо проявить активность Приморскому отряду на батумском направлении, Ван-Азербайджанскому отряду — на ванском и урмийском направлениях. Экспедиционному корпусу Николая Николаевича Баратова наступать на город Керманшах. Исходя из всех данных и возможностей, временем начала кеприкейского прорыва с целью захвата Эрзерума определяем конец декабря 1915 года. Турки знают, как мы чтим Рождество Господне, и уверены, что мы не начнём сколь-нибудь серьёзную военную операцию в эти дни. Удары в ольтинском и битлисском направлениях планируем на два дня позже. Далее об обмундировании... — тут я сделал небольшую паузу, и Пашка с небывалой для него предусмотрительностью подал мне стакан холодного кипятку. — У нас было достаточно времени, чтобы со всем тщанием позаботиться о тёплой одежде для наступающих войск. В настоящее время на интендантских складах уже находятся валенки и тёплые портянки к ним, так же стёганные на вате шаровары, полушубки, папахи с отворачивающимся назатыльником, варежки, шинели. Всё обмундирование в расчёте на каждого чина. Цифры повторно зачитывать не буду. Они были приведены в предыдущей

справке. Кроме того, учитывая опыт боевых действий в Балканских горах во время Русско-турецкой компании 1877—1878 годов, мы позаботились и о мелочах. Так, на интендантских складах уже находится достаточное количество белых коленкорových халатов и белых чехлов на шапки. Кроме того, всему составу 1-го Кавказского корпуса, которому предстоит наступать на высокогорье, выданы защитные очки. Повторюсь, все поставки обмундирования обеспечены торговым домом «Вдова Шель и наследники». Также имею доложить...

Но офицерское собрание прервало мою речь слитным гулом, за которым мой волнующийся голос сделался вовсе не слышен.

— Вам что-то непонятно, мой дорогой тёзка? — со всей мыслимой ласковостью спросил Юденич, адресуясь к Баратову.

— Не могу понять вашего пристрастия к этому гм... типу, — буркнул тот в ответ.

— Ковших — не тип, а купец второй гильдии, — подняв палец к потолку, заметил де Витт.

— Первой гильдии, — с нажимом поправил Юденич.

— Драл я таких купцов во все места, — бросил Баратов.

— Говорят, миллионщик. Чрезвычайно богат, — заметил де Витт. — Говорят, не только волжским пароходством владеет, но даже имеет собственные аэропланы, которые и поставил русской армии.

— На этих поставках ещё наживётся в добавление к миллионам «вдовы Шель». Наследник! — усмехнулся Баратов.

Глава четвёртая

ПИСЬМА ПОРУЧИКА МЕЙЕРА ЕГО НЕВЕСТЕ

Первое письмо поручика Мейера к его невесте Ленни Фишер из города Гродно. Писано в деревне Караурган в период между 15 и 29 декабря 1915 года:

«Здравствуй, Ленни! Это я, ни на минуту не забывающий о тебе Борис Мейер.

Должен признаться: я не храню твои письма, потому что в моих нынешних обстоятельствах боюсь не уберечь, и тогда они могут попасть в чужие руки. И ты моих писем не храни. Всё самое важное и ценное из них вымарает военная цензура, но личное — моя любовь и отношение к тебе останутся. Идёт большая пойна, и неизвестно, чем дело обернётся. Мои письма могут попасть в чужие руки. Как прочтёшь, сожги.

В последнем письме ты просила больше бытовых подробностей.

Вот они.

Для начала хочу рассказать тебе о Турецкой Армении. Местность здесь гористая. В высокогорье климат настолько суров, что его можно сравнить с климатом Сибири. Николай Николаевич так и называет это место — «Турецкая Сибирь». Здешнего лета я не застал, и зима начинается ранней осенью и по-сибирски сурова, и столбик спиртового термометра который уже день не поднимается выше отметки —10 градусов по Цельсию.

Что же рассказать ещё о быте? Весь наш быт сводится к подготовке большого сражения. Это видно по всему. Армейские штабисты не спят ночами. Вместе с ними не спят и фельдъегеря. Я совершаю разведывательные полёты иногда по три раза на дню. Возглавляемый мною авиаотряд подчинён непосредственно командующему Кавказской армией. Работа интересная и риска никакого. По части авиации мы далеко опережаем турок, и встреча с турецкими коллегами в воздухе мне не грозит.

Для начала характеризую тебе своего начальника.

На мой взгляд, генерал Юденич обладает необычайной решительностью, гражданским мужеством и хладнокровием. Качества эти особенно ярко проявляются в самые тяжёлые минуты. Он всегда находит в себе мужество принять нужное решение, беря на себя и всю ответственность за него, как это было в Саракамышских боях. Юденич обладает несокрушимой волей к победе. Ею проникнут он весь, и эта его воля в соединении со свойствами его ума и характера являют в нем черты полководца.

Находясь достаточно долго в среде штабных офицеров самого высокого ранга, я многое понял о военной службе. И во многом этим пониманием я обязан моим сослуживцам-офицерам и лично Николаю Николаевичу Юденичу. Наш командующий, как истинный руководитель, большой мастер в выборе людей. Он умеет каждого поставить на правильное, позволяющее максимально использовать имеющиеся навыки и способности место. Порой он кажется безрассудно доверчивым, но не было ещё случая, чтобы это его безрассудство не оправдало себя продуктивной боевой практикой.

Мою жизнь в офицерской среде несколько стесняет одно лишь обстоятельство, а именно: вынужденное

присутствие на православных богослужениях, которые происходят регулярно по заведённому расписанию, и ни одно серьёзное действие не обходится без предварительного обращения к Богу. Я пишу слово «Бог» с большой буквы не от богобоязненности, которой, как тебе известно, во мне нет ни на грош, а от уважения к людям, сблизившимся со мной в результате полученного совместно боевого опыта. Уважая их чувства, я не иффиширую перед ними известные тебе мои взгляды. Однако шила в мешке не утаишь: я избегаю исповеди и причастия, избегаю общения с попами, которых в душе своей по-прежнему почитаю за шарлатанов и бездельников. Это обстоятельство было уже замечено и отмечено Николаем Николаевичем. В то же время никакие меры ко мне лично не применялись.

Я человек не военный, хоть и имею армейский чин поручика. В штабе с подачи Ковшиха меня зовут эльфом. Разбег аэроплана, взлёт и полёт им представляется порханием. А ведь не понимают главного: двигатель летательного аппарата — 9-цилиндровый ротативный «Рон» 9С мощностью 80 лошадиных сил обеспечивает это изящное «порхание», а вовсе не Божий промысел и не эльфийское волшебство. Да и сами аэропланы многим представляются чудом, эдакой игрушкой.

Николай Николаевич, в отличие от многих, понимает, что для победы в будущих войнах авиация будет иметь решающее значение. Полковник Масловский называет меня «существом эфемерным», а наш друг Ковших и того страшнее — эльфом, то есть существом скалочным, лишь по недоразумению оказавшимся в мире реальных людей.

Мой характер, склад натуры не приспособлен для личной службы. Действительно, беспрекословное под-

чинение, повиновение приказам без обсуждений оных, без особых раздумий, ты знаешь — это не моё.

Что такое офицерское общество? Постоянная ограниченность в средствах, долговременное пребывание в отдалении от мест концентрации культуры и в то же время близость к солдатской среде — всё это накладывает отпечаток на личности.

Командующий, замечая некоторую мою неприкаянность и неуютность в среде строевых и штабных офицеров, приблизил меня, предложил обращаться друг к другу по имени и отчеству. Так теперь он называет меня Борисом Ивановичем, а я его — Николаем Николаевичем. Так и стану именовать командующего в дальнейшем в своих письмах.

Леночка, теперь уже поздний вечер. На завтра назначены новые вылеты, но до того как подняться в воздух, отправлю денщика с этим письмом на почту».

* * *

Второе письмо поручика Мейера к его невесте Ленни Фишер из города Гродно. Писано в деревне Караурган в период между 15 и 29 декабря 1915 года:

«Здравствуй, Лена!

В перерывах между разведывательными полётами продолжаю свой рассказ о нашем военном житье в Восточной Анатолии. На этот раз остановлюсь на делах штабных.

Не последнюю роль при штабе Николая Николаевича играет наш с тобой друг Дамка (Адам Ковших). Персонаж этот полон самых фантастических идей, некоторые из которых трезвомыслящий и практический Николай Николаевич охотно претворяет в реальность.

Ковших находится при штабе не просто так. Этот всемирно известный субъект — да простит меня Ковших за это имя существительное! — ищет повода совершить подвиг. Дело в том, что всех его несметных, как говорят и то же утверждает он сам, богатств не хватит на покупку орденов Российской империи. Георгиевский крест и иные награды не имеют цены. Они не продаются, а Ковшиху очень хочется занять парочку. Дамка — щедрый человек, но для приобретения новых наград необходимы иные качества. И вот Дамка ищет повода. Он буквально рыщет вокруг да около армейского штаба и офицерского собрания. Но как занять боевые ордена, не имея ровно никакого боевого опыта? Дамка — человек рискованный, но и осторожность ему не чужда. Дамка — человек верующий, то есть верит в загробную жизнь. Но и жизнь плотскую он ценит. На первом этапе своей интеграции в армейскую среду он перестал вздрагивать и приседать при звуке выстрелов и бомбовых разрывов. И это уже большой прогресс.

В открытую над ним не смеются. Напротив, выказывают всяческое уважение. Полагаю, сие показное уважение штабных связано с отношением Николая Николаевича, который всячески привечает Ковшиха. Командующий будто выжидает чего-то: знака свыше, стечения обстоятельств? В сложном механизме военных действий такая деталь, как Адам Ковших, вполне может пригодиться. Пока же Ковших принял на себя своеобразную и незавидную роль «придворного шута» при штабе Юденича. Я не верю в Бога, но верю в интуицию Николая Николаевича и уверен: Ковших ещё покажет себя. Ты же знаешь, у нас и встречают и провожают по одежке. Но это в мирное время. А на войне иные правила. Понимаешь, тут всё по-настоящему

и сразу видно кто каков. Причина: близость смерти, которая может настигнуть тебя в любую минуту. Шальная пуля, осколок шрапнели, лютый мороз, наконец. Действительно, убыль замёрзшими насмерть и обмороженными чудовищная в обоих противостоящих армиях. В настоящее время смерть от переохлаждения более вероятна, чем геройская гибель в бою. Ковшиха это категорически не устраивает, и потому он одет в тёплую шубу, гамаши и валенки.

Да, Ковших смешон. И не просто смешон. Он не боится, не стесняется казаться смешным. Это свойство его натуры является одним из проявлений воистину фантастической отваги.

Я не случайно уделил так много внимания Дамке. В своих поисках возможности для подвига он наконец добрался и до меня. Действительно, он буквально рыл, как крот, доказывая Николаю Николаевичу свою пригодность для подвига, ссылаясь на газетные статьи, в которых упоминался некий Леонид Однодворов. Николай Николаевич поначалу отнекивался, ссылаясь в свою очередь на то, что Леонида Однодворова не знает. Но мы-то с тобой знаем, кто таков Леонид Однодворов. А пуще того, мы с тобой знаем, сколь хорошо этот Леонид Однодворов умеет добиваться своего.

И Николай Николаевич, и я пытались объяснить Дамке, дескать, эпатажные выходки купчика — это одно, а полёты в боевой обстановке и боевая работа — это совсем другое. Всё напрасно! Не мытьём, так катаньем Дамка напросился летать со мной на одном из двух, приобретённых им же самим для Российской армии «ньюпорах».

Вкратце о «ньюпорах»: это два несколько разных аэроплана. Первый, устаревшей модели, использовал-

ся ещё до войны в гражданских целях. Именно на этом аппарате мы с Ковшихом в 1914 году пытались установить мировой рекорд. Ты знаешь, чем это кончилось. Второй аппарат усовершенствованный, одноместный. Его используют как истребитель.

Подробнее о наших «ньюпорах» расскажу в следующем письме. Сейчас вестовой доставил мне из штаба новое задание. Итак, твой «Эльф» летит на разведку вражеской позиции на горе Девебойну».

* * *

Третье письмо поручика Мейера к его невесте Ленни Фишер из города Гродно. Писано в деревне Караурган в период между 15 и 29 декабря 1915 года:

«Здравия желаю, дорогая моя Еленушка!

Лена, Леночка, Аленка, Элен — и всё это ты. Как много имён для тебя можно найти в русском языке! Здесь, на войне, в воздухе и на земле я ощущаю себя совсем-совсем русским. Немецкий почти совсем забыл за ненужностью.

А тебе напишу на русском языке о моём аппарате, как и обещал.

Мой «Ньюпор-10» — детище Деляжа.

Перед войной Деляж проектировал спортивные самолеты. Ты помнишь: на одном из таких двухместных аппаратов мы с Ковшихом налетали не одну сотню часов. Тогда я его до пилотирования не допускал, но под Эрзерумом в боевой обстановке всё обернулось несколько иначе. Рассказ об этом будет ниже.

В 1915 году Деляж приспособил один из своих самолетов на роль истребителя, превратив двухместную модель в одноместную. Самолет Деляжа представляет

собой так называемый полутораплан. Верхнее крыло имеет нормальную ширину и находится над фюзеляжем. Под фюзеляжем находится нижнее крыло, которое при том же размахе значительно уже верхнего. Между собой крылья соединяются распорками в форме буквы V. Такая схема обеспечивает благоприятную аэродинамику, а кроме того, пилот имеет хороший обзор вперед и вниз. Поэтому «Ньюпор-10» хорошо подходит на роль разведчика и истребителя. Аэроплан не имеет синхронизатора, поэтому пулемёт «Льюис» расположен на станке на верхнем крыле. Таким образом пули не попадают в винт аэроплана. Поскольку дотянуться до установленного высоко пулемёта летчик не может, спуск осуществляется с помощью гибкого тросика Бодена. Такое расположение пулемёта очень неудобно. Диск вмещает только 96 патронов. В ходе боя приходится неоднократно отстегивать ремни, вставать в кабине и, удерживая ручку ногами, перезаряжать пулемёт. Это очень непростая манипуляция — сродни цирковой эквилибристике. Только в цирке у гимнастов на трапеции есть хоть какая-то страховка, а пилот в момент перезарядки беззащитен и рискует выпасть из кабины. Кроме того, пулемёт не отличается высокой надёжностью — на холодном воздухе замерзает замок. Прицеливание тоже непростая задача. Наведение осуществляется на глаз по следам трассирующих пуль. Это ведёт к перерасходу боеприпасов, что требует частой смены пулемётных дисков. Но я ловко наладился стрелять из пулемёта. Сев противнику на хвост, я встаю в кабине в полный рост и прицеливаюсь традиционно через мушку и целик.

Ковших налетал со мной множество часов именно на двухместном «ньюпоре-10». Полёты эти носили раз-

недвухательный характер. Тут Ковших смог проявить себя как хороший фотограф и отличный разведчик. Без ложной скромности скажу, что наша съёмка внесла огромный вклад в планирование операции. Вкратце опишу тебе театр военных действий.

Характер местности Эрзерумского укрепрайона гористый, суровый, необычайно дикий. Земля изъязвлена глубокими ущельями, крутыми спусками и подъёмами. Путей сообщения, в европейском понимании этого слова, на всём этом пространстве совершенно нет. Дорогой называют конную тропу. Тропой — стёжку, протоптанную дикими животными. Все пути существуют исключительно для выючного движения, поэтому передвижения по ним повозок колёсного обоза чрезвычайно трудны. Тем не менее эти выючные тропы порой достигают значительной ширины и образуют некое подобие тракта. Такие «тракты» — существующие в течение тысячелетий исторические пути, ведущие к таким же историческим центрам жизни. Пролегают они по более или менее обширным и удобным котловинам. Мосты существуют только на переходах через значительные реки и на важнейших направлениях. Мосты эти, весьма прочной кладки, сохранились со времён глубокой старины.

Сам Эрзерум — очень древний город, расположенный на исторических путях от Чёрного моря в глубь материка, в Персию, и с юго-запада из глубин Анатолии на северо-восток в сторону Кавказа. Эрзерумская долина шириной 12—15 километров протянулась с востока на запад между двух параллельных высоких, диких и труднодоступных хребтов. Названия этих хребтов: Плантакетен и Каргабазар. Высота склонов достигает 10 000 футов. Оба труднопроходимы даже для пешего человека. Эти хребты чуть восточнее Эрзерума соедине-

ны нешироким гребнем в форме полумесяца, вогнутым в сторону Эрзерума. Этот гребень, Девебойну, круто обрывается в сторону города. В сторону русской границы склон его пологий. Девебойну представляет собой сильную оборонительную позицию, созданную самой природой и усиленную человеческими руками при помощи нескольких фортов. Об этом я расскажу дальше.

Эрзерум — чрезвычайно древний город, являющийся к тому же оплотом военной мощи османов. Пролетая над ним не один раз, я успел разглядеть похожие на слоёный пирог крепостные стены. Похоже, крепость несколько раз достраивалась.

Крепость окружена поясом фортов. Три из них — Сурб-Нишан, Алахи и Кемертли — расположены к востоку от Эрзерума, а один к юго-западу от него. Уже поминавшаяся мной выше гряда Девебойну располагается верстах в 8—10 к востоку от Эрзерума. У перевалов через Плантакетен, там, где проходят горные пути в обход позиции Девебойну, расположены два форта современного профиля. Их относительно недавно построили немцы. Эти форты вместе с труднопроходимым горным массивом Плантакетен защищают позицию Девебойну с юга.

Гребень Девебойну является северным отрогом хребта Плантакетен, слит с последним. Подходя к массивам Каргабазара и Думлу-дага, он круто обрывается у тесного ущелья меж ними, так называемого Гурджибогазского. Этот проход запирается двумя фортами, расположенными у северной и южной оконечностей прохода. Названия фортов соответственно — форт Карагюбек и форт Тафта. Таким образом, и с севера фланг Девебойну обеспечивается надёжно.

Сама позиция Девебойну, фланги которой так надёжно защищены, представляет собой горный гребень.

В сторону Пассинской долины склон его покат и круто обрывается к Эрзерумской долине. Гребень вогнутой формы в центре имеет наименьшее превышение, которое к флангам увеличивается, что способствует перекрёстному обстрелу подступов к позиции, ни одна складка местности не избегает поражения огнём обороняющихся. После войны 1877 — 1878 годов эта созданная самой природой необычайно сильная позиция была ещё более усилена постройкой английскими инженерами двух линий фортов. Расположение фортов идеально с точки зрения эффективности обороны. В первой линии, ближе к подошве гребня Девебойну, расположены с севера на юг шесть фортов: Далангез, Узун-Ахмет Караков, Узун-Ахмет № 1, Кобурга, Орта-гок и Орта-юк Илавези. Во второй линии, по самому гребню, расположены пять фортов: Чобан-деде, Сивишли, Аджи-Ачик, Тополах и Гяз.

В этой карточной колоде Чобан-деде — главный козырь. Не взяв его, не овладеть Девебойну. Не один раз, выжимая всё возможное из моего «нюпор», я пролетал над ним. Летел так низко, что ясно видел глаза турок, их распахнутые в крике рты, дула их винтовок. Сидящий сзади Ковших хулиганил, постреливая в турок из своего Webley & Scott. Но разве турка возьмёшь таким оружием? Порой мне казалось: ещё немного, и чья-нибудь ловкая рука ухватит мой «нюпор» за шасси, и тогда... Но это уж фантазия, дорогая. Мы же вернёмся к реальной рекогносцировке.

Итак, форт Чобан-деде главный козырь в этой колоде, потому что:

Первое. С севера он прикрыт фортами Тафта и Карагюбек.

Второе. Со стороны Пассинской долины прикрыт фортом первой линии Далангез, без овладения кото-

рым невозможно взять Чобан-деде. В свою очередь, форт Далангез, расположенный у подошвы Девебойну, всегда находится под обстрелом не только с Чобан-деде, но и с соседних фортов, а также с батарей всего сектора.

Командующий нам наказал не раздражать турок стрёкотом мотора и беспорядочной пальбой возбуждённого опасностью Ковшиха. Николай Николаевич поручил Дамке роль смотрящего, а точнее высматривающего все возможные и невозможные, удобные и труднопроходимые пути, ведущие к фортам. Особое внимание требовалось уделить, как ты сама уже наверное поняла, форту Далангез. Потому что, если Чобан-деде — ключ к позиции Девебойну, то Далангез — замочная скважина, в которую этот ключ вставляется.

В то время как мой «нюпор» скользил по-над склонами Девебойну, Ковших снимал турецкие позиции. Наш друг использовал для этого новейшее изделие Scovill & Adams, за которое отдал сумму, равную половине моего годового дохода. От его алчного взгляда не укрылось ни одно орудие, ни одна даже самая незаметная стёжка. Кроме Scovill & Adams наш широкообразованный друг обзавёлся целой фотолабораторией и приобрёл толкового помощника из числа пленных турок. Дело проявления фотопластин и печатания снимков поставлено у него на фабричную основу, которая постоянно совершенствуется.

Штабисты всегда ждут его снимков с нетерпением. Так ждёт юный повеса свидания с вожденной дамой сердца (прости за гусарский каламбур) ...

Прости, прерываю письмо. Получено новое задание на облёт позиции Девебойну. На этот раз перед нами поставлена задача непременно преодолеть гряды с це-

лью съёмки самого Эрзерума. И ещё: мы сбросим на Чобан-деде пару бомб.

Благослови меня, Лена, на сей подвиг!»

* * *

Четвёртое письмо поручика Мейера к его невесте Ленни Фишер из города Гродно. Писано в деревне Караурган в период между 15 и 29 декабря 1915 года:

«Здравствуй дорогая моя Леночка!

В одном из писем ты просила не называть тебя ни Еленой, ни Леночкой, ни Леной. Дескать, имя твоё Ленни. Ленни обычное немецкое имя.

Немочка ты моя! Я совершенно не настаиваю на твоёй русскости. Елена имя греческой царицы из легенды о Троянской войне. Имя это созвучно имени, данному тебе родителями.

Ленни, Елена, Лена.

Оно же одно из любимейших имён русского народа, к которому мы с тобой оба имеем честь принадлежать по месту рождения и полученному воспитанию и который по своему обыкновению изобрёл несколько ласкательных производных от этого имени. Не имея возможности ласкать тебя взглядом и прикосновениями, я ласкаю тебя при помощи писанных на бумаге слов. А потому моя Ленни называется то Леночкой, то Леной, то Еленой, то Еленушкой...

Перейдём к нашим боевым делам, к тому, что важно для меня, чем живу.

В штабе Ковшиха не нахваливает только немой. На этом основании вчера Дамка поинтересовался у полковника Масловского относительно причитающейся ему, Дамке, за столь удачную фотосъёмку награду. В от-

вет Масловский адресовал его в Могилёвскую ставку, ссылаясь на прерогативу генерального штаба, который принимает окончательные решения относительно подобных вопросов.

Однако Дамка не унывает. Воодушевлённый всеобщим, хоть и несколько ироничным расположением, и желая впечатлить Могилёвскую ставку, он буквально рыщет по округе в поисках возможности подвига. Наиболее интересным объектом для его притязаний пока является твой покорный слуга.

А теперь серьёзно.

Наша с Ковшихом работа является одним из оснований для построения рутинных тактических задач для каждого из подразделений армии. Никто лучше офицеров моего отряда не знает позиции Девебойну и всё, что находится за гребнем перевала. Но мало знать. Надо ещё уметь донести своё знание до офицеров-штабистов без излишних фантазий и преувеличений. В этом аспекте нет ничего лучше фотосъёмки. Не стану скрывать: первые мои полёты с Ковшихом отчасти потерпели фиаско из-за засвеченных фотоплёнок. Раз, другой и третий пытались мы совершить фотосъёмку позиций противника и фортов. Лишь на четвёртый раз, с двух отснятых плёнок удалось получить пяток хороших кадров позиций на Девебойну и Плантакетене.

На всякий случай расскажу тебе о Leica — это новое приобретение Дамки в дополнение к Scovill & Adams.

Тебе известно пристрастие Ковшиха ко всяческим техническим новинкам — и Leica одна из них.

Leica — техническое приспособление для фотосъёмки на фотографическую плёнку, изобретение Оскара Барнака, или портативная фотокамера. Никаких фотопластин и студии не требуется. В корпус Leica вставляется кассета с плёнкой. Аппарат имеет приспособление для

перемотки плёнки. Конечно, снимающий должен иметь некоторое представление об экспозиции и композиции. Да и цена аппарата немаленькая. Тем не менее Ковших приобрёл Leica и теперь совершенствуется в искусстве фотосъёмки. Живёт он довольно комфортно, занимает в доме одного из Караурганских обывателей три комнаты, в одной из которых устроил фотографическую лабораторию. Этот человек на все руки мастер. Начал он с фотографических портретов штабных офицеров, которые почти все оказались вполне удачными. На его портретах все мы кажемся совсем молодыми и хорошо отдохнувшими, хоть на самом деле это и не так.

Совсем иное дело съёмка с летящего в морозном воздухе аэроплана.

Воздух Армянского нагорья, именуемого также «турецкой Сибирью», несколько разрежен превышением над уровнем моря, а также и сильным морозом. Двигателям аэроплана для хорошей тяги нужен кислород, которого не хватает. Следствием нехватки кислорода является потеря тяги и трудности, связанные с подъёмом на высоту более 6000 футов. При подъёме и полёте на таких высотах возникает избыточная вибрация, мешающая корректной фотосъёмке. Я уже не говорю о холоде.

Все служилые Кавказской армии — и нижние чины, и офицеры — обеспечены зимним обмундированием, лучшей и самой полезной частью которого являются валенки. Русские валенки — чудо и спасение. Без них мы с Ковшихом уже дано лишились бы наших ног.

Итак, при подъёме на значительные высоты качество фотосъёмки страдает от избыточной вибрации, создаваемой дефицитом кислорода. При полёте на низкой высоте возникает опасность от обстрела аэроплана противником. Палят не только из обычных винтовок.

Пытаются давать залпы картечью, но пока ни один из таких залпов не достиг какого-либо результата. Тем не менее по возвращении на базу мы всегда находим в корпусе нашего «ньюпора» новые пробоины.

Всё описанное мною не должно предоставлять тебе повод для волнений. Статистика крушений аэропланов на Кавказском фронте весьма обнадеживающая: на сегодняшний день ни один из наших аппаратов не сбит, хоть каждый из нас и налетал не одну сотню часов.

Несмотря на некоторую (незначительную) опасность, у нашей боевой работы есть одно несомненное преимущество: суровая красота турецких горных пейзажей, усугубляемая белизной снеговых покровов и обескураживающей мощью древних скал. Никто-никто во всей ойкумене и никогда не выдавал этого в таком ракурсе, который позволяет иметь полёт на борту «ньюпора». Летишь меж отвесных стен и думаешь, будто какой-то доисторический великан рассёк здешние каменные гряды своим волшебным топором, создав сужающиеся книзу каньоны, со стенами невероятной крутизны. Ковших весь внимание. Его пронзительный взор выискивает на горных склонах тропы, а его фотоаппарат фотографирует их. Для штаба надобна любая зацепка, любая возможность. Особенно важны возможные пути перемещения артиллерии, если не на гужевой тяге, то хотя бы на руках. И мы ищем такие пути. И мы их находим! Во время полёта мы отчаянно мёрзнем. Лётные очки запотевают, а если их снять, глаза отчаянно слезятся. Свист ветра мешает слышать голоса друг друга, и объясняемся, словно немые, при помощи знаков.

Штаб желает знать всё о вооружении и численности личного состава защищающих форты подразделений. Подобную информацию мы собираем на так называемые

мом «бреющем полёте», когда шасси «ньюпора» едва не задевают брустверы турецких фортов или камни горных гребней. Таким образом, пролетая на небольшом расстоянии от поверхности горного массива, при предельной концентрации внимания, возможно рассмотреть множество подробностей из жизни турецких вояк. Самое забавное — их испуганные лица, с раскрытыми в крике ртами. Однако турки неплохие солдаты, и самые отважные посылают в нашу сторону пули. Одна из таких пуль повредила Leica Ковшиха. Впрочем, плёнка, отснятая в тот день, не пострадала, и все старания турецких стрелков пошли прахом. Ковших напечатал около двадцати фотографий, три из которых позволили пересчитать с большой достоверностью количество пушек форта Далангез. Другие фотографии, сделанные в тот же день, позволили Масловскому и К° проложить несколько маршрутов вдоль по массиву Каргабазара. Такие маршруты помогут облегчить снабжение наступающих войск в ходе операции.

Если ты волнуешься о моей судьбе и здоровье, то знай: всё это попусту. Я уверен в себе и в своей технике. При моём умении пилотирования и знании техники возможность печальных событий если не вовсе исключена, то минимальна. Ковших неустанно молится, и теперь мне его молитвенное рвение уже не кажется смешным. Знаешь, я начал сомневаться. А вдруг?

В ходе наших разведывательных и боевых вылетов несколько раз создавались такие странные ситуации, исход которых ничем кроме Божьего промысла объяснить невозможно. Например, «удачный» (ставлю это слово в кавычки, потому что туркам удалось за короткое время поднять на руках ствол, направив его под нужным углом к горизонту, чтобы выпущенная из него

шрапнель полетела в сторону пролетающего на бреющем полёте «ньюпора») залп малой турецкой пушки. В результате этого залпа мы на доли секунды оказались в облаке острых осколков. Я слышал их смертоносный свист. Я видел, как осколки дырявят корпус «ньюпора». Когда опасность миновала, я с замиранием сердца оглянулся на Ковшиха, не ожидая застать того живым. Как же я смеялся, какое счастье испытал, увидев за стёклами лётных очков его плутоватые нащуренные, а вовсе не испуганные глаза, его забавно шлёпающие губы. Ковших, совершенно целый и живой как никогда, занимался своим любимым делом: молитвой.

Когда-то я тебе уже писал, что в русской офицерской среде афишировать свой атеизм не считаю приемлемым. Русский офицер, даже если он картёжник и не чужд бретёрства, всё равно человек набожный, а иногда и богобоязненный. Совершая полёты над городами, селениями, равнинами и пропастями турецкой Сибири, зная, что Ковших позади меня с Leica в окоченевших руках, твердит непонятные в своей бессмысленности слова молитвы, я не только вполне спокоен, но и счастлив порой. «Богородица, радуйся!» — произносит он, бросая на головы обескураженных турок бомбы. «Отче наш», — повторяет он, пытаясь сделать снимки с борта, сотрясаемого запредельными вибрациями «ньюпора». Да и я подчас ловлю себя на том же. Молюсь под аккомпанемент шрапнели. Откуда и каким образом увязли слова эти в моей памяти? Нешто от нашей русской нянюшки Оли? Ответь мне, Еленушка, как такое может быть?

И в завершение письма просьба к тебе, Еленушка, ни в коем случае не показывать мои письма матушке. Ей пишу отдельно и исправно и никак не реже, чем тебе».

Глава пятая
ДЕКАБРЬ 1915 ГОДА
(Рукописный журнал военных действий
153-го пехотного Бакинского
Его Императорского Высочества
Великого князя Сергея Михайловича полка)

18 декабря 1915 года

Я, ефрейтор 153-го пехотного Бакинского Его Императорского Высочества Великого князя Сергея Михайловича полка Дерипаска Василий, веду сей дневник военных действий, согласно приказа штабс-капитана 153-го Бакинского полка Минбашибекова. Штабс-капитан Минбашибеков — кавалер Св. Владимира двух степеней, Св. Анны двух степеней и всё с мечами.

Сам я из крестьян села Малая Джалга Новогригорьевского уезда Ставропольской губернии, православный, 22-х лет. Рожден от отца и матери Дерипаски Алексея Дмитриевича и Дерипаски Прасковьи Николаевны, Приставлен к ведению дневника, потому что закончил начальное училище, с детских лет помогал отцу и матери в крестьянском труде и в 1911 году женился на Мараховской Наталии.

В 1914 году меня призвали на воинскую службу в город Пятигорск в 113-й пехотный запасной батальон, где я окончил учебную команду. В том же году

в составе маршевой роты убыл в Тифлис. Продолжил службу в 39-й пехотной дивизии 1-го Кавказского Армейского корпуса, в состав которой входили: 154-й пехотный Дербентский полк, 155-й пехотный Кубинский полк, 156-й пехотный Елизаветпольский полк и 153-й пехотный Бакинский полк, где я служу при штабе. В этом же 153-м пехотном Бакинском полку служит и мой брат погодок Дерипаска Иван Алексеевич, который в 1915 году принял команду над 1-м взводом 2-й роты 153-го пехотного Бакинского полка.

* * *

30 декабря 1915 года

Запись сделана Василием Дерипаской, ефрейтором 153-го пехотного Бакинского Его Императорского Высочества Великого князя Сергея Михайловича полка.

«28 декабря 1915 года к моменту начала наступления местом сосредоточения нашего полка являлись села Нижний и Верхний Ахалик. Отсюда и начали марш по колено в снегу, скрытно, молча, не зажигая огней. Каждый нёс на себе скатанную поверх полушубка шинель и пару валенок для ночлега. На каждую роту было выдано по 4 пары специальных ножниц для резки проволочных ограждений. Так мы шли в снежном буране, преодолевая ряды турецких окопов. Перемещались по ночам. В местах днёвок (отдыха) принимали меры для обеспечения скрытности, дабы не выдать себя прежде времени противнику. Следом за нами двигались специальные команды с тяжёлым шанцевым инструментом в повозках для быстрого укрепления занятых позиций и строительства дорог».

Запись сделана штабс-капитаном 153-го пехотного Бакинского Его Императорского Высочества Великого князя Сергея Михайловича полка Минбашибековым.

«К 30 декабря части нашего полка овладели турецкими укреплениями на левом берегу реки Тарходжа и юго-восточными склонами горы Тык-даг, захватив пленных, 2 орудия и артиллерийские запасы. Последовавшие турецкие контратаки были нами отбиты, и к вечеру сегодняшнего дня мы закрепились на захваченных позициях.

На занятых новых позициях состоялось срочное собрание штаба полка, на котором присутствовали все командиры подразделений. Мнение командования об успехах начала операции самое низкое: не полный провал, но и не победа. Причины неудачи — расположение турецкой артиллерии таким образом, что открытые скаты Пассинской долины простреливались ею полностью. Такое обстоятельство лишало нашу артиллерию возможности манёвра и не позволяло ей переезжать на новые огневые позиции, следуя за продвигающейся вперёд пехотой. Вследствие этого русские батареи держались довольно далеко от передовых турецких позиций. Расстояние это доходило до 2—3 вёрст, что недопустимо для ведения прицельного артиллерийского огня. Вследствие отсутствия действительной поддержки своей артиллерии, полки нашей дивизии, атаковавшие с большим прорывом, были легко отражены турками. Например и в связи с этим обстоятельством, 30 декабря сего года 155-й пехотный Кубинский полк, наступавший на правом фланге 1-го Кавказского корпуса, к концу дня под воздействием сильнейшего артиллерийского огня турок отступил на исходные позиции, не обеспечив тем

самым наступление 4-й строевой дивизии, чей левый фланг оказался оголённым».

Запись сделана Василием Дерипаской, ефрейтором 153-го пехотного Бакинского Его Императорского Высочества Великого князя Сергея Михайловича полка.

«Пишу сии строки в армянском селе с турецким названием Ирелях. Полк вошёл в село уже в зимних сумерках. Надеялись обогреться у крестьянских очагов, ан не вышло. Мертвым-мертво село. На улицах, на истоптанном снегу, в домах, в хлевах и в церкви, и в мечети — повсюду нашли мы истерзанные трупы стариков, женщин и детей. И ни одного взрослого мужчины. И ни одного подростка. Некоторые вовсе без голов, и головы куда-то унесены. Наверное, таков их басурманский обычай — лишить тело головы, а душу убитого покоя на том свете. Полковой разведке доподлинно известно, что через село Ирелях отступали части 3-й турецкой армии, а именно 17-й и 18-й дивизий, а также отдельные части 29-й дивизии и 9-го турецкого корпуса. Точнее установить не удалось, потому что немногих пленных, попавшихся нам в руки, сгоряча перекололи. По такому делу его благородие полковник Пирумов отдал распоряжение впредь пленников не колоть, а доставлять в штаб для допроса и дознания.

Таким образом, вместо заслуженного отдыха после марша по снегам вослед за бегущими турками, нам досталась работа похоронной команды. Всю ночь, сменяя друг друга, жгли костры, ломали кирками мёрзлую каменистую землю, рыли могилы, чтобы схоронить убитых армян.

Нынче же подсчитали и свои потери: 8 офицеров и около 100 солдат убитыми и ранеными».

* * *

31 декабря 1915 года

Запись сделана штабс-капитаном 153-го пехотного Бакинского Его Императорского Высочества Великого князя Сергея Михайловича полка Минбашибековым.

«31 декабря на участке 153-го пехотного полка в Пассинской долине, точнее в районе села Аликиса, где пролегают лучшие и кратчайшие пути в Эрзерум, бой достиг высочайшего напряжения. Дело происходило при сильном морозе и штормовом ветре, дуящем в лицо. Турки особенно беспокоились за этот участок фронта и направляли сюда все свои резервы. В результате этого, а также тяжёлых погодных условий наши части несли тяжёлые потери. Однако командующий требовал от нас полного напряжения сил. В бою нашей бригадой потеряно более половины офицеров и 400 бойцов. Поле у села Азап-Кей усеяно телами убитых русских и турок.

Вследствие этих обстоятельств продвижение нашего полка 31 декабря оказалось весьма незначительным».

* * *

01 января 1916 года

Запись сделана штабс-капитаном 153-го пехотного Бакинского Его Императорского Высочества Великого князя Сергея Михайловича полка Минбашибековым.

«Ровно в полночь на 01 января перешли в наступление от села Аликиса до реки Аракс. Буран, свирепствовавший накануне, продолжался в течение всего этого дня. Пробивая путь в глубоком снегу, шли тремя колоннами. Пушки перетаскивали на людях. Около 9 часов утра снегопад прекратился. Солнце осветило наступающие русские части, по которым турки откры-

ли сильнейший артиллерийский и оружейный огонь, временами переходя в контрнаступление. Турки прилагали все усилия к тому, чтобы удержать позиции в Пассинской долине, где мы к 15 часам захватили 6 орудий, около 300 пленных и различное артиллерийское имущество. Однако все попытки остановить наше продвижение разбились о стойкость русских солдат и офицеров».

* * *

03 января 1916 года

Запись сделана штабс-капитаном 153-го пехотного Бакинского Его Императорского Высочества Великого князя Сергея Михайловича полка Минбашибековым.

«В течение всего дня продолжали закрепляться на новых позициях в районе села Карабыих, отражая при этом атаки турок. Из штаба армии были получены сведения о составе группировки турок:

А) на северном берегу реки Аракс 15 батальонов 18-й и 33-й дивизий;

Б) на южном берегу реки Аракс до горы Тык-даг 18 батальонов 28, 29, 36 и 17-й дивизий.

От командующего армией Н.Н. Юденича получены два сообщения следующего содержания.

Первое:

«Колонны 1-го кавказского корпуса (153-й пехотный полк) наступают с боем от села Карабыих на село Кеприкей с целью отрезать пути сообщения турок, действующих против вашего корпуса, и действовать во фланг и тыл этим турецким войскам. Для согласования всех усилий наших войск предписываю вам всеми войсками корпуса с рассветом 4 января перейти в решительное наступление с целью сломить

упорство турок и преследовать до уничтожения их. Возможно, что турки, боясь обнаруженного обхода, сегодня вечером или ночью, пользуясь темнотой, начнут общий отход. В этом случае вам, не ожидая рассвета и несмотря на утомление войск, с полной энергией начать преследования, дабы не дать возможности туркам уйти и устроиться на Кеприкеевских позициях. Приказываю внимательно следить за противником, дабы не упустить время для начала преследования».

Второе:

«Корпус упустил турок и теперь топчется на одном месте. Заставьте начальников колонн двигаться вперед. Конница должна двигаться вперед хотя бы до Хасан-Кала».

* * *

04 января 1916 года

Запись сделана Василием Дерипаской, ефрейтором 153-го пехотного Бакинского Его Императорского Высочества Великого князя Сергея Михайловича полка.

«Весь день мы теснили турок, сгоняя их с горы Тыкдаг по глубокому снегу. Турки катились кубарем, как на салазках. К вечеру мы узнали, что нашим успехам у сёл Кирых и Чиджарех мы обязаны 4-й строевой кавказской дивизии его превосходительства генерала Воробьева, которая продолжала наступление севернее нас, углубляя прорыв и выходя во фланг и в тыл той турецкой группе войск, которая сражалась против нас. Также мы узнали об успехе батальона 155 пехотного полка, который занял вершину горы Джилли-гель и оттуда гнал турок по южному склону. Турки бежали, оставляя трофеи и пленных.

На захваченных нами турецких позициях мы заставляли полное разорение, какое бывает при паническом бегстве неприятеля. Турки сдавались в плен тысячами. Не хватало конвойных команд. Многие раненые из-за ограничения подвижности замерзали в метели.

Мною лично был взят в плен турецкий артиллерийский офицер с полной планшеткой карт эрзерумских укреплений. Вот это находка. Имя офицера Рустам-бей. Белобрысый, как екатеринодарская балеринка, и на турка совсем не похож, но очень злой. Рустам-бей этот нипочём не хотел называться пленным и просил лично его благородие штабс-капитана Минбашибекова считать его перебежчиком».

* * *

06 января 1916 года

Запись сделана штабс-капитаном 153-го пехотного Бакинского Его Императорского Высочества Великого князя Сергея Михайловича полка Минбашибековым.

«В последние дни отступление турок было настолько поспешным, местами граничащим с бегством, что порой, останавливаясь на ночь, мы его не замечали до утра, когда обнаруживали позиции противника пустыми. Турки отступали хаотично и массами сдавались в плен. О хаосе, царящем в рядах 3-й турецкой армии, свидетельствует и состав пленных.

Так, сегодня во время боя русские части захватили 1500 пленных из 14 различных полков, принадлежавших к 8 различным дивизиям. При преследовании турок от села Карабых обнаружилась общая картина расстройств 3-й турецкой армии. Все склады, на устройство которых турки затратили так много усилий, частью попали к нам, частью были уничтожены

отступающими турецкими частями. Всюду бродили разрозненные партии турок, на путях отступления турок находили брошенные запасы. В г. Хасан-Кала был захвачен большой лагерь и пленные.

К вечеру была получена депеша от командующего следующего содержания:

«Телеграфируйте, какие части противника занимают Хасан-Кала, как упорен был бой, какой характер имело отступление турок. Сведения эти крайне важны, а их до сих пор не имею. Что делает ваш начальник штаба? Служба штаба корпуса также в полном расстройстве».

* * *

07 января 1916 года

Запись сделана Василием Дерипаской, ефрейтором 153-го пехотного Бакинского Его Императорского Высочества Великого князя Сергея Михайловича полка.

«Нынче, 07 января 1916 года, наш 153-й пехотный Бакинский полк в составе 1-й дивизии, находясь в авангарде наступления, подошёл к поясу фортов Эрзерума.

Лошади не справляются с передвижением артиллерии. Но люди могут всё, и потому таскаем пушки и боекомплект по глубокому снегу на руках и всё равно за турками не поспеваем, вызывая неудовольствие командования. Турки драпают так, что их не догнать, тем более по такому глубокому снегу. В плен сдаются тысячами. Их благородие штабс-капитан Минбашибеков, а иногда и его превосходительство господин полковник Пирумов лично производят допрос. Турки помышляют, будто мы, русские, производим прорыв свежими силами из резерва (в то время как это вовсе не так).

Поэтому турки, считая сопротивление в приграничном районе бесполезным, оставили его, а также заблаговременно подготовленные Кеприкейские позиции. Перемешавшиеся части турок бегут под защиту укреплений Эрзерума.

Для штурма укрепленных позиций нам нужны артиллерийские боеприпасы, которые были израсходованы в предыдущих боях. Чувствуется так же недостаток патронов, который мы не можем пополнить из турецких брошенных складов».

* * *

12 января 1916 года

Запись сделана штабс-капитаном 153-го пехотного Бакинского Его Императорского Высочества Великого князя Сергея Михайловича полка Минбашибековым.

«Сегодня поступило из штаба армии следующее послание (привожу его не дословно, ввиду секретности, а по памяти, имея в виду основной смысл одного послания:

«Ввиду приготовления к штурму Эрзерумских укреплений соблюдать полнейшую секретность всех сведений и действий, а также приказываю:

1. Начальствующим лицам изучать подступы к позиции Девебойну;

2. Исследовать подступы к ущелью реки Туй, по предгорьям горы Мах-Оглы, проходимость хребтов Кара-Базар и Палантекен;

3. 39-му пехотному полку выдвинуться к позиции Девебойну.

Частям запрещается ввязываться в серьезный бой».

Таким образом, нам обеспечен перерыв в боестолкновениях и короткий отдых...»

Глава шестая

ОФИЦЕРСКОЕ СОБРАНИЕ. ЗАПИСКИ ДУРАКА (рассказ вестового штаба отдельной Кавказской армии Павла Лебедева)

18 января 1916 года меня отослали от особы его превосходительства для специального надзора за офицерским собранием. Офицеры хороши, когда надо командовать строем. С пистолетом или шашкой наголо перед строем скакать, великие подвиги совершая в речи произнося, — это дело справедливое и для русского офицера привычное. Но на бивуаке, или если наступает перерыв в боях и штаб призывает офицеров из строевых частей для инсценировки и обсуждения боевых задач — тут дело иное. Тут могут начаться недопустимые в прифронтовой полосе картёж и изобретательность. В прифронтовой полосе за такие дела к стенке ставят или, в лучшем случае, на гауптвахту сажают. Однако если между боями настала законная по военному времени передышка, то без офицерского собрания никак не обойтись. В собрании господа офицеры из разных родов войск, а некоторых из них по чести офицерами-то не вполне можно считать. Например, казаки. Казаки — это вообще люди особого, низшего сословия, хоть и нарочитой воинственности, чем и берут свои преимущества перед нами, коренными русскими. А уж если казак в чине какого-нибудь

там подьесаула 1-го или 2-го Кизляро-Гребенских полков, то есть позавчера через плетень перепрыгнул и назвался он Матвеем Медведевым либо Александром Зиминим, то такой почтенно чаёвничать в обществе не умеет, а по природной своей привычке на все стороны шашкой машет. Так и хочется ему сказать: мы тут тебе не горцы, не даги, которые коров твоих, да коней, да девок уводят. Мы — приличные миряне с центральной России, и шашку свою ты спрячь, иначе не избежать беды. Пусть нас, как врагов, турок сечёт, а ты своих сталью остро заточенной не тормози кого попало. Многое я мог бы сказать бородачу в черкеске, но тот офицер, и я должен ординацию блюсти. Нет, казаки не изобретатели и к картам не привержены, но очень уж свирепы. Чуть что — сразу шашку вон и геть. А это неправильно, если на дворе инсценировка.

Вот почему меня, Павла Лебедева, и отлучили от широкой груди Николая Николаевича, и прикомандировали к офицерскому собранию. Для надзора, стало быть. А где надзор, там и особая работа: тут и подай, тут и принеси, и самовар поставь, и посуду перемой. Потому что господа офицеры — это кроме упомянутых казаков, конечно, — с какой-нибудь бумажки или рушника кушать не станут. Им хорошую посуду подавай — стекло, фаянс и незлобер. А казак и деревянной ложкой с котелка может жрать. Другого я в казацких обычаях не видел. Может потому, что я дурак?

Адам Ковших — человек еврейского происхождения со множеством имён, меня вслух и прилюдно дураком именует. С виду Ковших этот на самом деле настоящий барин в бобровом воротнике и гетрах. Все барские обычаи знает назубок. На многих языках трещит, как перепел, а всё же не офицер он. Нерусь этот Адам

Ковших, или попросту выкрест. Офицерствующие бородачи 1-го и 2-го Кизляро-Гребенских полков его в глаза жидом величают, а он только ржёт да «Господа своего всемогущего» через слово поминает. Это Иго-ну, сало быть. А не знают упомянутые мною борода-чи, что слово «жид» его высокоблагородием Николаем Николаевичем из кисона нашего исключено специаль-ным устным приказом, за ослушание которого пола-гается специальное взыскание, в силу войны. Потому что в войну все мы, как один, русские, даже армянин Пирумян и немец Мейер. Ковшиха сие рассуждение, конечно, не касается, хоть он и крещёный в православ-ную веру. Но это своё мнение я держу в дальнем углу под сукном в силу данной присяги и обязанности под-чиняться командирам.

Есть в собрании и настоящие офицеры.

Вот, к примеру, их благородие полковник Евгений Васильевич Масловский. Всеми мыслимыми регалиями осенён. Образование получил в Тифлисском кадетском корпусе и Михайловском артиллерийском училище. Из училища был выпущен подпоручиком в Карсскую крепостную артиллерию. Позже служил в Кавказской резервной артиллерийской бригаде. В 1906 году окон-чил Николаевскую академию Генерального штаба. Хоть и православный, а всё равно брамин! Этот непре-менно когда-нибудь генералом станет. Сейчас он не-много ранен. Насчёт такой раны волноваться не стоит, но беспокоит она его, сутки напролёт точит, как зубная боль, хоть и заживает быстро. Забвение от неё он на-ходит лишь ненадолго за дружеской беседой, рюмкой портвейна или партией в винт. Николай Николаевич картёж не одобряет, но его благородие Евгений Васи-льевич пусть грешит по маленькой.

Под офицерское собрание преобразовали дом местного зажиточного купца. Обстановку, кухонную утварь, богатые ковры и гардины бежавший от русской армии турок не смог вывезти. Тут же по комнатам рассыпаны и разные книжки. Я пытался в них заглядывать, да немного понял из латинских букв. Думал я эту литературу на растопку печей пустить, но его благородие меня остановил. Дескать, книги на английском и немецком языках. Их можно читать. Однако офицеры 1-го и 2-го Кизляро-Гребенских полков латинской грамоты не знают. Для них лишь греческий да церковнославянский. И то хорошо: нечего таких германским романизмом развращать.

Кроме сугубо штабных служильцев в офицерском собрании оказались и закалённые Саракамышем строики. Например, его благородие полковник Даниэль-бек Пирумян или Даниил Пирумов. Герой-то он герой, кто спорит. Однако при виде его я впал в ужасное затруднение. Как к нему обращаться? Наш Николай Николаевич при штабе завёл обыкновение друг друга по имени-отчеству величать, но в отношении его благородия полковника Пирумяна у меня с этим делом загвоздка — никто его отчества не знает, кроме всезнайки Ковшиха, а тот эдакую репу мне загнул, что христианскому языку такого вовек не выговорить. Ну не называть же мне его благородие героя Саракамыша Даниэль-беком? Так-то он невысокого роста и худощавый, лысоватый и глазастый. Бороды не носит, но лицо порой принимает столь суровое выражение, что свирепостью своею может напугать и всё Кизляро-Гребенское войско. В целом, это лицо можно было бы назвать обыкновенным, если б не глаза. От одного взгляда его благородия Даниэль-бека посуда на моём

разносе начинает испуганно дребезжать. Его высокопревосходительство Николай Николаевич называл эти армянские глаза «открытой книгой». Услышав такое мнение, я позволил себе посмотреть в них не раз. Действительно, всё в них отражается, как в зеркале: и радость, и гнев, и я с самоваром и чистым рушником через плечо. Читать в них может любой — будь то придурковатый Ковших или, положим, я. Такой человек, как его благородие полковник Пирумян, для разведки или дипломатии не годится — мигом выдаст себя с головой. Зато подобная правдивость увлекает солдат. «Русские богатыри» — так именуют наши строевые части Николай Николаевич — охотно идут за такими начальниками и в огонь, и в воду, и в снежный буран. Свидетельство тому — дело при Саракамыше, где 153-й пехотный Бакинский полк под командой Даниила Пирумова показал себя с самой лучшей стороны.

А нынче, широко развернув простыню газетного листа, его высокоблагородие полковник читает вслух присутствующим офицерам одну заметку за другой. По-русски он говорит слегка по-армянски. Многие из господ офицеров имеют привычку к чтению вслух или декларации, как учителя в реальном училище или какие-нибудь профессора за чаем с барынями.

— С газетами не густо, а на английском я читаю с трудом, поэтому «The Times» от 30 ноября сего года целиком мне не осилить. И что там можно найти интересного? Военные сводки уже устарели. Остаётся раздел светской хроники. Здесь несколько коротких заметок. Так, ни о чём. Впрочем... Ах, вот! Некий русский купчик по фамилии Одноворов в июне—июле 1914 года, то есть ещё до войны, принял участие

в трансатлантической регате Кале — Бостон. Этот самый Однодворов со своей командой одержал в данной регате абсолютную и убедительную победу. Здесь ещё напечатаны кое-какие подробности из жизни этого самого Однодворова. Дескать, он русский родом из Костромы... Вроде бы почётный гражданин и кавалер орденов... Непонятно только, зачем нужен рассказ о регате, произошедшей летом 1914 года, то есть ещё до войны, в номере от 30 ноября 1915 года? Ах, вот! Этот самый Однодворов приобрёл во Франции несколько аппаратов марки «ньюпор», которые и преподнёс в дар Российской армии осенью 1915 года. Хорош почётный гражданин! Хорош... Ах, вот ещё о том же Однодворове. Кажется, я что-то пропустил... упомянутый Леонид Юзефович Однодворов знаменит эскападой 1911 года, когда он в составе российской команды принял участие в турнире по поло имевшем место быть в Лондоне... так же членами команды являлись известные всем ротмистр Родзянко, князь Лев Коновалов, Вильгельм фон Людерн и другие...

— Родзянко... Родзянко... Это, видимо, Александр Родзянко, сын княжны Марии Павловны Голицыной, — проговорил кто-то из офицеров, расположившихся у ломбардного стола.

— Да! Дела... И война им нипочём. Люди гибнут на фронтах, а у них турнир по поло! — заметил другой.

— Турнир по поло состоялся в 1911 году. В заметке просто перечислены похождения Однодворова, да и только, — пояснил его благородие полковник Пирумов, и экскурсия продолжилась.

— Знаю этих кавалеров орденов! Штатские шпаки получают награды на интриги. Подсидел другого — получи орден...

— Да. Так сказано в заметке. А я вот думаю, не те ли это «Ньюпоры», что приданы нашему авиаотряду? Поручик Мейер сегодня опять летал на разведку и вернулся с тремя пробоинами. Ба! Да вот и он сам!

Мейер вошёл в собрание пошатываясь, словно пьяный, но с той решительностью, с какой бары входят в собственный кабинет. Он приветствовал господ офицеров в своей обычной, немецкой манере, то есть без особой теплоты, но и без бахвальства. Поручик имел усталый вид, что и неудивительно, учитывая опасность выполняемых им заданий. За поручиком следовал невысокий, но весьма представительный остроносый господин в бобровой шубе и котелке. Шубу он сбросил с плеч на пороге и прямо на пол. Надеялся, что я подхвачу на лету, а я и не подумал. По причине помянутого не раз «неизвестного господина», который неизвестен лишь их благородиям офицерам, а мне-то он как хорошо известен! Котелок он на пол кинуть пожалел, но с тем же высокобарским небрежением метнул его на ближайший столик. Затем «неизвестный» отёр плешь явившимся из кармана смокинга батистовым платком с благостным, как после причастия, выражением. Возраст вновь прибывшего определить было бы затруднительно любому, слишком уж он весь гладкий да шикарный. Шёлковая сорочка, смокинг из дорогого сукна, гамаши — всё это неприятно констатирует с нашим хоть и опрятным, но совсем окопным видом.

— Позвольте представить: мой друг... — Мейер, неожиданно прервав сам себя, вопросительно уставился на вновь прибывшего, словно позабыл его имя.

— Ковших. Адам Ковших. Купец первой гильдии из Костромы, — рекомендовался «неизвестный».

— Ковших мечтает совершить подвиг, — проговорил его благородие поручик Мейер со своей обычной, кривоватой немецкой ухмылкой. — За тем и прибыл.

— А мы тут как раз почитывали об уроженцах славного города Кострома, — их превосходительство полковник Пирумов помахал простыней газеты так энергично, что поднялся небольшой сквозняк. — Только вот газета от 30 ноября. Обычно нам не до газет, но сейчас свежая пресса была бы очень кстати. Поручик, как дела с рекогносцировкой?

Только теперь, развалившись в креслах и вытянув ноги в шалопутной распоясанной манере, неприличной для подлинно русского человека, поручик Мейер стащил с рук краги и принялся расстёгивать куртку. Ту самую из бычьей кожи, подбитую овчиной куртку, в которой он совершал свои вылеты. Впрочем, Мейер явился в офицерское собрание не в обычном своём лётном шлеме, а в узорчатой нитяной шапочке чухонского фасона.

— Фиолетовые тени под глазами, глубокие складки возле губ, полуприкрытые, словно невидящие глаза — весь его вид свидетельствовал об огромной усталости... По три вылета в день, несмотря на пургу и сильный мороз. И так уже вторую неделю после того, как штаб армии перебрался в Хасан-калу из Караургана, — проговорил Ковших, поглядывая на лётчика.

Странная это привычка у господ ни с того ни с сего описывать друг другу внешность обоих. Говорят в красивом литературном разрезе, а по правде получается — уродом обозвал. Зачем? Я по себе знаю, человек из плоти и крови многое стерпит, но фанерный эроплан с железным мотором — иное дело. Командую-

щий армией со штабом лично проводит инсценировку. Из Караургана в Хасан-калу переброшен и авиаотряд с обоими «ньюпорами». Не те ли это аппараты, что упомянуты в статье?

— Тяжело... — буркнул их благородие Мейер. — Горная местность с большими высотами требует самолётов с высоким «потолком». «Ньюпоры» вполне справляются с подобными задачами. В настоящее время производим разведку тыла позиции Девебойну, а также фотографирование этой позиции. То же будем делать и во время штурма. Работа лётчиков очень опасна. Пассинская долина имеет превышение над уровнем моря пять тысяч пятьсот, а пояс фортов на гребне Девебойну возвышался над ней. В разреженном воздухе пропланы с трудом берут необходимую высоту и при перелёте через хребет Девебойну едва не задевают за последний. Тем не менее удалось сделать несколько хороших снимков, в том числе и доминирующего над местностью форта Чобан-деде.

Столь длинная речь, выслушанная обществом с большим вниманием, оборвалась на полуслове. Всем нам показалось, будто лётчик задремал. Тем временем неизвестный Ковших расположился на одном из диванов в непосредственной близости от штабс-капитана 153-го пехотного Бакинского полка Минбашибекова. Минбашибеков посторонился, давая Ковшиху простор. Но есть такие на свете люди, которым любого простора всегда мало, которым океан — как деревенский пруд, а Казбек — как в той же деревне колокольня. Таким образом, их благородие штабс-капитан Минбашибеков, с самого начала посматривавший на Ковшиха с брезгливостью, оказался загнанным в угол дивана. Действительно, что делать в офицерском собрании

штатскому, да ещё таком разряженному в пух и прах франту, да ещё...

— Господин Ковших Адам Иосифович — близкий друг и старый соратник нашего командующего, генерала от инфантерии Николая Николаевича Юденича, — едва слышно устало проговорил Мейер. — Прошу любить и жаловать. В настоящее время рассматривается вопрос о приёме господина Ковшиха на службу в качестве вольноопределяющегося при штабе командующего. Вот и Лебедев может подтвердить.

Мейер указал на меня, и я, разумеется, подтвердил. Ковших также сделал вид, будто обнаружил меня.

— Господь мой всемогущий! Да это же Лебедев! Какими судьбами ты здесь, любезный? Господа! Будьте осторожны с Лебедевым, ежели он станет вам что-либо докладывать. У этого субъекта проблема не только с абстрактными понятиями. У него есть и вполне конкретные проблемы. Некоторых слов он просто не понимает! И ещё. И главное! Ксенофобия Лебедева — кстати, запрещённая всеми нами любимым командующим, — воистину не знает пределов! А ещё...

Проказливая, притворная речь пресеклась на полуслове! Ковших хоть и хлыщ, но не дурак будь и заметил, как таращатся на него две черкески из 1-го и 2-го Кизляро-Гребенских полков.

Далее случилось необыкновенное: немец вступился за русского перед жидом.

— Ты, Ковших, знай своё место. Лебедев здесь по заданию Николая Николаевича для услуг. Он же следит за порядком и помогает, в случае надобности. Вот, например, Евгений Васильевич ранен, но в строю. Ему надо вовремя подать лекарство, заложить сани и прочее...

— Ах, прости, Лебедев! — Ковших снова обратился ко мне своими еврейскими волосами. — Откуда мне было знать? Впрочем — простительно. Я ведь не офицер, а всего лишь претендую наemploi вольноопределяющегося при штабе. А тебе, Лебедев, я при случае подарю толковый словарь Даля. Я вообще люблю делать подарки.

Сказав это, Ковших многозначительно посмотрел на его благородие Мейера, и тот снова закрыл глаза, будто уснул.

— Зачем? — Их благородие штабс-капитана подбросило на пружинах дивана, словно внутри того взорвалась мина. — Зачем при штабе вольноопределяющимися нужны такие вот Ковшихи?

Однако сие восклицание господина офицерства пропустили мимо ушей. Промолчали, замая тем самым делом о вопиющей наглости, буквально все, включая бородачей из 1-го и 2-го Кизляро-Гребенских полков. Этой оказией тут же воспользовался Ковших. Всем известно свойство его вездесущего народа любые обстоятельства обращать с свою пользу.

— Испытываете недостаток в газетах? — поинтересовался он самым развязным тоном. — А я как чувствовал! Как раз захватил несколько свежих номеров «Утра России», «Финансовой газеты», «Донского вестника», «Права», ну ещё всякой всячины губернского пошиба. Эй, там! Уважаемый! Лебедев! Да ты хам, братец! Нешто не слышишь? Да, ты! Ты!!! В прихожей газеты. Принеси их. Быстро! Пшёл!!! Эй, стой! Не только это. Там ещё корзины и ящик. Два ящика! Нормальная выпивка и закуски для господ офицеров. Быстро носи всё. Работай! Ах, ты, лядащая тварь!

На этот раз за меня заступился их превосходительство Даниэль-бек Пирумов. А может, Даниэл Бек-Пирумов, кто их разберёт на трезвую голову?

— Мордовать нижние чины у нас не принято, — проговорил он из-за газеты. — Николай Николаевич не одобряет грубости по отношению к ним. А вы «хам» да «пшёл». Николай Николаевич называет нижние чины «русскими витязями». И это без малейшей иронии. Минбашибеков, вы не находите, что господин Ковших необоснованно груб?

— Господь мой всемогущий! Не с вами, не с вами! — Ковших сложил нежные ручки, словно действительно собирался молиться своему Иегове. — Офицеры — аристократия русского общества. Истинная аристократия!

Их благородие штабс-капитан перед поставленным вопросом непосредственного начальника сначала впал в небольшую задумчивость. Не обращая внимания на раж Ковшиха, ответил длинно, но подробно и не теряя обладания собой.

* * *

Сколько лет я служу в строевых частях? Пятнадцать? Двадцать? Как и любой из нас, кроме строевой службы мало что видел, а вот солдат и офицеров множество перевидал. Кто они, русские офицеры? Взять хоть моего отца, мою семью, меня...

Родился я 14 марта 1875 года в городе V. Варшавской губернии, вернее в пригороде его за Вислой — в деревне J. Занесла нас туда судьба потому, что отец мой служил в бригаде пограничной стражи, штаб которой находился в V. В этих же местах родители мои остались жить после отставки отца.

Отец, Ефим Иванович Минбашибеков, явился на свет незадолго до наполеоновского нашествия на Россию в крепостной крестьянской семье, в Саратовской губернии. Ни точной даты рождения отца, ни названия его родной деревни не упомяну. Умер он — когда мне было 10 лет, и случилось это ровно 30 лет назад. Поэтому о прошлой жизни отца — по его рассказам — у меня сохранились лишь смутные, отрывочные воспоминания.

В молодости отец крестьянствовал. А 27-ми лет от роду был сдан помещиком в рекруты. В условиях тогдашних сообщений и солдатской жизни (солдаты служили тогда 25 лет — и редко кто возвращался домой), меняя полки и стоянки, побывав походом и в Венгрии, и в Крыму, и в Польше, отец оторвался совершенно от родного села и семьи. Да и семья-то рано распалась: родители отца умерли еще до поступления его на военную службу, а брат и сестра разбрелись по свету. Где они и живы ли — он не знал.

Царствование императора Николая I, «Николаевское время» — эпоха беспроектной тяжелой солдатской жизни, суровой дисциплины, жестоких наказаний. 22 года такой службы наделяли человека опытом исключительным. С трепетом я слушал рассказы отца о практиковавшихся тогда наказаниях. Одно из них — «прогнать сквозь строй». Солдат, вооруженных ружейными шомполами, выстраивали в две шеренги, лицом друг к другу, и между шеренгами прогоняли провинившегося, которому все наносили шомпольные удары. Бывало, забивали до смерти! Рассказывал отец про те времена с эпическим спокойствием. «Строго было в наше время, не то что нынче!» — вот обычное его присловье.

Отправляясь на военную службу, отец знал только грамоту. По прошествии двадцати двух лет получил чин фельдфебеля. Военная служба кое-чему его научила, и на двадцать третьем году службы отца допустили к офицерскому экзамену. Чтение и письмо, четыре правила арифметики, знание военных уставов, письмоводства и Закон Божий — вот и весь экзамен по тому времени. Не так уж и сложно. По результатам сданного экзамена отца произвели в прапорщики, с назначением на службу в одну из бригад пограничной стражи, в район уездного города Р. на севере Польши. Там отец приобрёл приятные и добрые знакомства с местными помещиками, бывал у них в гостях и принимал их у себя. Там он познакомился и с моей матушкой. Моя матушка происходит из мелкопоместного дворянского рода, младшая из семерых дочерей.

Моя матушка до сих пор хранит документы отца. Среди них «Указ об отставке», содержащий перечень военных действий. Там после Крымской и Венгерской компаний, о которых отец почему-то не любил рассказывать, упоминается участие отца в поражении разбойничьих шаек на юге Польши. В документах указывались даже имена предводителей шаек и названия населённых пунктов, из которых отряд отца их выбивал. Это уже о начавшемся в 1863 году польском восстании. Вот о чём отец так любил говорить, а я с напряжением слушал, ведь за польскую кампанию отец получил чин и орден. Чего я только не услышал! Как отец носился с отрядом своим по приграничному району, преследуя повстанческие банды. Как однажды залетел в прусский городок, чуть не вызвав дипломатических осложнений. Как-то раз, когда он и солдаты отряда парились в бане, а разъезды донесли о подхо-

де конной банды «косиньеров», пограничники — кто успев надеть рубахи, кто голым, только накинув шашки и ружья, — бросились к коням и пустились в погоню за повстанцами. В ужасе шарахались в сторону случайные встречные при виде необыкновенного зрелища: бешеной скачки голых и черных (от пыли и грязи) не то людей, не то чертей. Как выкуривали из камина запрятавшегося туда мятежного ксендза.

Рассказывал отец и про другое: не раз он спасал поляков-повстанцев — зеленую молодежь. Надо сказать, отец был исполнительным служакой, человеком крутым и горячим и вместе с тем необыкновенно добрым. В плен попадало тогда много молодежи — студентов, гимназистов. Отсылка в высшие инстанции этих пленных, «пойманных с оружием в руках», грозила кому ссылкой, кому и чем-либо похуже. Тем более что непосредственным начальником отца был некий майор Клюге — самовластный и жестокий немец. (Опасаясь его решений, отец на свой риск и страх, при молчаливом одобрении сотни (никто не донес), приказывал, бывало, «всыпать мальчишкам по десятку розог» — больше для формы — и отпускал их на все четыре стороны.

Мне не забыть никогда эпизода, случившегося лет через пятнадцать после восстания. Мне было тогда лет шесть-семь. Отцу пришлось ехать в город L зимой в санях. Я упросил его взять меня с собой. На одной из промежуточных станций остановились в придорожной корчме. Сидел там за столом какой-то высокий плотный человек в медвежьей шубе. Он долго и пристально поглядывал в нашу сторону и вдруг бросился к отцу и стал его обнимать. Оказалось, бывший повстанец — один из отцовских «крестников».

Вообще отец говорил по-простонародному, образно. Короткие фразы сдабривал крепким словом. Одним словом, стиль его речей был отнюдь не салонный, но мне он нравился своей искренностью и ясностью.

В 1869 году отец вышел в отставку с чином майора.

Когда происходила Русско-турецкая война 1877—1878 годов, отцу шел уже 70-й год. Он, заметно для окружающих, заскучал. Становился все более молчаливым, угрюмым, не находил себе места. Наконец, втайне от жены, подал прошение о поступлении вновь на действительную службу. Мы об этом узнали, когда продолжительное время спустя начальник гарнизона прислал на наш домашний адрес отношение: майору Минбашибекову отправиться в крепость Новогеоргиевск для формирования запасного батальона, с которым ему надлежало отправиться на театр войны. За этим последовали слёзы и упрёки матери, оказавшиеся напрасными — война кончилась.

А теперь о материальном. Детство мое прошло под знаком большой нужды. Отец получал пенсию в размере 36 рублей в месяц. На эти средства должна была существовать семья из пяти человек: отец, мать, бабушка, я и нянька. Нужда загнала нас в деревню, где жить было дешевле и разместиться можно было свободнее. Но к шести годам мне нужно было поступать в школу, и мы переехали в V, в тёмную квартиру, состоящую из двух комнат, чуланчика и кухни.

Пенсии, конечно, не хватало. Каждый месяц, перед получкой, отец, мучаясь — пару дней собирался, прежде чем отправиться к заимодавцу, — «подзанимал» у знакомых 5—10 рублей. 1-го числа долг неизменно уплачивался с тем, чтобы к концу месяца начинать сказку с начала.

Учился я старательно. Сначала в городской школе, а потом в реальном училище. Дальний мой офицерский путь всем известен: юнкерское училище, 1-й Стрелковый полк, квартировавший в Р., 153-й пехотный Бакинской полк.

Напоследок ещё несколько слов об отце.

Меня отец не «поучал», не «наставлял». Не в его характере это было. Его рассказы про себя и про людей обнаруживали в нем душевную ясность, прямолинейную, честность, яркий протест против всякой человеческой неправды и стоическое отношение ко всяким жизненным невзгодам. Наверное, поэтому они так глубоко западали в мою душу.

Невзирая на возраст, был он здоров и крепок. Только последние годы жизни стал страдать болями в желудке. Лечиться не на что было, да и не привык он обращаться к врачам. Пользовался несколько лет подряд каким-то народным средством. К весне 1885 года отец не вставал уже с постели: сильные боли и постоянная икота. Он едва мог говорить. В конце концов врач определил у него рак желудка.

О близкой смерти отец говорил часто и спокойно. Высказывал желание помереть в страстную пятницу, часто и подолгу молился, и Господь исполнил его желание. Помню по сей день его последнее: «Скоро я умру. Оставляю тебя, милый, и мать твою в нужде. Но ты не печалься — Бог не оставит вас. Будь только честным человеком, трудись и береги мать, а все остальное само приложится. Я своей жизнью доволен. За все благодарю Творца. Об одном только сожалею: не дождался твоих офицерских погон».

Для могильной плиты приятель отца, ротмистр Р., составил надпись: *«Он боялся Бога, любил людей и*

не помнил зла». Вот такая вот мы аристократия, господин Ковших...

* * *

Минбашибеков говорил, а я тем временем таскал из прихожей разную хорошо пахнущую снедь, пыльные бутылки со сладким немецким вином и жидким французским коньяком, а также пахнущие типографской краской вороха газет. Мне помогал присланный из штаба русский человек совершенно лакейского вида. Такой даже имени своего не пожелает назвать и охотно отзывается на «эй, ты!».

Ковших руководил нами. Тараторил, что твоя весенняя сорока:

— Э-э-э... ты расставь всё это... разложи... каждому из господ предложи... Всё, что смог достать, господа! Заказать что-либо нынче невозможно — почта работает с перебоями, цензура, военное положение и всё такое... Но кое-что и в такое время возможно. Господин Масловский, ну что же вы? Прошу, придвигайтесь поближе к нашему шалашу. Лебедев, разливай. Ах, ти, морда! Ну, пшёл! Ступай же, милый...

Температура этого шпака касалась не только нас, почитавшихся им за самых распоследних трактирных лакеев. Господам офицерам также уделялось внимание. Этим героям Саракамыша, участникам стычек на вечно немирном Кавказском театре, доставалось от него полной мерой. Ковших, со свойственной всем евреям плутовской задушевностью, считал себя ровней нашим героям и войсководителям. Да что греха таить, Ковших почитал себя одним из них. Отцы же наши офицеры, в силу особой своей воспитанности и высокой образованности, соблюдали по отношению к купцу первой

гильдии и почётному гражданину города Кострома — Господь один ведает, в каком краю могущественной русской земли город этот расположен, — особый офицерский аппетит, то есть делали вод, будто говорливая ретивость Ковшиха их ушам хороша и приятна.

Напитки за неимением иной посуды разливали в большие рюмки резного стекла тюльпанной формы. Из таких рюмок турки пьют чай в их турецких чайханах. Вот черти! Выкид у таких рюмок получается большой, а оттого господа офицеры быстро захмелели, при этом из глаз черкесов 1-го и 2-го Кизляро-Гребенских полков аппетит офицерской воспитанности совершенно ушёл, зато появился озорной блеск. Старший из бородачей, адресуясь к тараторке-Ковшиху, самым наглым образом лезшему в офицеры, поигрывал скулой особенно. Их благородие поручик это положение мигом ухватил за основание хвоста. И дело пустилось вскачь к самому изобретательству.

— Наступление зимой, по колено в снегу... — рассуждал Ковших. — Хорошо ли это? Правильно ли? Я постоянно думаю о нашем русском солдате. Господь мой всемогущий! Если температура опускается ниже минус шестнадцати по Реомюру, то вероятность смерти от переохлаждения возрастает по сравнению с вероятностью смерти от случайной пули!

— Не далее как вчера, мы с тобой кружили над Чобан-деде в облаках шрапнельных осколков. Сколько было по Реомюру? — возразил их благородие Мейер.

— Минус семнадцать по Цельсию, — быстро ответил их превосходительство полковник Масловский.

— То-то и оно, Адам. Минус семнадцать по Цельсию, а от тебя пар валит. Не со страха ли такая повышенная потливость? Или ты так пылко желал гибели

всем туркам, что твой организм требовал дополнительного охлаждения и в двадцатиградусный мороз?

Не желая считаться трусом, Ковших, по еврейскому обыкновению, быстренько переставил разговор на иные рельсы:

— Война, конечно, большое зло, — объявил он. — В том смысле, что для торговли большая помеха. Например, в данный момент буквально всё Чёрное море усыпано турецкими минами. Даже каботажное плавание вдоль берегов представляет некоторую опасность. Не далее как этим летом, я лично побывал по торговым делам в Трабзоне. Добирался очень тяжело и долго. Кроме того, у меня лично возникают сомнения относительно целесообразности ведения военной кампании зимой. Сам я мёрз ужасно, летая с Мейером над заснеженными горами. Только страхом единым и согревался. Господь мой всемогущий! Да что там я? Сколько православного народа перемёрзло! О турках я, разумеется, не беспокоюсь.

— По торговым делам? В Трабзоне? — с заметным нажимом переспросил его превосходительство полковник Масловский.

— Торговец? Может быть, ростовщик? — усы его превосходительства полковника Пирумова грозно шевелились.

Ковших с воистину еврейским проворством новым зарядом болтовни отражал непростые вопросы господ офицеров, словно в конг-конг какой-нибудь играючи.

— Тю! Берите ниже, господин Даниэль-бек, — взрычала одна из черкесок. — Где торговец, там и шпион. Трабзон — турецкий порт, где этот господчик каким-то образом сначала оказался в военное время, а по-

том, меж каменьев и скал ужом просочившись, наново в расположении Кавказской армии оказался. На аэро-плазах тут кружится. Всё уж знает, везде разнюхал, и офицерское собрание втёрся!..

Борода над воротом черкески встала дыбом, и вопрос об изобретательстве также возвысился.

Я приблизился к сложенному в углу оружию: саблям, нагайкам, винторезам, по большей части принадлежащим подьесаулам Зимину и Медведеву. С огромными в узорчатых ножнах кинжалами черкески 1-го и 2-го Кизляро-Гребенских полков никогда не расставались. В то время как подьесаул Медведев бушевал, изрыгая густым басом самые страшные подозрения, а его лепший товарищ грозно вращал очами, поминутно хватаясь за рукоять кинжала, я мечтал. Иногда лень не чужда даже такому трудолюбивому человеку, как я. Воображение рисовало мне картины примерно такого вида: вот одна из черкесок ломает Ковшиху его рачыи загребушие клешни, в то время как другая остро наточенным лезвием выпускает из того же Ковшиха несё его вельможный подкожный жирок. В то время как я мечтал, его высокоблагородие Евгений Васильевич всем своим видом выражал крайнее беспокойство, постепенно перерастающее в возмущение и даже гнев. Его благородие поручик Мейер пытался урезонить Медведева, хватал его за руки и теснил к двери, изрекая проклятия (а может быть, и оскорбления?) на чистом немецком языке. Но подьесаул ревел громче, чем мотор аэроплана. До изобретательства оставался один небольшой шаг.

— Подьесаул Медведев! — прогремел его превосходительство Масловский.

Черкеска замерла, прислушиваясь. Бас утих.

— Слушать мою команду! Как старший офицер приказываю: прекратить! Мейер! В сторону. Оставьте его.

— Если вы, Борис Иванович, рассчитываете, что кто-то из нас, вот хоть Минбашибеков, согласится стать вашим секундантом при дуэли с подъесаулом, то вы глубоко ошибаетесь, — спокойно проговорил его превосходительство Пирумян-Пирумов. — А вы, вольноопределяющийся... Адам... или как вас там. Прошу объясниться. Сам факт вашего присутствия в офицерском собрании кажется нам странным...

— Ковших мой друг. Он смелый. Он отличный человек! — вскричал Мейер.

Что и говорить, этот без какой-либо формаглистики — самое настоящее благородие.

— Постой, Мейер! Не гоношись! Господь мой всемогущий! Я просто хочу знать, что значит быть военным. Вот так, с младых, как говорится, ногтей, просто встать в строй и всё. Всю жизнь маршировать и выполнять команды. Это просто! Думать не надо! На полном государственном обеспечении! Иное дело — предпринимательство. Тут необходим creative approach...

— Ковших, ты дурак! — фыркнул Мейер.

— Позвольте мне высказаться, — молвил его благородие штабс-капитан Минбашибеков. — Как раз зимняя кампания, по нестерпимой погоде, на труднопроходимом театре — это и есть ваш creative approach, или, по-нашему говоря, искусство стратега, полководческое искусство.

Спокойный тон и благодушная улыбка его благородия подействовала на сцепившихся господ умиротворяюще. Мейер отпустил черкеску, и Медведев рухнул на диван рядом с Зиминным.

— Юденич рискует. Стоит ли? Оправдан ли риск? — отвечивал неугомонный Ковших.

— Командующий — опытный военный и знает цену риску, — ответил полковник Пирумян, окончательно откладывая в сторону газету.

Неосторожный лакей наконец-то подал кофе, портвейни сигареты. Лакей зажег спичку, давая Пирумяну прикурить.

— А как же осмотрительность? Не лучше ли дождаться весны и не рисковать при наступлении? — спросил один из неизвестных мне офицеров.

— Нам предстоит штурм фортов. Пойдём напролом при отвлекающем манёвре вспомогательных подразделений, — проговорил его высокоблагородие Пирумян. — В тёплое время года легче наступать, но легче и обороняться. Такова военная логика. Идя против неё, мы получаем преимущество. В Эрзеруме нас не ждали. В этом одна из причин панического бегства турок.

— Мы видели форты с воздуха. Впечатляющая картина. На мой взгляд, позиция Девебойну совершенно неприступна, — раздумчиво молвил его благородие поручик Мейер. — Если только...

— Рискованно. Но если план Юденича сработает...

— Я готов! Я хочу пройти по земле по тому месту, над которым летал в воздухе! Но только сначала я хочу знать, велик ли риск?

— Зачем вам это, Адам Иосифович? — голос полковника Масловского под блистающими нутряной ненавистью взглядами черкесок 1-го и 2-го Кизляр-Гребенских полков звучал спокойно и примирительно.

— Как зачем?! — Ковшиха аж подбросило в воздух.

Без сомнения, считая себя самым умным в высоком офицерском собрании, Ковших не терял уверенности в том, что присутствующие должны и обязаны безоговорочно разделять его точку зрения.

— Как зачем? — повторил Ковших в своём обычном истерическом оживлении. — У меня всё есть, понимаете? Вообще всё. Я баснословно богат, если вы до сих пор не догадались...

— Да догадались мы, чего уж там. Золотая мошна, — проговорил подъесаул Медведев.

— ...В том числе имею и государевы награды, — не унимался Ковших. — Несколько наград. Но боевых, полагающих за боевые подвиги, наград у меня нет.

— Не продали-с? Ай-яй-яй! — покачал головой боевой товарищ и брат Медведева, их благородие подъесаул Зимин.

— Для получения боевой награды необходима заслуга, подвиг. Хоть небольшой, но подвиг. А любой подвиг — это риск, — тараторил Ковших, не замечая кизляро-гребенской подначки. — Я готов рисковать! Чего уж там! Но речь, должно быть, идёт о большом риске. Например, наши рискованные эскапады с Мейером никто почему-то подвигом не считает. Выходит, наш риск недостаточно велик. Я готов поднять ставки!

Пресвятая Богородица, наша заступница и вероучительница! Да видела ли ты когда-либо столь позорного торгаша, как этот самый Ковших? Привыкший торговаться везде и обо всём, оказавшись на войне, он торгуется о военном подвиге! Скулы мои свело молчанием. Страдание моё было неизъяснимо, но я утешался тем, что христианские великомученики страдали более моего. На устах господ офицерства блуждали

сдержанные улыбки. Поручик Мейер тяжело и часто выдыхал, будто ему не хватало воздуха, как при грудной жабе.

Полковник Пирумян заговорил тихим голосом, скупно роняя слова. В речи его внезапно появился выраженный армянский выговор, которого я ранее не замечал:

— Рисковать или не рисковать — это вопрос выбора. Если твой выбор — спокойная жизнь, то, казалось бы, велики шансы прожить дольше. Но когда ты выбираешь путь, связанный с военным делом, то считается, что ты вводишь себя в особо рискованное пространство. Выбирая этот путь, ты растёшь в чинах и должностях. Со временем становишься военачальником, как Николай Николаевич или я. Смотрю я на вас, штатского шпака, каким-то образом попавшего в собрание офицеров, прожившего жизнь избегая прямого боя, и понимаю, что в сложившейся ситуации я имею больше шансов выжить в условиях риска, с которым нас поставили нос к носу. Вот такая вот военная философия. Поскольку человек вы известный и действительно заслуженный, вот и в газетах, как я теперь понимаю, это про вас статьи, готов просветить вас по части героизма...

На этом месте полковничье речи я раскрыл створки окна, чтобы выпустить на улицу спёртый прокуренный воздух. Тем временем под окнами проезжала вереница крытых брезентом саней. На сбруе коней и на полотнищах брезента алели кресты.

— Ай, что это? — без церемоний отодвинув меня плечом, Ковших высунулся в окно. — Что это, милейший, куда путь держите? — прокричал он, адресуясь к вознице первых саней.

— Раненых везём, ваше благородие! — был ответ. — Нынче ночью стычка с турком произошла. Большие потери.

— Это как раз побочные последствия геройства, — проговорил полковник Пирумов. — То, что прилагается к орденам и крестам. Но часто сие событие является единственной наградой. Ранения — это всегда боль и страдания. В течение жизни каждый человек в той или иной мере познаёт боль и страдания. Иногда эти боль и страдания безопасны, то есть не несут прямой угрозы жизни, но если вы оказались на театре войны...

Однако егоза-Ковших не стал слушать слова умного человека. Наскоро накинув на плечи своих бобров и нахлобучив шапку, он выскочил на улицу и погнался за медленным обозом. Поручик Мейер пытался его остановить, но куда там! Ковших отбивался и брызгал слюной, умоляя пилота ссудить ему несколько рублей наличными якобы для раздачи раненым. Мейер в полный голос называл его дураком и, опорожнив карманы, разочарованный вернулся в собрание. Горячность Ковшиха странным образом подействовала на господ офицеров, заставив некоторых из них последовать на улицу буквально с непокрытыми головами. Я отправил лакея следом с шинелями и фуражками. Нельзя ведь допустить, чтобы схваченная по дурости, от слишком чувствительного сердца простуда лишила штаб армии лучших его служащих. Однако их благородия Бек-Пирумов и Минбашибеков остались на своих местах. Так же остались при своём командире несколько младших офицеров 153-го Бакинского полка. Кроме этих отменных вояк — героев Саракамыша, под тёплым кровом офицерского собрания остался и его высоко-

Богородице полковник Масловский, который своей выдержкой и осмотрительностью всегда давал нижним чинам хороший пример.

Нечасто увидишь столь открытого человека, дурь которого сразу и без обиняков видна, — проговорил штабс-капитан Минбашибеков вслед убегающему Ковшиху. — В то же время он обладает некоторым, я бы сказал, обаянием, способностью увлекать за собой... А что, друзья, не завинтить ли нам на досуге? Вы, Даниэл Абиссогомонович, как на это смотрите?

И Минбашибеков зашелестел колодой, приглашая присутствующих к картежу.

Николай Николаевич категорически против подобных занятий, — сдержанно заметил полковник Масловский. — Как старший офицер запрещаю.

Придержите язык, штабс-капитан, — проговорил Мейер. — Иначе...

— Что «иначе»?

Штабс-капитан вскочил. В воздухе снова запахло изобретательством.

— Позвольте, поручик! Не вы ли сами называли этого Однодворова или как его там... Ковшиха... дураком? — прокричал штабс-капитан.

— Вообще-то Адам купец первой гильдии и почётный гражданин города Кострома. Весьма щедрый и отважный человек, — сказал поручик Мейер уже более спокойным тоном.

— В Костроме не доводилось бывать...

— Повторяю: Адам — мой друг, весьма щедрый и отважный человек. Набожный меценат. Свободен от многих грехов, свойственных людям его круга. В том числе и от самого страшного для христианина — гордыни. Но есть у него одна страстишка...

— Карты-с?

— Никак нет. Это страсть к новым ощущениям. К тому самому риску, к которому, как вы ошибочно полагали, Даниэл Абиссогомонавич, он не приучен. У Ковшиха в характере есть много хорошего, в том числе у него есть... гм... совесть.

Я застыл посреди комнаты с разинутым ртом, разгорячённый спором господ офицеров и немой от изумления. Его благородие господин поручик сказал «совесть». Что бы это могло означать?

— Жены ли разве нет? — мрачно поинтересовалась одна из черкесок. — Да кто за такого пойдёт? Разве из-за денег...

— Он хочет получить Святого Станислава третьей степени. Готов рисковать всем, в том числе и жизнью. И с этой его прихотью я ничего не могу поделать. Подай ему подвиг, и всё тут!

Бросив колоду на стол, штабс-капитан Минбашибеков вскочил на ноги:

— Предлагаю тост. За одержанные и будущие победы! За героев Сарыкамыш! Виват! — вскричал он. — Эй, ты! Как тебя... Лебедев?.. Ну что же ты? Наливай!

— Гитару подай, Лебедев, — проговорил полковник Пирумян.

— Да! Под Сарыкамышем было дело... — вздохнул поручик Мейер.

— Страшно вспоминать, — согласился их высокоблагородие, принимая из моих рук гитару. — Кстати, я ведь бывал на тамошнем театре. С 24 августа по 8 сентября 1894 года участвовал в поездке строевых офицеров во время лагерного сбора. Ах, как это помогло нам!..

Он умолк, перебирая струны гитары. Мелодия получилась какая-то неблагозвучная для русского уха, но не лишённая стройности.

Кстати, Даниэл Абиссогомониович, Сарыкамышская операция также осуществлялась при неблагоприятных метеоусловиях, — проговорил полковник Масловский.

О да! Дело было завершено к пятому января 1915 года, — отвечал полковник Пирумян. — Из него я вышел с контузией, но ни о чём не жалею. Блестящая победа!

* * *

Я тогда ещё был в чине подполковника и был приписан к 156-му Елисаветпольскому полку. Прекрасно, приятно и впечатлительно вспоминать о выигранных делах, когда вся картина сражения, как на ладони, будто решённая шахматная задача! Фигурально выражаясь, пусть белыми будут турки, а чёрными — мы, русские. Штабс-капитан, нет ли у вас с собой настоящей карты Турецкой Армении с прилегающими Кутаисской, Батумской областями и Тифлисской губернией? А подайте-ка её сюда. Нет, мне показывать не надо. Я помню наизусть. Покажите господам офицерам. Эх, жаль, господин Ковших выбежал. Да где же он? Всё милостыню раздаёт, совестливый человек? Ну, продолжу без него. От себя ещё напомним: Сарыкамышская операция являлась оборонительной против корпуса неизвестного Энвера-паши.

Итак, белые — турки — начинают. Каков же ход партии?

Ход первый. Белые атакуют. 9-й и 10-й турецкие корпуса переходят в наступление.

Ход второй. Русские принимают контрмеры. Русское командование производит контрманевр в период с 9 по 13 декабря включительно.

Ход третий. Турки атакуют. В этот период два турецких корпуса, выполняя широкий обходный маневр при импровизированном тыле, слабо руководимые Энвер-пашой, разрозненно выходили в район Сарыкамыша, где неожиданно встретили нарастающее сопротивление русских. Разновременный выход турецких войск был вызван тем, что 10-й корпус, начав наступление против русского Ольтинского отряда, увлекся преследованием его в сторону Ардагана и потерял два дня. При выполнении этого маневра некоторые турецкие части обходного крыла понесли громадные потери. Всё, как и говорил выбежавший на мороз господин почётный гражданин. До 80 % замерзшими и обмороженными, но не у нас, а у турок

Ход четвёртый. Шахматная аналитика. Русские, разгадав в общем план турок, начали методично перебрасывать с фронта Сарыкамышского отряда к угрожаемому пункту части, которые должны были прикрыть базу всего отряда, находившуюся в Сарыкамыше. Русское командование сначала в лице начальника Сарыкамышского отряда генерала Берхмана, а затем временно командовавшего Кавказской армией генерала Мышлаевского, прибывшего 11 декабря на фронт для урегулирования вопросов управления, было застигнуто врасплох начавшейся операцией и намеревалось оттянуть этот отряд в сторону Карса, но встретило сопротивление со стороны начальника штаба Кавказской армии, указавшего на пагубность этого отхода. Последний являлся уже запоздалым, так как 9-й и 10-й турецкие корпуса вы-

ходили к Сарыкамышу раньше, чем туда могли подойти части Сарыкамышского отряда, сковываемые с фронта 11-м турецким корпусом. Для обеспечения правого фланга Сарыкамышского отряда русские выдвинули через перевал Ханский в район Бардуса 18-й туркестанский стрелковый полк. Ко времени достижения этим полком указанного перевала 12 декабря от Бардуса в направлении на Сарыкамыш направлялись части 9-го турецкого корпуса, оставившие в районе названного селения сравнительно слабый заслон. При такой обстановке русские имели возможность в решительный момент операции выйти на сообщения 9-го корпуса.

Ход пятый. Удачный маневр белых, то есть турок.

32-я пехотная дивизия 10-го турецкого корпуса, чьей настоящей целью являлся Варнаут, случайно оказалась в Бардусе, где и отразила попытку наступления русских. Этим контрударом 32-я пехотная дивизия прочно обеспечила тыл 9-го корпуса. В дальнейшем, действуя в том же районе, 32-я пехотная дивизия в свою очередь создавала угрозу правому флангу Сарыкамышского отряда.

Ход шестой. Русские (чёрные) успешно обороняются.

Под давлением внезапно появившегося на театре 10-го турецкого корпуса, Ольтинский отряд, обеспечивавший правый фланг Сарыкамышского отряда, избежав окружения в районе Ольты, начал поспешный отход к Демур-капу. Для поддержки этого отряда, прикрывавшего одновременно направления и на Ардаган и на крепость Карс, русское командование выдвинуло из крепости Карс имевшиеся там в резерве полевые части, которые к 17 декабря восстановили положение на фронте Ольтинского отряда.

Ход седьмой. Белые всё ещё надеются на победу. 9-й и 10-й турецкие корпуса совершают совместный обходный маневр в районе Сарыкамыша.

Ход восьмой. Успешное противодействие чёрных. С 14 по 22 декабря русское командование отражает обходный маневр турок. При этом остатки 9-го турецкого корпуса охвачены русскими в районе северо-западнее Сарыкамыша и 22 декабря взяты в плен со всем командованием корпуса.

Ход девятый. Белые отступают. Ослабленный 10-й турецкий корпус, против которого русские сосредоточили ударную группу за счет войск, подтянутых из состава Сарыкамышского отряда и из крепости Карс, сумел искусно выйти из боя, оттянув одну пехотную дивизию на Ольты, а другую — к Бардусу.

Ход десятый. Контратака чёрных. С 24 декабря началось преследование русскими 10-го турецкого корпуса, остатки которого совместно с 11-м турецким корпусом, руководимым Энвер-пашой, пытались остановить русских коротким контрударом. Мероприятие запоздалое. Ошибка его состоит в том, что следовало бы начать преследование сразу же, то есть 22 декабря. В этом случае наша шахматная партия и завершилась бы раньше, и, возможно, имела бы иной исход.

Впрочем, далее события развивались несвойственным для шахмат манером — белые раз за разом пропускали свои ходы. То был период торжества чёрных, которые сумели обратить оборонительную операцию в наступательный порыв.

Итак, в связи с занятием турками в первый период операции Ардагана, откуда они, по мнению русских, могли угрожать в сторону Боржома или даже Тифлиса, русские предприняли операцию с целью уни-

чтожения этой группы турок, которая закончилась 21 декабря разгромом турок у Ардагана. В операции наиболее активное участие приняла Сибирская казачья бригада, переброшенная из Тифлиса. Преследование турок началось с опозданием на двое суток. За это время турки, конечно же, успели оторваться от русских. Зато русским удалось использовать для маневра в горах и конницу.

Теперь о бардусском направлении. Здесь русские, произведя в короткое время перегруппировку сил, в свою очередь успешно нанесли удар туркам в направлении на Бардусс.

Таким образом, к 5 января 1915 года русские отбросили турок как на ольтинском, так и на сарыкамышском направлениях на их прежние исходные позиции, с которых они начали Сарыкамышскую операцию.

* * *

Во всё время своего рассказа полковник Пирумян водил пальцами левой руки на старой с обтрёпанными краями карте. Десницей же он сжимал гриф гитары. По завершении своей речи, рассказчик погладил карту, откинулся, удовлетворённый, огладил свои армянские усы и снова принялся перебирать гитарные струны. Он дёргал их и теребил, извлекая нестройные, напоминающие мелодии среднеазиатских мусульман, звуки. Не выдержав сей муки, я, Павел Лебедев, со всем христианским смирением заложил уши кусками пеньки.

Тотчас же по завершении сей короткой спасительной манипуляции передо мной возник образ Ковшиха. Орущий, брызгающий слюной холодный образ. Я разводил руками, делая вид, что вовсе потерял слух, но Ковших настаивал и даже позволил себе рукоприкладство

в виде постукивания по моему лбу обутой перчаткой правой рукой. Пришлось ради спасения субординации освободить уши от защищавшей разум пеньки. Тут же сонмища звуков самого оскорбительного содержания ворвались в мою голову. Ковших требовал медяков, поминутно поминая возлюбленного им Иегову. Вот чёрт! Я принялся рыться в карманах. Нашлось всего пара пятак, полученных мною самым честным образом в виде чаевых от господ офицеров.

— Господь мой всемогущий! — проорал Ковших, убегая. — Не надо кроить такие морды, скаред! Я тебе всё возмещу...

И хлопнул входной дверью, оставив по себе волну морозного воздуха с лёгкой примесью смрада гниющей плоти. Я глянул в окно. Обоз с ранеными застыл под нашими окнами. Вдоль череды саней взад и вперёд бегал незнакомый возница. Какой-то бешеный унтер орал матерно прямо под окнами офицерского собрания. Я хотел было выйти, чтобы напомнить самаритянам о благопристойности, но меня остановил командирский окрик, вырвавшийся из глотки черкески 2-го Кизляро-Гребенского полка.

— Эй, ты! Чай остывает. Подай самовар! — взревел подъесаул Медведев.

Пришлось поворачиваться с самоваром и чистыми приборами для господ. Разговор в собрании между тем продолжался.

— Каков же итог сей басни? — спросил подъесаул Зимин, адресуясь всё к тому же их превосходительству полковнику Пирумяну.

— По шахматной терминологии, принятой к использованию полковником Пирумяном, думаю, это ситуация цуцванга для белых, когда любой ход турок ухудшает

их ситуацию, — усмехнулся полковник Масловский. — И да! Всё дело происходило в ужасные морозы. Но, как видите, успех! Сокрушительный успех русских!

— Позвольте высказаться, господа, — вмешался штабс-капитан.

— Разумеется, Минбашибеков! Говорите!

— Я тоже был в деле. Наш 153-й пехотный полк состоял тогда в составе 39-й пехотной дивизии. И скажу прямо: война с природой куда важнее стычек с неприятелем. Зато мы приобрели опыт. Русский солдат в жестокие морозы более стоек, нежели турок. И ещё. Немного крамолы. Не машите на меня, Евгений Васильевич. Всё равно скажу о паническом генерале от инфантерии. В середине декабря, в связи с неблагоприятно складывавшейся для русских обстановкой в районе Сарыкамыша, генерал Мышлаевский, не дав исчерпывающих указаний в вопросах управления Сарыкамышской группой и не поставив ей задач, оставил ее под благовидным предлогом и отправился в Тифлис, распространяя в тылу армии панику.

— Это в прошлом. Александр Захарьевич в отставке. К чему поминать? — отвечал полковник Масловский. — Думаю, Эрзерумскую операцию мы так же разыграем, как по нотам. Так ли, Даниэл Абиссогомонович?

Пирумов отложил в сторону гитару.

— Мои ребята дорогого стоят. Наша задача — взятие форта Далангез. Форт будет взят. Согласно плана Николая Николаевича, сутки под перекрёстным обстрелом с вышестоящих фортов. Но мы выстоим. Я уверен: выстоим.

— Мне довелось пролетать там в ясную погоду, — проговорил его благородие поручик Мейер. — Тропа есть. Местные крестьяне поддерживают её в проходи-

мом состоянии. Так они доставляют к фортам провиант. Тропа небезопасна, но ею вполне можно воспользоваться. Нашлись бы только смельчаки.

— Таковых среди нас немало, — кивнул полковник Масловский.

Его превосходительство желали пояснить ещё что-то, но повторное появление обледенелого Ковшиха прервало разговор.

— Всё в порядке. Обоз тронулся в сторону железнодорожной станции, — объявил тот. — Проблема с вагонами. Множество раненых ожидают погрузки. Я заметил: обморожение так же может вызвать антонов огонь, как и ранение шрапнелью. Чаю мне! Коньяку! Господь мой всемогущий, как же я замёрз!

Прибежал лакей. Принёс требуемое.

— Шрапнель жарит нещадно, — подьесаул Зимин брал слово редко, но всякий раз вспыхивал, как порох. — Без привычки под шрапнельным огнём любой смельчак намочит штаны. Тут о подвигах речь. Дескать, привычка к опасности — это не подвиг. И то правда. Привычка к опасности — это наше ремесло.

Ковших обернулся к казакам. Этот хлюст и чай, и коньяк употреблял из тюльпанных турецких рюмок с одинаковой ловкостью. Ах, как вкусно он прихлёбывал огненный, одобренный коньяком чаёк из резного стеклянного бокала, ловко удерживая его двумя пальцами.

— Амаль много раз говорила мне, дескать, все казаки на одно лицо. Вот и вы вижу на одно лицо. Похожи, будто и вправду братья, а между тем... — затараторил он.

— Твоя правда, жидёнок, мы — братья. Сашка Зимин — младший сын моей тётки Агафьи, — прогудел Медведев.

— Что за Амаль? — поинтересовался Зимин. — Французенка? Твоя любовница? У каждого, кто носит бобровый мех, имеется любовница. Любовниц возят в Париж, на выставку, украдкой от жён. Гадость, конечно, но так пишут в газетных листках для всяких дураков, и я один из них. В походе пристрастился ко греху. Читаю.

— А у тех, кто носит бурки из овчины, иные обычаи? — смеясь, поинтересовался полковник Масловский.

— Амаль — мой лучший друг! — приосанился Ковших.

— Не понимаю, — скорчив зверскую мину, развёл руками Зимин.

Мейер хмыкнул. Медведев фыркнул. Их высокоблагородия господа полковники один рассмеялся, другой вздохнул.

— Дружить с женщиной — наверно это так романтично, — проговорил полковник Масловский. — Мне не доводилось.

И тут уж разговор в офицерском собрании обратился во вполне законную женскую область. Бразды беседы, по обыкновению, принял его превосходительство Даниэль-бек или Бек-Пирумян — это вы уж сами разбирайтесь.

— Женщина действительно может стать лучшим другом. Взять хотя бы мою Ерануи. Увлекалась рисованием, пением и археологией. Особенно археологией. Участвовала в экспедиции академика Марра в Ани. Мой тесть, Маркар Халатян, — купец, и Ерануи получила блестящее образование. И что? Всем-всем пожертвовала для меня. Гарнизонная жизнь. Частые разлуки. Пятеро детей...

Евгений Васильевич молчал, а я-то знал наперёд: этот нипочём не примет участия в подобной беседе. Зато черкески 1-го и 2-го Кизляро-Гребенских полков навострили уши, что и немудрено, ведь старшему из них не более двадцати пяти лет.

— Нас, казаков, женят рано, — проговорил Зимин. — Между тринадцатью и пятнадцатью годами уже выбирают невесту из своих же. Если к шестнадцати годам не поведут под венец, то, считай, ты уже и перестарок. Этот обычай касается всех.

— А ты что тут стоишь, глазами крутишь? — обратился ко мне Медведев. — Не хочешь ли, братец, водки выпить?

— Нам не положено в офицерском собрании прикладываться, ваше благородие.

— А за победу? За взятие Эрзерума? За покорение Девебойну? — допытывался Медведев, и глаза его как-то нехорошо блестели, будто замышлял казак чего-то.

— Не могу, ваше благородие. Не тот у меня чин, чтобы в таком обществе...

— Да оставь ты, Лебедев, — вмешался его превосходительство полковник Масловский. — В походной жизни ты нам как мать родная. И накормишь, и обогреешь. Без тебя как без рук.

— Шутите, Евгений Васильевич, ваше высокоблагородие. Я всего лишь при штабе. Строевики ко мне за то с брезгливостью относятся, дескать, штабная крыса. Всю жизнь за спинами начальства...

— Отставить разговоры! Медведев, налейте ему хоть коньяку.

Пришлось смириться, хоть в углу вокруг черкески 2-го Кизляро-Гребенского полка зрел и ширился гнойный нарыв в виде всё того же Ковшиха. Любопытный

почётный гражданин крутился вокруг шашки подъесаула — оружия не простого, но украшенного Георгиевской лентой.

И Медведев налил. И я принял из его рук резной тюльпанной формы стакан. Заметив это, Ковших искричал:

— Пей же, милый Лебедев. И вы, господа, пейте! Вот мой тост. Линейные казаки образуют прекраснейшее войско на Кавказе и являются грозой восточных горцев. Не уступая им в дикости, жестокости, варварстве и смелости, они превосходят их военной организацией, имеют лучшее оружие и лошадей. Их одежда, вооружение, седла и сбруя отличаются от чеченских и лезгинских лучшим качеством. Екатерина II основала казачьи колонии на Тереке — и теперь они стали опорой Российского государства. Растут и множатся полки и станицы. Я специально изучал вопрос. С 1856 года кавалерийские полки увеличились на третью часть, пехота — наполовину. Причина в том, что многие русские племена были деморализованы безуспешной войной, которую вела половина Европы против русских, и записались в казачьи списки. Теперь горцы, которые прежде подчинялись Шамилю, окружены станицами линейных казаков. Эти казаки состоят из разных национальностей, населяющих Русское государство. Большинство — коренные жители Дагестана. Встречаются между ними и евреи, и поляки. Целые семьи, которые должны были отправиться в Сибирь, предпочитали воспользоваться предоставленным им выбором и записывались в казаки. Солдаты, присужденные за какой-либо политический проступок к вечной службе на Кавказе, пользовались также предоставленным им выбором. Господь

мой всемогущий! Вся эта смесь из поляков, русских, татар, грузин, чеченцев, аварцев, лезгин, евреев и тому подобных народов имеет теперь одну религию и один язык — русский, и каждый новый приезжий русифицируется в короткое время. Подсчитано, что с прошлого века приток диких горных жителей Восточного Кавказа, записывающихся в линейные казаки и переезжающих в станицы, необыкновенно увеличился, и это убеждает меня в высказанном прежде мнении: горские племена скоро исчезнут, и страшные казачьи колонии будут в состоянии через двадцать лет предоставить для службы царю столь же многочисленные, но гораздо более храбрые, чем Дон, полки. Господь мой всемогущий! Они выставляют, как я отметил, теперь около 20 000 человек войска всех видов оружия, имеют, кроме того, еще гораздо более сильные резервы. Народонаселение с некоторого времени сильно увеличивается, в этот момент его можно считать не меньше 300 000 душ. До сих пор они употреблялись только против восточных кавказцев, впервые в 1858 году увидели абазы на Западном Кавказе несколько полков этих варварских и смелых воинов, первое выступление которых было способно внушить страх и ужас их новым врагам. В предыдущей турецкой кампании стояли некоторые полки линейных казаков из армии Муравьева перед Карсом в Малой Азии и особенно выделялись среди всех русских полков своею дикостью, мужеством и приверженностью русской вере. Так выпьем же за них!

Ковших говорил слишком долго. Господа офицерство опустошили свои стаканы задолго до окончания его речи, которая, впрочем, весьма понравилась обоим черкескам 1-го и 2-го Кизляро-Гребенских полков. Оба

грянули хором: «За русских!» — и выпив, перевернули свои стаканы донцами вверх. Я тоже выпил.

Вкус французского коньяка оказался резким, но приятно отдавал сивухой, отсылая мои чувствования к годам давно пережитой ранней юности. Пока я пил, подьесаул не сводил с меня испытующего взгляда, и когда стакан опустел, подал мне осьмушку оранжевого турецкого фрукта, кислого и сочного, название которого я позабыл. По завершении тоста, Ковших наново взялся за своё, то есть принялся приставать к разомлевшему от коньяка Медведеву.

— А что, милый, для казака женщина тоже друг? — поигрывая жидкими усишками, поинтересовался он.

Для такого изобретателя женщина — игрушка, подружка, забава, колдушка, да кто угодно, в то время как для казака, пусть тот казак и подьесаул или офицер в более высоких чинах, женщина — вся его жизнь. Тут всё не в шутку, а по-настоящему. Тут жестокость до резни, до убийства возможна для казака. В женском вопросе даже изобретательство любого из господ офицеров ерунда. Сейчас-сейчас черкеска 1-го Кизлярского Гребенского полка объяснит салонному болтуну и изобретателю, что к чему в русском мире и какого сорта существо баба для русского мира.

Пока я так размышлял, Ковших приблизился ко мне и прошептал, метя в моё волосатое ухо:

— Милый Лебедев, не изобретательство, а бретёрство. Пойми, друг, изобретательство — это другое. Однако ни изобретательство, ни бретёрство к Адаму Ковшиху не имеет никакого отношения — это бес тебя попутал.

Сказав так, он долго хохотал, словно умалишённый. Его веселье прервало появление мужика в длинной до-

хе, с шапкой в одной руке и кнутовищем в другой. Мирянин выглядел так, словно только что явился пряником из Костромской губернии, где, по слухам, имел почётное гражданство надоевший всем Ковших.

Его превосходительство Евгений Васильевич, увидев мужика, встревожился:

— Что тебе, дяденька? — спросил он.

— Разрешите обратиться, ваше превосходительство! Возница я, а там обоз, — проговорил мужик, указывая кнутовищем на окно.

— Видели мы раненых. Хватит уже, — отрезал Ковших, засовывая за пазуху мужика банкноту немалого достоинства. — Как доставишь раненых на станцию, поди в кабак да выпей за победу, а что останется — раненым раздай.

— Не могу пойти. Там раненый зовёт подъесаула Зимина. Послал меня искать.

— Кто послал? Кого послал? Куда? Мы уже милостыню подали и обо всём позаботились. Ты с опозданием явился, любезный. Поди-поди!.. Эй, Лебедев! Проводи человека. Не захмелел же ты с одного-то стакана?

Ковших мельтешил и прыгал вокруг мужика, отесняя того к выходу. Мужик кланялся и ломал шапку, не сводя умоляющего взгляда с черкесок.

— Умиравший. Жалкий. Христа ради, скажите, не видали ли такого подъесаула. 2-й Кизляро-Гребенской полк... — бормотал он.

Его благородие в черкеске отодвинул Ковшиха и предстал перед мужиком.

— Я — Зимин, а ты кто?

— Я — Нефёд, но там на санях один из ваших. Да он почти без языка уже. Только вас зовёт. Только просит...

— Милостыню? Эй, Лебедев, подавай шубу! Сейчас...

Наконец-то Ковших получил за свою неуместную наглость. Подоспевший Зимин протянул его нагайкой вдоль спины, и выть бы Ковшиху от боли, если б я не успел накинуть ему на плечи бобровый мех.

* * *

Это уж потом мы все вместе поспешили на улицу, где вокруг саней, вокруг дышащих паром лошадей прыгали обе черкески 1-го и 2-го Кизляро-Гребенских полков. Кто-то, жалобно стеная, причитал:

— Мама... мамочка... больно-то как! Больно!

Лошадь беспокойно переступала с ноги на ногу. Сани вздрагивали. Нефёд цокнул, схватил лошадь под уздцы, та и замерла.

Почто ты проснулся? Эх, спал бы. Муторно от твоих криков. Маковым отваром его поили, да не проняло как следует. Большой уж мамку-то звать, — проговорил Нефёд. — Я ему: «Ты лучше помолись. Десять раз «Отче наш» да десять раз «Богородицу» прочти. А там уже и доедем». А он только плачет да Сашку Зимины поминает.

— Так долго? Ай, мамочка!.. По десять раз — это долго ехать! Ма-а-ама!!!

Слышите? — Нефёд приподнял полость, покрывающую сани, и обратился к лежащему под ней. — Не долго. Не успеешь дочитать, а там уже и доедем... Эх, ты! А ещё офицер! Есаул!

Ты Зимины нашёл? Огромный, с рыжей бородой, но сам чёрный... Ах, ты матушка наша, Богородица...

И плач, и стенания, и тяжёлый дух из-под полости, будто полусотня казацкая разом нагадила.

Зимин ухватился за край полости, дёрнул её в сторону, устоялся на сани. Лицо его сделалось страшным, как у подлинно рассвирепевшего медведя. Впопыхах подьесаул не надел шапки, и на бритой его голове, под редким ёжиком волос серебрились капельки испарины. Уж не заболел ли подьесаул при виде покалеченного человека? Рука его терзала рукоять нагайки. Я счёл за благо отвернуться, ибо помнил о Ковшихе, которого уж протянули разок вдоль спины.

— Сашка... ты... — услышал я. — Видишь, какой я теперь. Покалечило меня, но не убило. Жаль. Окажи последнюю милость. За тем тебя и искал.

— Этого нельзя! — вмешался Нефёд. — Нас на станции вагоны ждут с фешерами!..

И я услышал свист нагайки. И удар, а потом ещё один и ещё. Хотя и не хотелось мне смотреть, как Зимин мужика нагайкой наказывает, но тут уж примчался Медведев. Сам-то их благородие шапку не забыл нацепить и поверх черкески бурочку накинул, а вот товарищу своему тёплую одежду не вынес.

Итак, я осмелился обернуться к Зимину. Тот стоял понурившись, скособочившись. Одной рукой на друга Медведева опирался. Другой — на свежепоротого Нефёда. У того юшка по бороде течёт. А Зимин качается, спина его трясётся. Вот он скрючился, икнул да и вывалил на истоптанный снег содержимое желудка, а потом ещё долго икал.

А его благородие подьесаул Медведев вцепился в мою руку. Лицо его странно переменялось, знакомое мне зверское выражение вовсе пропало.

— Лебедев, брат, нет ли у тебя водки? — проговорил он.

Водка, конечно, в моём заглазнике имелась, и я отправился за нею, надеясь прихватить при случае и шапку расстроенного подъесаула. Я сделал пару шагов к сеним. Уж видел, как господа офицерство наблюдают неровную сцену через запотевшее стекло. При этом его благородие Мейер так обнимает Ковшиха, словно тот является его наречённой невестой. В то время как Ковших дёргается и мелет по обыкновению невесты что, будто уж собрался бежать из-под венца. Борьба их длилась недолго. Лучший друг поручика Мейера всё же нырнул, выскочил в сени, а из сеней на улицу прямо и мои крепкие объятия. Так схватил я Ковшиха одной рукой за шиворот, а другой за его модную перепояску и стал держать. Ковших зашипел рассерженным котом. Стал слова обидные мне говорить. «Быдло», «прыщ» и прочая мишура, произносимая, впрочем, шёпотом. Однако я стоял на своём, умоляя его шёпотом уже не влезать в институцию ситуации.

— Не институция, а интимность! Понимай значения слов, быдло ты невозможное! — прошептал Ковших да и затих, прислушиваясь вместе со мной к беседе черкесок 1-го и 2-го Кизляро-Гребенских полков.

— ...Он просит... последняя просьба... я должен это сделать... — говорил Зимин.

— Господь его исковеркал за обиду, нанесённую тебе. Дарью Сергеевну ты порешил, а его пощадил... — отвечал Матвеев.

— Оставь, Матюха!..

— Если сделаешь по его, то он опять тебя опередит и с Дарьей первым встретится. А не то, может быть, что и вылечат. Гангрены, кажется, пока нет. А не то пусть живёт!

— Как жить без рук без ног?

— Как все. Из этой войны многие такими выйдут.

— Лучше смерть...

— На смерть Божья воля. Не нам с тобой решать.

— Надо завернуть сани вот в ту подворотню и там...

— Пуля?

— Пуля подла. Шашка.

— Так обоих одной шашкой порешишь и его, как некогда Дарью...

— Оставь ты за Дарью говорить, Матюша! Пойми ты мою боль...

Тут нам с Ковшихом обоим показалось, будто Зимин уже и плачет, а возница Нефёд под шумок уж тронул спину своей клячи вожжами. Почуяв движение, калека в санях, забыв бормотать «Богородицу», завопил пуще прежнего. Черкески 1-го и 2-го Кизляро-Гребенских полков встрепенулись. Зимин кинулся к саням.

— Не надо! — закричал Нефёд. — На станции вагоны уж к паровозу прицеплены. Там фешеры...

— Как? Опять учить меня наладился? Заворачивай налево! Стой, мужик! Или не слышишь? — вопил Зимин, размахивая обнажённой шашкой.

Возница на него окрысился. Откуда и смелость взялась:

— Не видишь, благородие, раненых везу? Тороплюсь. А ты ступай водку пить!

Сказав так, Нефёд снова тряхнул вожжами, но Зимин так вцепился в задок, что усталая кляча встала, не в силах сдвинуть сани с места. Возница соскочил на снег. Росту незначительного. Такому молодцу, как Зимин, под мышку носом уткнётся. Меж распахнувшихся пол шубы зияло узкое тело. Ноги ровно щепки в рас-

трубах заношенных валенок. Но кнутом замахнулся всерьёз, не убоился огромного Зимина, не попомнил, как тот его только что нагайкой хлестал.

— А ну, ты, благородие! Отвали! Геть! У меня раненые!

И тут же хором с ним:

— Ма-а-ама! Сашка-а-а! Не отпускай меня! Сделай мило-о-ость!!!

Подоспел Медведев с фляжкой, влил водки в распахнутый криком рот. Раненый поперхнулся, закашлялся, но водку проглотил.

— А ну, давай ещё! — Медведев тыкал раненому в губы горлышко фляги. — Пей! Нет мочи твои крики слушать. Жив — и слава Богу! Проживёшь и так Божьей милостью. Чай, ноги не голова. Без ног можно приспособиться жить. Мой отец в турецкую правой ноги лишился. Как вернулся в станицу, так очень горевал по ноге-то. А потом одумался и меня родил, а потом ещё двух младших сестёр. Так-то! А руки твои ведь раздроблены только. Их-то не оторвало. Их вылечат. Так-то!

С этими словами Медведев влил в распахнутый рот ещё водки, а Зимин тем временем, вовсе отставив от дел возницу, заводил испуганную лошаде́нку в соседнюю подворотню. Медведев торопился за санями, оставив нас троих — Ковшиха, Нефёда и меня — стоять под окнами соляными столпами.

— Какая жалость... Какая драма... — лепетал Ковших, трясясь последним осиновым листом. — Ты понял, Лебедев, что произошло? Этот раненый — друг Зимина и любовник его жены. Дарья Сергеевна, кажется? Ты как расслышал? Дарья Сергеевна! И вот вообрази: этот раненый, но тогда ещё здоровый, соблазняет жену своего друга, то есть Зимина. Мезальянс раскры-

вается. Друзья выясняют отношения, и для достижения сатисфакции Зимин рубит шашкой жену, пощадив при этом друга...

Ковших бормотал ещё какие-то домыслы и пояснения, а я прислушивался, надеясь расслышать что-либо за его болтовнёй. При этом я продолжал удерживать болтуна правой рукой за шиворот, а левой за перепояску. Свист шашки или последнее «прости» надеялся я услышать? Бог весть! А только Нефёд сдёрнул шапку — и тут же из-за угла вышел его благородие подъяесаул Зимин с окровавленным оружием в руке. Следом брёл Медведев с обнажённой головой и залитым слезами лицом. Трогательно жалостливое выражение сделало это грубое лицо таким необычайно красивым, что я даже залюбовался и в свой черёд пожалел и этого жестокого человека, и его брата Зими́на.

Таким случаем обе черкески 1-го и 2-го Кизляро-Гребенских полков один за другим проследовали мимо нас к дверям офицерского собрания. Прежде чем войти в сени, Зимин отёр о снег своё окровавленное оружие, а потом ещё раз насухо полой черкески.

— Ты вези его в похоронную команду, — проговорил, обернувшись, Медведев. — Да скажи там, что подъяесаулы Зимин и Медведев завтра явятся хоронить своего друга.

Они скрылись в сенях. Возница побрёл прочь в свою сторону, а я отпустил на свободу Ковшиха. Тот по воробыному вострепнулся и, неугомонный, принялся первым делом за меня:

— Во-первых, Лебедев, бретёрство, а не изобретательство. Прочувствуй и пойми разницу. Господь мой всемогущий! Во-вторых, по женскому вопросу. Вот он, ответ! Из-за женщины можно прийти на край жизни

и смерти, ада и рая! Вот каково её значение. За это стоит выпить.

Сказав так, он запахнул шубу и скрылся в сенях, оставив меня стоять поражённым хладнокровием этого неверного поклонника Иеговы.

* * *

— Евгений Васильевич, позвольте? — полковник Пирумов обратился к полковнику Масловскому.

— Конечно, Даниэл Абиссогомонович.

— Господа офицеры! Предлагаю... сплотиться!

Взгляд его превосходительства поражал, как описанная Зиминым сильно пугающая шрапнель. Подъесаулы 1-го и 2-го Кизляро-Гребенских полков повскакали с мест. Старший из двух бородачей заозирался в поисках шашки. Его благородие штабс-капитан Минбашибеков, слышав призыв командира, вытянулся во фронт. Каблуки его щёлкнули. Я встал рядом с ним плечом к плечу, а его превосходительство полковник Пирумьян вытянул правую руку вперёд, словно хотел показать всем нечто, лежащее у него на ладони.

— Мы — русские, сплотимся перед лицом врага! Мы — русские, за честь государя и отчества!

Ковших сообразил первым и шлёпнул свою унизанную перстнями ладонь поверх полковничьей. За Ковшихом последовали его превосходительство полковник Масловский, немец Мейер, благородие-штабс-капитан, оба подъесаула и все остальные, подчинённые его высокоблагородию Бек-Пирумову офицеры 153-го Бакинского полка.

— Ура! — воскликнул Ковших.

— Постойте, — его превосходительство Даниэл Абис-как-то-там дальше взмахнул левой рукой. Шаля-

пин, да и только. Вот-вот грянет «Дубинушку». Но его превосходительство полковник Пирумов вспомнил обо мне.

— Лебедев, а ты? Или ты не русский? — проговорил он.

— Русский, — отозвался Ковших. — Тот самый русский богатырь, который так нравится нашему командующему.

— Подожди! — рявкнул Пирумов. — Эй, Лебедев, сначала разлей-ка нам по чарке этого французского самогона.

Я разлил коньяк по турецким рюмкам для чая и роздал господам офицерам каждому в левую руку.

— И себе! — приказал его превосходительство Даниил Батькееговсическогоздоровья.

Как не подчиниться такому приказу?

Подчинившись, втиснулся я между двумя подьесаулами. Как-никак самые родные в столь изысканном обществе люди.

— А вот теперь... — глаза его превосходительства метали молнии. Олимп, да и только!

— Ура-а-а! — что есть мочи завопил Ковших, и мы все разом опрокинули турецкие рюмки каждый в свой рот, а полковник Пирумов сжал своей небольшой ладошкой все наши так крепко, что кости хрумкнули.

Это артельное рукоприкладство запомнилось мне надолго. Сколько же в нашей армии прекрасных офицеров, за которыми моя личность готова хоть на перевал Девебойну, хоть на дно пролива Дарданеллы...

Глава седьмая

ТАК ВОЕВАЛИ. ЯНВАРЬ 1915 ГОДА. ФОРТ ДАЛАНГЕЗ И ПОДСТУПЫ К НЕМУ

Рукописный журнал военных действий 153-го пехотного Бакинского Его Императорского Высочества Великого князя Сергея Михайловича полка.

29—30 января 1916 года

Записи сделаны Василием Дерипаской, ефрейтором 153-го пехотного Бакинского Его Императорского Высочества Великого князя Сергея Михайловича полка.

«...В 14 часов осадная артиллерия и гаубицы открыли огонь в районе форта Чобан-деде. Остаток дня мы провели в приготовлениях. Наш полк укрепился на горе Мах-оглы. С нашей позиции, расположенной чуть выше форта Далангез, открывалась картина артиллерийской подготовки. Снаряды бьют точно в цель, поднимая в воздух кудрявые облачка разрывов. Форт Далангез — цель нашей предстоящей атаки. Место её начала выбрано удачно, если не считать того обстоятельства, что сбегать со склона нам придётся хоть и в ясную погоду, но по пояс в снегу. Корректировкой артиллерийского огня занимается всё тот же пленный турок или курд — чёрт их разберёт, одним словом, янычар по имени Рустам-бей.

Полковые гаубица и орудия артиллерийского участка бьют по фортам Чобан-деде, Далангез, Узун-Ахмед и промежуткам между ними. Турки начали отвечать примерно через час как с форта Узун-Ахмед, так и со многих батарей, возведенных в промежутках между фортами. Сильный огонь поддерживался сторонами до темноты. Атака начнётся в 20 часов, когда уже стемнеет. Атаковать будем на фронте от ущелья, что к северу от форта Чобан-деде до озера Чилли-гель, направляя главный удар на форты Чобан-деде и Далангез. Пакостливый Рустам-бей утверждает, что наша артподготовка никаких материальных результатов не даст. Дескать, слишком она слаба и непродолжительна. Дескать, настоящая артподготовка должна длиться несколько дней и нанести противнику существенный ущерб в виде разрушения фортификаций и гибели армейских чинов. Но мой командир штабс-капитан Минбашибеков уверен, что главная сила нашего манёвра не в артиллерийском огне, а в мужестве солдат и ещё во внезапности. На том и стоим!...»

«Наш 153-й пехотный полк в составе 3-го батальона и 2-х рот 4-го батальона под командой самого смелого из всех командиров Даниил Бека Пирумова наступал для штурма форта Далангез с севера. Сторожевые части турок встретили нас ружейным огнём. Но мы, смяв турок, безостановочно шли вперёд. Приблизившись к стенам с севера и с криками «ура!» бросились на боковой северный фас. Впереди шла 10-я рота под командой поручика Новлянского. Он первый вскочил на бруствер и тут же был убит. За 10-й ротой следовали остальные во главе с Пирумовым. Турки приняли нас в штыки. К рассвету 30 января форт нами взят, и я пишу эти строки в его каменном каземате. Свод сотря-

сается над моей головой от попадания и разрывов турецких снарядов. Струйки потревоженной разрывами земли сыплются на страницы дневника. Я почти оглох от грохота, но при всём том я счастлив, как никогда, потому что военная удача сопутствует нам...»

«...С раннего утра нас разбудил пулеметный огонь противника. Через ¼ часа наша позиция была усеяна шрапнельным огнем, и так продолжалось до вечера. И по сей час турки все более и более жарят шрапнельным огнем...»

«...Сегодня, 30 января, был у нас бой, страшный, сильный. Турки во что бы то ни стало хотели отбить форт и направили на один только правый наш фланг три полка. С 9 часов утра 30 января началась небольшая ружейная перестрелка, затем показались неприятельские колонны, и тут начался настоящий ад. Снаряды турок прямо-таки засыпали всю нашу позицию. Не было ни одного места, где не падало снарядов и пуль. Турок раза в три было больше нас, но нам приказано держаться на своих позициях и не отходить. Часов в 12 дня наш правый фланг немного дрогнул, ибо офицер был ранен, и рота осталась без офицера, и стала было отходить, но вовремя ее поддержали, и она заняла вновь свою позицию. В этом бою был убит капитан Слипка пулею в рот и ранены капитан Стерляев, подпоручик Медведев, которому пуля пробила полушубок и слегка ударила левый сосок. Турки целый день тяготили на наш правый фланг и засыпали снарядами весь наш фронт. Все атаки турок были отбиты, и к вечеру стрельба затихла. Форт остался за нами. Масса турок было убито и ранено на нашем правом фланге, у нас потери были также значительны. В этот день обедать не пришлось, и только к вечеру смогли пообедать.

Сегодня же подвезли хлеб, но в незначительном количестве, так что пришлось на брата по одному фунту. Соли же до сего времени не было. Нет возможности для подвоза патронов. У большинства остались только ручные гранаты...»

* * *

Мейер проводил меня к началу тропы. Мы поочередно тащили упирающегося ишака. Животное прядало огромными ушами и издавало странные утробные звуки, больше всего напоминавшие хрюканье. Многие в жизни повидав, имея в собственности в прекрасном конном заводе дюжину ахалтекинских жеребцов и небольшой табун высокопородных кобылиц, я ни разу не имел дела с ишаками. И вот, испытав на себе все притеснения ослиного упрямства, мы с Мейером добрались до места расставания. Спину нашего лопоухого мучителя покрывала тёплая попона. К его крутым бокам были приторочены ящики с патронами. Часть боекомплекта поместили в мой заплечный мешок. Туда же Мейер положил немного еды и горячее питьё в термосе. Зная наверняка, где пролегает граница между жизнью и смертью, ишак замер в том месте, где дорожная колея превращается в едва заметную тонущую в сугробах тропу, ведущую в ущелье Мох-оглы и далее к форту Далангез.

— На пути ты увидишь страшные виды, — проговорил Мейер.

Я посмотрел в лицо друга. Его ресницы и брови покрывал иней. Глаза слезились на морозе. Без лётного шлема и очков его лицо казалось мне слишком беззащитным и каким-то чужим. Он снял зачем-то свои краги и теперь потирал зябнувшие ладони.

— Многие пытались пройти в Далангез и все погибли. По обочинам этой тропы мертвецы... Мертвецы, Адам. Пролетая достаточно низко, я видел их. Но ты пройдёшь.

— Господь мой всемогущий! Не сомневайся, я пройду. Святой Владимир с мечами будет светить мне во мраке, — ответил я, без излишнего пафоса пожимая ему руку.

Обнажённая его ладонь оказалась вопреки ожиданиям горячее, сухой и твёрдой. Такой ладони не страшен никакой холод.

— Пусть твой меркантилизм станет залогом твоего выживания, — по его обветренному лицу мелькнула скупая немецкая улыбка.

— Меркантилизм? Господь мой всемогущий! После войны жизнь продолжится. Надо будет зарабатывать деньги. В таком деле Святой Владимир с мечами — большое подспорье.

Друг не рассмеялся, а только вздыхал в ответ.

— Ну? Прощай? — проговорил он после непродолжительной паузы.

Мейер уже натянул свои краги, хлопнул невозмутимого ишака по крупу, отступил на шаг. Я посмотрел в закипающую пургу. Где-то совсем неподалёку грянул разрыв. Длинные уши ишака дрогнули.

— Эх, не купеческое это дело! Во что ты ввязался, Адам?

— Оставь. Если уж я летал с тобой на аэроплане, то с обледенелой тропой как-нибудь справлюсь.

— Эх...

Я ещё раз без страха посмотрел в пургу, где-то в её белом брюхе рвались, сея смерть, снаряды. Однако же

где-то над нею, разливая моря самых благодетельных надежд, ярко светило полуденное солнышко.

— Ты перекрестил бы меня на прощанье...

— Не могу. Не умею. Мы с тобой сейчас стоим перед лицом смерти, а в такие минуты взгляды не меняют.

— Господь мой всемогущий тебе судья, немец.

— Я и ты — мы оба русские, потому что воюем на русское дело. А что до Бога... Я был на небе, мы оба там были... но я Бога там не видел.

Его объятие было порывистым и недолгим. Минуло ещё мгновение, и я переступил черту жизни и смерти.

Я не слышал свиста шрапнели. Я не почувствовал боли, хоть и понимал, что моя правая рука перестала слушаться моей воли, потому что практически отделилась от тела. Боль пришла через несколько мгновений, тогда, оглушенный, я рухнул под копыта проклятого ишака. Господь мой всемогущий, да эта скотина, наверняка магометанского вероисповедания, смотрела на меня сверху вниз и с саркастической ухмылкой. «Святой Владимир с мечами тебе уже не светит», — казалось, говорила она. О, если вы не видели, как ухмыляется ишак, то вы ничего не знаете о сарказме...

Между тем мир погрузился в серые сумерки, и я отчётливо видел только морду своего последнего товарища и собственную руку, всё ещё сжимавшую уздечку. Меня ранило скорее всего в плечо, но нестерпимо болели почему-то именно пальцы. Я попытался разжать их, но мне не удалось этого сделать. Тогда ишак опустил голову. Вместе с его головой опустилась и моя рука. Он широко раздувал ноздри, обнюхивая пропитанный кровью снег. Над сугробами стелилась колкая

позёмка, но мы с ишаком не слишком-то страдали от пронизывающего холодного ветра, потому что находились на занесённой снегом тропе, прорубленной меж глубочайшими сугробами. О да! Зима бывает суровой не только в России. В горной Армении она тоже весьма и весьма холодна. Перед отправкой меня в мой странный и героический поход поручик Мейер измерил температуру и скорость воздуха своими замечательными приборами. Результат замеров показал температуру ниже пятнадцати градусов по Цельсию, а скорость ветра такова, что даже при хорошей видимости аэроплан никак не может подняться в воздух. Выходит, никто не пролетит над ущельем Мох-оглы, никто не заметит меня и ишака на окровавленном снегу.

Пронзительный свист и грохот разрыва вывел нас с ишаком из оцепенения, обрушив на нас целый водопад колючих и пронзительно холодных снежинок. Эдак разлёгшись под копытами ишака, я, пожалуй, заморожу себя и его, если, конечно, нас обоих не сразит новый заряд шрапнели. Надо продолжать путь...

Ах, я бестолочь! Забыл... Улёгся! Почил на лаврах, но каких! Я обязан, я должен, я могу доставить патроны гибнущему полку Пирумова в форт Далангез! Преодолевая слабость и боль, опираясь на понурого ишака, я поднялся на ноги. Попробовал стоять, полужёжа на припорошенной снегом спине своего товарища. Ишак беспокойно переступал с ноги на ногу. Наконец он неспешно вышел из-под меня и потащился вверх по тропе, подгоняемый страхом, орошаемый водопадами снега вперемешку с мелким камешником — довольно опасными осколками раздробленных снарядами скал. Преодолевая слабость и боль, я поплёлся следом. Собственно, я уже не мог двигаться самостоятельно.

Я лишь волочился за ишаком, цепляясь левой, здоровой рукой за ремни его сбруи. Да, я прекрасно осознавал и то, что тяжело ранен в правую руку, и то, что рана моя скорее всего смертельна.

Безусловно, моя собственная смерть значит для меня много больше, чем гибель какого-то там Бакинско-го полка. Сколько, бишь, там народу поляжет? Ах, все эти люди — солдаты. Их удел рисковать жизнью и погибать на поле брани, но вот полковника Пирумова по-настоящему жалко. Такой хороший человек. Смелый. Ах, впрочем, неужели Пирумов отважней Мейера или, положим, меня? Вот уж нет-с! Если уж определять иерархию смелости, то я должен стоять на верней ступеньке этой символической пирамиды. Кто же, как не я, проник в самое турецкого логово, в святая святых, в сераль самого Кемаль-паши. А дай мне волю, я проник бы и в личные апартаменты самого маршала Энвера... Боже, какая боль! Господи, помоги мне вынести её достойно! Не стонать. Не скулить. Не падать... Идти!

Снег колет мои мокрые от пота щёки, заставляя на них ледяной коркой. Господи Иисусе! Благодаря Твоей доброй воле этот ужасный снег запорошил тела мертвецов по обочинам этой тропы. Благодаря Тебе ни я, ни ишак не видим пугающих мёртвых тел. Однако я чую их. Они провожают меня своими мёртвыми взглядами в загробное царство.

Ишак тащит меня следом за собой вверх по скользкой тропе. За грохотом разрывов, в вихре поднимающейся позёмки я не вижу пути. Но мой лопоухий товарищ, похоже, хорошо знает своё дело. С безропотностью истинного подвижника он тащит и тащит по скользкому склону и меня, и ящики с патронами.

Стараясь не думать о гибнущем полке Пирумова и собственной смерти, я нахожу утешение в молитве. Слово за слово прочитал все пришедшие на память.

Вспомнились и слова, произнесённые Мейером: «Я был на небе, но Бога там не видел». Бедняга Мейер! Искалеченный человек! Но мысли о неверующем, но преданном друге быстро покинули меня, уступив место иным воспоминаниям.

Припомнился почему-то прозрачный и тяжёлый взгляд дядюшки. Его грузная фигура — и странно лёгкая притом, и стремительная поступь. И слова. Последние слова, адресованные грешному мне: «Негоже тебе втираться в дела военных, Адамчик. Война — не место для тщеславных целей. Воюют не за ордена, а за Россию, Царя и Отечество». А я понадеялся на Святого Владимира с мечами и вот умер... Умер!

Впрочем — нет!

Я ещё жив.

Жив!

А если это не так, то ещё лучше. Мёртвые не испытывают страха.

Слышал, говорили люди, будто в страшные минуты, когда больно и страшно, человеки если не к воле Господней уповают, то мамку родную кличут. Ведь слышал же я причитания безногого раненого солдата: «Мама! Мамочка!» Нешто и мне так попробовать? Ах, не получается. Нет в моей душе образа родимого. Похоронил мамку в раннем бессознательном возрасте. Тогда о чём вспомнить на пороге смертушки? Вдова Шель? Ах, что это за женщина! Обольстительна и на пороге семидесятилетия. Называет себя старухой из одного лишь кокетства. А на шестом десятке, бывало, округлые груди её выкатывались из корсета, как мячики. Мадам Шель

сама уважала старые французские вина провинции Бордо, но к завтраку не брезговала и игристым из Нового Света, где имела дачку. Она стала моей крёстной матерью, хоть никто и не верил в её материнские чувства. Впрочем, много ли любви надо еврейскому сироте, подобранному падкой до красивых мальчиков старой кокеткой с грязной панели? Но я её люблю, наверное, раз припоминаю перед отходом к Господу. Красивой её я не помню, но меня она пленяла. Да, помню, пленяла. Только вот не виделись мы давно...

Шаг за шагом тропа ведёт теперь вверх, к небу, выплёвывающему мне в лицо снеговые заряды. Вот сейчас снеговые тучи разымутся — и я увижу...

Бородатое, с обмороженными щеками, лицо предстает передо мной. Мохнатая шапка надвинута до бровей. Светлые глаза смотрят пронзительно и сердито.

— Так вот ты какой, Святой Пётр! — бормочу я. — А я-то о Владимире мечтал...

— Владимир убит нынче утром. Шрапнелью напавал. Не мучался. А я никакой не Пётр, а Евлампий Кочерыгин. Старшина.

Ночь настала внезапно. Белый снег. Ослиные уши и сбруя, и выкрашенные зелёной краской ящики с патронами, и пропахшая животным потом попона — всё расплылось, пропало, сгнуло. И стало так холодно! Ужас! Ужас, как холодно...

— Дьявол тебя раздери, старшина! Дьявол! Дьявол! — закричал кто-то срывающимся фальцетом.

— Я в аду. Всё врут про чёртовы сковороды и кипящую смолу. В аду холодно, адски холодно, — прошептал я.

— Прекрати, Дерипаска! Сам едва жив, а чертыхаешься, как нехристь. Эй ты, герой. Назовись.

— Сам ты едва жив, старшина! Посмотри на осла. Не задело ли его шрапнелью.

— Да вроде цел. Сохранил Господь свою ослицу.

— Да какая там ослица... Смотри, ящики. Ах! Патроны! Ваше высокоблагородие! Патроны! Патроны!

— Не шуми, Дерипаска. А кто этот мужественный воин? Часть? Чин? Опросить. Перевязать.

— Он молчит. Отходит, видать.

— Да он весь в крови. Дерипаска, тащи чем там перевязать.

— Ан нечем.

— Так сними с мертвеца рубаху.

— Дьявол! Чёрт ты, Евлампий! С окоченевшего мертвеца рубахи сам поснимай!

— Отставить скандал, Дерипаска. Иванов! Раздать патроны!

— Есть, ваше благородие!

— Несите его под крышу. Безвестный герой. Помер, а имя спросить не успели. Дерипаска! Иванов! Раздать патроны! Ребята! К бою! Подпускать турка ближе. Стрелять наверняка. Ничего, ребята! Теперь отобьёмся!

* * *

Февраль 1915 года. Крепость Эрзерум. Рукописный журнал военных действий 153-го пехотного Бакинского Его Императорского Высочества Великого князя Сергея Михайловича полка.

06 февраля 1916 года

«Я, выживший в ужасной по ожесточению схватке на форт Далангез, Василий Дерипаска, ефрейтор 153-го Бакинского полка, веду эту запись по завершении кро-

вопролитного сражения, в котором Господь наш присудил мне выжить. Нас осталось мало — покорителей и защитников форта Далангез, и я, один из них, пишу эти строки, греясь у огней горящей крепости Эрзерум, у интендантского склада 3-й турецкой армии, подожжённого снарядами нашей артиллерии.

Записи в журнале прервались на ночном штурме форта Далангез, имевшем место быть 30 января 1916 года. Последняя запись сделана при свете коптящей лампы в подземелье взятого нами форта. При грохоте рвущихся турецких снарядов, отчего на мою голову осыпалась струйками земля. Возвращаясь воспоминаниями к событиям того страшного и героического дня, отирая со лба кровавый пот сражения за форт Далангез, пишу я эти строки.

Дело было так. На рассвете 30 января 1916 года мы, бойцы 153-го Бакинского пехотного полка под командой Даниил-Бека Пирумова, подсчитали убитых и раненых. При штурме форта полк понёс значительные потери. В том числе пало много офицеров и унтер-офицеров. Точное число убитых для записи в журнал мне не представлено, а сам я подсчитать их не имел возможности, потому что вместе с товарищами постоянно был занят отбиванием турецких атак, кои, как морские валы в штормовую погоду, накатывали одна за другой и низвергались, отринутые нашим мужеством. Мой командир штабс-капитан Минбашибеков убит при отражении одной из турецких атак — это мне достоверно известно, потому что сам вынес его бездыханное тело из-под огня. Потери нижних чинов никто и не пытался пока сосчитать, но они значительные. Однако убитых прибрали и сложили в одном из помещений форта.

К утру полковник Пирумов привёл в порядок части и организовал оборону форта. Мы залегли, отбиваясь от турок ружейным огнём. Отправка раненых в тыл дивизии пока оказалась невозможна из-за сильного обстрела со стороны крепостной и полевой артиллерии турок. Дым сражения застил небо, и мы проглядели утреннюю зорьку. Однако, когда день Божий настал, мы узрели над собой огромные крылья аэроплана. Аппарат летел низко. Шума моторов не было слышно за разрывами. Мы воодушевились, ведь наш успех и наши потери не останутся незамеченными. Через некоторое время — точный час я не заметил, так как был постоянно занят отбитием турецких атак, — на нашу позицию всё же удалось пробраться фельдъегерю от самого командующего с безоговорочным приказом: удерживать форт во что бы то ни стало. Сей отважный офицер также сообщил нам о том, что доставка боеприпасов и подход подкреплений затруднён ураганным огнём турецкой артиллерии. Сказав так, фельдъегерь отправился в обратный путь. Через несколько минут многие из нас со скорбью наблюдали его геройскую гибель при разрыве турецкого снаряда.

Полковник Пирумов передал по цепи приказ командующего.

Между тем огонь крепостной и полевой артиллерии всё усиливался. Нас буквально засыпало дождём снарядов. Считать убитых перестали. Раненых выносили кое-как, и они долго ждали перевязки. Многие умирали от ран. Между тем под покровительством нарастающего артиллерийского огня турки бросились атаковать форт. Мы отбивали одну атаку за другой, постоянно теряя людей. Через некоторое время мы поняли, что действительно оказались отрезанными от

остальных сил корпуса плотным орудийным огнём. Оставалось надеяться только на себя. Полковник Пирумов призывал нас к стойкости, и мы стояли насмерть. Кровавый день клонился к вечеру, и уже едва ли не каждый из нас был ранен. Получил лёгкую рану и я — слегка задело шрапнелью мякоть на ляжке правой ноги. Рана ерундовая, но кровищи натекло в сапог изрядно. При восьмой или девятой турецкой атаке, когда я грешным делом думал, что нам каюк, полковник Пирумов обошёл цепь стрелков, повторяя каждому одни и те же слова: «Мы — русские. С нами Бог. Так с молитвой победим. Подпускайте противника ближе. Берегите каждый патрон. Не останется патронов — колите штыками».

При одной из атак мы действительно приняли противника в штыки. Кажется, то была седьмая из восьми отчаянных атак, обрушившихся на нас в тот день. Да и как быть иначе, если патронов ни у кого уже не осталось. С криками «ура!» мы выскочили из укрытий на окровавленный снег. Мы сражались, прикрываясь телами убитых наших товарищей и врагов, которыми был усеян весь склон. Не выдержав нашего натиска, турки побежали. Так мы отбили атаку.

Патронов у нас не оставалось совсем. Нашлось только несколько ручных гранат. С ними мы и приготовились отбивать очередной штурм, который неминуемо должен был последовать. Полковник Пирумов призывал нас к честной молитве. И мы молились Господу нашему Иисусу и Матери нашей Честной Богородице. И молитвы воинов были услышаны.

Спасение пришло в виде странного человека, пробовавшегося к форту с осликом в поводу. Прибывший был одет, как курдский крестьянин, но при этом

страшно изранен осколками шрапнельного снаряда. Одна из ран имела совершенно устрашающий вид. Невозможно было понять, как мог двигаться этот истекающий кровью человек с напрочь оторванной правой рукой, которая не отделялась от тела только лишь потому, что была засунута в рукав тулупа. Сделав прибывшему кое-как перевязку, мы сняли с ослика ящики с патронами. Тем временем наш спаситель скончался на руках у полковника Пирумова, успев прошептать только своё имя «Адам Ковших» и просьбу помянуть его по православному обычаю. Так мы остались с его бездыханным телом на руках, зато вооруженные и готовые к отражению новых атак неприятеля.

Подсчитав бойцов, полковник Пирумов понял, что буквально каждый из нас имеет рану разной тяжести. В цепь залегли все, кто мог ещё ходить, но нас оказалось слишком мало. Тогда лежащие раненые попросились в строй. Мы вынесли на позиции тех, кто не мог самостоятельно передвигаться. Вложив им в руки заряженные ружья, мы приготовились к отражению очередной атаки. Раны наши кровоточили и болели, но настроение у всех было самое решительное.

А турок обманулся. Придя к ошибочному заключению о том, что у нас совсем уже не осталось патронов, неприятель кинулся на очередной штурм слишком уж беспшибашно и открыто. Ответом ему стал наш дружный, несущий неминуемую смерть, залп. Турки валились на истоптанный кровавый снег мёртвыми снопами. Военная удача снова, в который уже раз, оказалась на нашей стороне. Враг бежал. Отступил окончательно, оставив в наших руках форт Далангез — ключ к эрзерумской позиции».

* * *

Последнее письмо поручика Мейера к его невесте Ленни Фишер из города Гродно. Писано в городе Хасан-кала:

«Уверен, что это письмо ты получишь одновременно со всеми предыдущими, писанными мною тебе из села Караурган. Не удивляйся этому обстоятельству. Всё объясняется одним словом: СЕКРЕТНОСТЬ.

Теперь, когда дело кончено, я имею право объяснить тебе всё.

Во-первых, операция по захвату Эрзерума частями отдельной Кавказской армии окончилась полным успехом России или, если угодно, сокрушительным поражением турок.

Во-вторых.

Подготовка к Эрзерумской наступательной операции показала высокую штабную культуру помощников Николая Николаевича Юденича.

Сначала был распушен слух о намечавшихся якобы ранней весной наступлениях Ван-Азербайджанского отряда и экспедиционного корпуса Баратова совместно с англичанами в Месопотамии. Для убеждения турок в правдивости этой дезинформации прибегали в самым различным методам. Например, в Иранском Азербайджане закупили огромное количество верблюдов для обозов. Одновременно там же закупались гурты скота для питания войск, пшеница и фураж. Наш друг Адам Ковших поставлял в Иранский Азербайджан сахар, который интендантская служба генерала Баратова обменивала на всё тот же скот, пшеницу и фураж. Скорее всего, это просто байка, но очень уж красивая — и хочется в неё верить.

Оперативники армейского штаба, при содействии всё того же Адама Ковшиха, для дезинформирования турок устраивали целые игры. А наш друг Адам Ковших особо отличился и тут. Насколько мне известно, подсунил турецкому командующему Камиль-паше какую-то особо привлекательную черкешенку из числа цирковых гипнотизёрок.

В завершение несколько горьких слов об Адаме, который был щедрым другом и которому я столь многим обязан. Адам Ковших героически погиб, пытаясь сделать то, что не удалось сделать ни мне, ни нескольким другим героям. А ведь я совершил несколько попыток. Пролетая над фортом Далангез, я пытался сбросить на позиции, защищаемые нашим героическим 153-м Бакинским полком, ружейные патроны. Свои рейсы я совершал под плотным огнём турок. Крылья и корпус моего «ньюпора» получили множество пробоин. Я пилотировал аппарат, совершая акробатические па в воздухе под свист пуль, но в итоге весь груз приземлился не там, где следовало. Однако мой риск не был напрасным. Барражируя на низкой высоте, я произвёл не только разведку вражеских позиций. Моему приметливому взгляду открылись все тропы, ведущие к форту. Мне удалось заметить и несколько труднопроходимых тропинок, ведущих по уступам почти отвесных склонов. В таких местах не всякий человек пройдёт. Но ты же знаешь нашего Адама. Участвуя в трансатлантических парусных регатах, он выполнял самую простую матросскую работу с рангоутом, такелажем и парусами. Свойственное ему абсолютное бесстрашие, питаемое иногда его иррациональной верой, а порой и самым смешным тщеславием, позволяло ему

работать с такелажем на огромной высоте при сильном волнении и штормовом ветре.

Так вышло и под Эрзерумом. Узнав от меня о существовании труднопроходимых троп, Адам буквально ринулся в бой. Он был готов совершить солдатскую работу ради... — нет, ты будешь смеяться! — ради получения ордена Святого Станислава 3-й степени с мечами и бантом. Точно такой орден получил и я за разведку и бомбометание 10 февраля 1915 года. Так вот, точно такой орден непременно желал получить наш Адамчик. Представь себе, он торговался за него с командующим, выгадывая для себя наиболее благоприятные условия для совершения ПОДВИГА! И он совершил его, свой подвиг, доставив гибнущему в форте Далангез 153-му пехотному полку ружейные патроны. Адам прошёл с осликом в поводу по тем тропам, по которым ты или я вряд ли смогли бы пройти. Так Адам получил свой орден. Командующий представил Ковшиха к награждению орденом Святого Станислава 3-й степени с мечами и бантом посмертно. Представление уже отправлено в Могилёв, и теперь мы ждём благоприятного ответа...»

Глава восьмая
ЭРЗЕРУМ
(рассказ генерала от инфантерии
Николая Николаевича Юденича)

Эрзерум — город как город. Одно слово: туретчина. Кривые улочки разбегаются во всевозможных направлениях, образуя головоломный лабиринт. По бокам улиц, там, где полагается быть тротуарам, бегут смрадные ручейки городских стоков. Воздух пахнет далеко не розами и не морозной свежестью. Масловский ворчит что-то о «тёмном средневековье». Действительно, улочки порой настолько узки, что верхние, выступающие над нижними этажи смыкаются над головой, загораживая небо. Дома в городишке разные. Среди вполне приличных, наводящих на мысли о своеобразном, не чуждом русской душе восточном уюте, попадаются и несусветные хибары. Улицы, лишь кое-где мощёные, в основном представляют собой каменистую ухабистую колею. Мейер ведёт автомобиль умело. Верхняя часть его лица под низко надвинутым козырьком фуражки прикрыта лётными очками. Стил его вождения кажется мне весьма рискованным. Из-под колёс несущегося по кривым улочкам авто прыскают обескураженные обыватели: фески с кистями и без кистей, ермолки, какие-то несусветные картузы самого турецкого фасона. Мейер закла-

дывает головокружительные виражи, а мы с Масловским на заднем сиденье самым скандальным образом, подобно набитым соломой чучелам, валимся друг на друга. Следом за нами, едва поспевая за Мейером, несётся мой весьма почётный эскорт — казачья полусотня с подъесаулом Зиминим во главе. Злая морда его крапчатого коня время от времени возникает у моего правого плеча. Конь грызёт мундштук и скалится, желая ухватить зубами меня за плечо. Есаул натягивает узду. Кричит: «А ну, стерва, не балуй!», чем вносит ещё большее смятение в малолюдные стайки встречающих нас горожан. Замыкает мой эскорт подъесаул Матвей Медведев, сам огромный, орденские планки закрыты седеющей бородой, мохнатая шапка надвинута на глаза. Бурка покрывает его плечи, спину и круп коня. Матвей по праву носит свою фамилию, потому что действительно похож на старого медведя. Левая его рука покоится на луке седла. Правой он сжимает древко стяга с ликом Спаса Нерукотворного. Полотно чёрного стяга треплет морозный ветер. Лик Спаса сумрачно хмурится, глядя на жмущихся к стенам своих домов турок. Кое-кто из обывателей всё-таки кланяется. Некоторые даже подбрасывают в воздух ермолки. Так, на всякий случай. Матвей горделиво посматривает на толпу из-под своей косматой шапки. Подъесаул терского войска знает, что представлен к награждению Георгиевским оружием, и вечером этого для я, командующий Закавказской армией, лично буду раздавать своим воинам награды.

В целом картина нашего победного въезда в Эрзерум напоминает мне карикатуру из английской «The Times». Я посмеиваюсь. Масловского злит моя ирония, что и понятно — слишком велики наши потери. К тому

же этот штабной шпак всерьёз боится коня подьесаула Зимина.

Лебедев сидит на переднем сиденье рядом с Мейером. Приятно видеть этого всегда самоуверенного фёрзя смущённым. Рёв автомобильного двигателя, и тряска, и экзотический вид обывателей на улицах незнакомого города — всё кажется ему не только странным, но, возможно, и пугающим.

— Тоже мне стратегический пункт! — бормочет он. — Даже железной дороги тут нет. Даже речки какой-нибудь с пароходами. А турок-то сколько! Господи Иисусе! Кругом буквально одни турки!

Лебедев бормочет, самым недвусмысленным образом выражая своё недовольство объектом наших притязаний. Мейер резко выворачивает руль, и наш автомобиль, выполнив очередной чудовищный вираж, юзом выскакивает на небольшую площадь перед мечетью.

Пилот жмёт на педаль. Тормоза визжат. Нас с Масловским бросает вперёд. Женя взрывается:

— Осторожней, поручик! Не мешки с мукой везёте!

Лебедев, ухватившись обеими руками за торпеду, таращится на огромное серого камня здание с иглой минарета над покатой крышей. Он морщит нос, крепится, сплёвывает, но пока помалкивает, принимая во внимание моё присутствие и уважая моё неприятие любых проявлений ксенофобии.

— Законченная в 1179 году Улу-джами Большой мечетью была прозвана буквально, а официально называлась мечетью Атабека. Громоздкая снаружи, она впечатляет внутри — по сути это и не здание, а огромный (50 на 50 метров) крытый двор, тёмный каменный лес со стволами пилонов, мхом мягких ковров и кронами куполов над головой, — проговорил Масловский.

— С Большой мечетью соседствует медресе Чифте-Мнерли, — подхватил Мейер. — Двухминаретным так же прозванное буквально, а официально называвшееся Хатуния. Иначе говоря — медресе царевны: его построила в 1253—1291 годах Худавенд-хатун, дочь румского султана Кей-Кубада, восстанавливая Эрзерум после разрушения в 1242 году монгольским военачальником Байджу. Двухминаретное медресе несколько меньше Большой мечети — и всё равно крупнейшее в Восточной Анатолии. Посмотрите вон на тот терракотовый конический купол. Это мечеть медресе, которая стоит как бы за пределами его основного двора и впечатляет своей совершенно мавзолейной архитектурой. Далее за медресе мы действительно видим мавзолеи старого кладбища. Николай Николаевич, посмотрите на те три купола. Кладбище Уч-Кумбетлер считается некрополем Салтукидов, хотя на самом деле таковой покоится лишь под одним из трёх куполов — самый красивый на кладбище мавзолеев с характерной «пиксельной» кладкой был построен в 1168 году для эмира Салтука, то ли сына, то ли внука Абуль-Касима. Под острыми куполами — правители совсем иной эпохи: Байджу-нойона. Румский султанат в союзе с Румской империей сумели отогнать, но войну за Закавказье он только начинал, а монголы в ту эпоху не проигрывали войн! Чингисханов внук Хулагу покорил Переднюю Азию и Ближний Восток и провозгласил в 1256 году свою собственную империю со столицей в Тебризе. Хубилай из далёкого Каракорума, решив, что Хулагу обосновался слишком далеко, чтобы воевать с ним, дал брату титул ильхана, по которому Хулагидская империя вошла в историю как Ильханат. Эрзерум в 1295 году стал её провинцией,

а стало быть, в этих мавзолеях XIV века покоятся его наместники.

— Ничего особенного, — произносит Лебедев. — Точно такие мавзолеи я видал на татарских кладбищах в Самарской губернии.

— Придержи язык, Лебедев. Нам нужен мир с местными, — говорит Масловский, протирая запотевшие стёкла пенсне.

— Да я, ваше превосходительство, одного солдатика всё мимоходом поминаю. Сгинул ведь неизвестно в этой пучине. Эх, помянуть бы, да не христианского он исповедания. А к мулле мне, православному, грех и приближаться. Или как прикажете? Если есть мечети, то при них непременно и мулла имеется. Пойти заказать молебен? Или как прикажете?

— Лебедев, отставить! — Масловский кривится, и мина эта очень не идёт к его доброму лицу.

Щеки его порозовели от гнева.

Между тем Зимин уже соскочил с седла и уже рванул на себя дверцу автомобиля, отдавая мне честь. Шпоры, портупья, шашка в узорчатых ножнах — всё на нём ладно. Карабин и пика приторочены к седлу тоже ладно. Георгиевский крест выглядывает из-за полы бурки. Движения подьесаула красивы, размашисты. Всё напоказ ошеломлённым обывателям. Через минуту занавес закрывается, и мы стоим, скрытые от посторонних глаз облаками пара, выдыхаемого нами самими и казачьими лошадьми. Нещадно дымит и выхлопная труба автомобиля. За синеватой завесой мелькают неясные тени. Казаки спешились. У каждого винтовка со взведённым курком. Зимин не снимает правой руки с эфеса шашки. Недавно произведённый в офицерский чин, он при-

вык рубиться, но не привык ещё командовать, оттого на душе у него беспокойно.

— Ваше высокопревосходительство, — говорит Лебедев, — штаб организовали вот в этом доме.

Он указывает на основательное двухэтажное каменное здание под конусовидной крышей с небольшим балконом на втором этаже. На таком балконе хорошо курить, любуясь заснеженными отрогами горы Палан-докен.

— Выбрали его из-за того, что во дворе есть форменный гараж — место, где можно поставить автомобиль, — сказал Мейер.

Я оборачиваюсь к Мейеру.

— Вы останетесь при штабе, поручик?

Мейер, стягивая с рук краги, медлит с ответом.

— Мне на Далангез съездить, — говорит он наконец. — Там тело Адама Иосифовича надо забрать.

Вот это дело! А ведь раньше наш пилот моего «племянничка» иначе как «Дамкой» не величал. Придумал для человека собачью кличку, любитель Чехова...

— До вечера успеете обернуться?

Мейер мнётся.

— Ваше высокопревосходительство, позвольте обратиться!

Зимин делает шаг вперёд. Салютует.

— Слушаю, подьесаул.

— Позвольте нам вместе. Мы с Мейером приятели, и я хотел бы... если верхами до форта скакать, то точно к вечеру успеем!

— Тогда уж и я! — вторит Зимину возникший из дымовой завесы Медведев. — Вместе его подвиг замыслили, вместе и оплакивать Адама будем. Выходит, мы друзья теперь.

— Думаю, надо пойти навстречу, — быстро и в явном волнении шепчет мне Масловский. — Если верить донесениям — а не верить им нет никаких оснований, информация от самого Пирумова, — Адам Иосифович совершил подвиг и погиб геройской смертью. Это без шуток, Николай Николаевич!

Я вздыхаю:

— Какие уж там шутки... Да кто из вас не герой-то?

— Да, мы понесли большие потери, но поступок Адама Иосифовича... он... словом, это подвиг...

Зимин и Медведев смотрят на меня не мигая. У обоих бороды побелели от инея. У обоих щеки отморожены. Зимин к тому же слегка ранен, вон как руку неловко держит. Ну как таким откажешь? А Адама жалко. Такой живой был человек. Ах, как жалко... А тут ещё и Лебедев опять встречается:

— Ваше высокопревосходительство, разрешите обратиться? Вашбродь!.. А я? А мне? Подвиг-то... геройство... возьмите меня с собой!

— Что тебе? На форт Далангез надо, Лебедев? — грубовато отвечает Медведев.

— А то как же? Надо! Посетить места особого геройства и победоносного служения.

Я смеюсь уже открыто. Победа под Эрзерумом способствовала трансформации Лебедева из циника-недоучки в патриота.

Ну что с такими поделать? Вынужденно соглашаюсь отпустить всех за исключением Лебедева, без которого моему штабу никак не обойтись. Наказываю вернуться засветло и направляюсь к зданию штаба, где возле двери под армейским штандартом уже выставлен казачий караул.

Лебедев выхватывает из багажника автомобиля какие-то кофры с самым необходимым штабным имуществом. Бедняга делает вид, будто вовсе не обижен, но я-то знаю, как хочется ему отправиться вместе с товарищами на возможно опасную и безусловно скорбную прогулку за телом моего погибшего «племянника». Адамчик без сомнения герой и достоин самых высоких воинских почестей, однако жизнь идёт вперёд, и наша работа должна продолжаться...

Мыслям моим мешает сумятица, царящая на площади, куда уже вкатилось несколько обозных телег со штабным имуществом. На одной из них я замечаю сияющий надраенной латуною бок самовара. Мучительно хочется чаю и курить. Я тороплюсь к своему новому штабу. Раздосадованный и основательно нагруженный Лебедев тащится следом за мной.

— Голубчик, как можно скорее разобрать вещи и... самовар. Самым срочным образом самовар, — бросаю я на ходу.

Оперативно поменяв досаду на озабоченность, Лебедев бросается сначала в штабные комнаты, откуда выкатывается уже с пустыми руками. Отдав честь мне и Масловскому, торопится к обозникам.

— Аллилуйя! Аллилуйя! — вопит этот несуразный человек.

Мы с Женей входим в наш новый штаб. В помещениях выстужено так, что виден пар от дыхания.

Наш новый штаб — обычный турецкий дом. Каменная кладка перемежается с деревянными брусьями. Подобная конструкция делает постройку более пластичной. Таким образом турки строят дома по всей восточной Анатолии, где зимняя стужа сменяется летним зноем и уже в октябре лужи покрываются первым

ледком. По левую и правую сторону от тяжеловесной входной двери, на пеньковой верёвке, прикреплено по деревянной колотушке. Стук левой колотушки по металлу адресован мужской половине жильцов, а правой колотушки по дереву — женской. Сам дом состоит из нижней хозяйственной и верхней жилой половины. За тяжёлой входной дверью расположены сени, где под лестницей, ведущей на второй этаж, расположена низенькая дверь кладовой. Кладовая — холодная проходная комната, за которой расположена святыня турецкого дома — тандырбаши, или кухня под ступенчатым куполообразным потолком с небольшим круглым потолочным окошком. Тут расположен и вечно пылающий камин, и резные полки с разнообразной латунной и медной утварью. Тандырбаши — самое тёплое место в доме. Стенки камина, также имеющие куполообразную форму, раскаляясь, обогревают весь дом.

С первого этажа на второй ведёт усталая потёртыми разноцветными коврами лестница. Я трогаю рукой шаткие, отполированные временем перила. На стенах, кроме хозяйских портретов и символа османов — пятиконечной звезды и полумесяца на красном фоне, — с изумлением вижу двуглавого имперского орла. Знамя старое, с обтрепавшимися краями, скорее всего, наследие предыдущей русско-турецкой кампании. Ну что ж, на этот раз мы взяли реванш.

Верхний этаж дома по местному обычаю делится на женскую и мужскую половины. Над нашими головами деревянные потолки с вычурной резьбой в староосманском стиле. Самая богатая и уютная из всех комнат предназначается для гостей. На стенах, полу, скамьях — повсюду мягкие ковры из ворсистой шерсти. На стенах кроме ковров и разнообразного холодного

оружия в узорчатых ножнах вижу лыжи и всевозможных модификаций снегоступы. Как же без них? Мы ведь в Турецкой Сибири. Гостевая комната дополнительно обогревается жарко натопленной буржуйкой. На широком деревянном подоконнике чудо из чудес — медный, чеканный сверкающий самовар, именуемый в здешних местах «семевером». Рядом с ним на пылающей спиртовке — и когда же это Лебедев успел? — медный же заварной чайник. Пахнет дымком и пряными травами, добавляемыми по местному обыкновению в заварку. Лебедев хлопочет. Руководимые им казаки уже устанавливают мой походный рабочий стол между буржуйкой и окном. Стол Масловского — возле двери. В соседней комнате на мужской половине дома они установят мою койку. Штаб расположится на женской половине.

Женя Масловский, по обыкновению не отстающий от меня ни на шаг, со свойственным ему ироническим интересом рассматривает настенные украшения типичного турецкого дома. Особо его восхищение вызывают лыжи.

— Вот бы господина Ковшиха сюда, — раздумчиво говорит он. — Устроил бы эквилибристический спуск на лыжах с горы Паландокен.

Оба мы с грустью вздыхаем. От военной работы человек черствеет. С годами горечь утраты притупляется. Смерть на войне — явление частое, я бы даже сказал обыденное, но гибель Адама, его геройство...

— Всё-таки, Николай Николаевич, я заметил: нет ничего теплее русской избы... Как-то там наши на Юго-Западном фронте? — пытаюсь разрядить обстановку, произносит Масловский.

— Там-то уж по-настоящему жарко, не сомневайся, Женья, — отвечаю я. — Давай распределимся так: этот стол мой, а вот этот тебе.

— От окна дует, Николай Николаевич.

— Из двери — тоже. Так что по отношению к сквозняку мы с тобой будем на равных...

Сбросив с плеч шинель, Женья отошёл к окну. Я прикоснулся к железному боку небольшой печурки. Чуть тёплая. Я предпочёл не раздеваться, а дождаться, пока Лебедев затопит по-настоящему и разберётся наконец с самоваром. Однако мой ординарец не спешил присоединяться к нам.

— Аллилуйя! Аллилуйя! Победа же, победа! — кричал он где-то совсем близко.

Его крики заглушали выстрелы — казаки салютовали кому-то.

— Большие потери... — задумчиво проговорил Женья, глядя в окно. — Закоченевшие трупы вдоль дорог. Много трупов. Штабеля. Наши и турки. Похоронные команды не справляются...

— Что с тобой, Женья? Устал?

Подойти бы к нему, заглянуть в лицо, но невозможно пересилить себя и отойди хоть на шаг от чуть тёплой печки. А полковник Масловский справится. Чай, не мальчик. Где же Лебедев? Где этот реалист-недоучка и доморощенный циник? А с улицы снова и голосом Лебедева: «Брат ты мой! Живо-о-ой!!! Аллилуйя!»

— Я к тому, что Лебедев немного того... — Масловский обернулся ко мне, пенсне блеснуло. — Насмотрелся ужасов, вот и несёт его по кочкам. Может, и отойдёт, как вы думаете, Николай Николаевич?

— Надо кого-то послать... совещание... к вечеру прибудет сам Николай Николаевич Романов. Зови Лебедева. Без него как без рук.

Лебедев явился на зов скоро, но по-прежнему сам не свой и с охалкой хвоста в руках. Я сразу заподозрил у него тиф. Этого ещё не хватало!

— Тебя лихорадит, братец? — спросил я осторожно. — Не тиф ли?

— Никак нет, ваше сиятельство! Ура! Ура! Ура!

— Не кричи. Чаю нам с коньяком и какой-нибудь еды... и... прекрати балаган!

— Какой же вам ещё еды? — изумление Лебедева показалось мне совершенно искренним.

Вот только глаза его мне не нравились — слишком блестящие. Такой блеск придаёт глазам тифозный жар.

— Сегодня вечером банкет по случаю награждения героев, а пока хоть каши нам принеси от общего котла, — проговорил Масловский.

— Там с жеребятиной, ваше высокопреосвященство...

— Там не сбрендил ли? — возмущился наконец Женя. — Начитанный дурак! Напиться так скоро ты не посмел бы, да и не было у тебя возможности. Так возьми себя в руки. Перед тобой твои командиры! Отвечать по уставу!

Хворост с грохотом посыпался на пол.

— Господам офицерам, может, и не понять, а только радость меня до самого дна пробрала. Узнал, где у меня низ, — проговорил Лебедев и заплакал. — Сажайте в гауптвахту, ежели не по уставу... что угодно... да только рад я, потому что встретил Аллилуйю. Вот тут, на площади. Он с виду турок-турком, но как ко

мне кинулся! Как обрадовался! Он жив, жив, Николай Николаевич! Жив!!!

Тут уж и меня, как выразился Лебедев, «до дна». Кричу, себя не помня:

— Самовар! Коньяк! Кашу с жеребятиной! Галлиулу! Немедленно! Сюда! Исполнять!!!

Дверь тут же распахнулась, и Лебедева вынесло наружу, как выносит порывом сквозняка ненужную бумагу. Жду Галлиулу, волнуясь, как нашкодившая курсистка перед неизбежной взбучкой от классной дамы. Тот является в сопровождении довольного Лебедева. Галлиулу усаживают в кресло, подают чай, но тот настолько смущён, что, отказавшись от чая, самочинно пересаживается на табурет. Сидит на краешке, сомкнув колени. Стесняется, герой. Мы же с Масловским устраиваем ему форменный допрос. Как подал бумаги? Что видел? Как выжил? Герой порывается встать во фрунт. Хлипкий табуретec выскальзывается из-под его тощего седалища и с грохотом валится на пол.

— Сидеть! Долой субординацию! — рычу я, смущаясь.

И есть от чего!

При моей-то боевой закалке, высоком звании и должности, при полном отсутствии в характере какой-либо сентиментальности чувствовать на глазах предательские слёзы — это вам не чаю напиться с фарфорового блюдечка. Подчинённые мои при виде этой мокроты отворачивают лица. И у этих слезы оказались совсем рядом. А то как же? При таких-то потерях, когда некоторые полки выкосило почти целиком, застать в живых того, кто, казалось бы, выжить не мог никак. Увидеть в здравии героя, исполнившего свой воинский долг до

конца, это ли не трогательно? Это ли не счастье при наших-то обстоятельствах?

Откуда ни возьмись сбегаются штабные, обступают счастливого Галлиулу, ослепляют блеском регалий, орденских планок и оружия. А он-то, герой наш, в какую-то засаленную дребедень одет. Лапсердак штопанный. Обувь дырявая. Ермолка на голове вытерта совсем. Да и холодно в такой-то ермолке. Чай, Турецкая Сибирь не Трабзон и не Гагры. Как уши не отморозил, непонятно. На осунувшемся лице глаза, как кофейные блюдца, и таращатся на огромную плошку с кашей и стакан с дымящимся чаем в серебряном подстаканнике. Молодец Лебедев. Угадал моё желание. Не погнушался подать простому солдату генеральский прибор, а Галлиула, с застывшими от смущения глазами попеременно то отнекивался, то оправдывался невесть в чём:

— Я сыт, ваше высокопревосходительство. Не голодал. Кормили меня хорошо. Но я не предал. Клянусь Аллахом всемогущим, не предал! В мечеть ходил вместе со всеми. Соблюдал правила. Они поверили вашим бумагам. Аллах всемогущий ведает, как поверили!

В глотке у него пересыхает. Он кашляет, краснеет. Масловский суёт ему чай, добавив в него тайком знатную дозу коньяка. Галлиула хлебает из стакана, смущаясь видом генеральского подстаканника. Наконец, взгляд его теплеет. Лицо расслабляется. Коньяк помогает преодолеть смущение, и Галлиула говорит. Вот его рассказ.

* * *

Меня пленила кавалерийская часть — десять всадников с шашками и ружьями на красивых и злых конях. Теперь я думаю, что то были разведчики, но тогда

страшно перепугался и думал только о том, как бы не предать. Всё посматривал на их длинные кинжалы. Что стану делать, если ими резать меня начнут? Бумаги, данные его высокопревосходительством, отобрали сразу. Пытались читать, но без толмача разве такое прочтёшь? Один из всадников ускакал куда-то вместе с бумагами. А потом один из оставшихся всадников посадил меня позади своего седла, и мы двинулись совсем в другую сторону, не туда, куда ускакали бумаги его высокопревосходительства. Так меня доставили на бивуак в небольшое селение, где посадили в какой-то подвал. Меня недолго допрашивали. Не били, но двое суток продержали без пищи на одной только воде. В подвале я страшно мёрз. Холод заставил меня перестать бояться побоев. Наоборот, я мечтал о том, чтобы меня избили, лишь бы перестать мёрзнуть. Через два дня мне принесли огромный ломоть хорошо прожаренного и обильно приправленного специями мяса. За запахом жареного лука и специй я всё же признал свинину. Есть не стал. Вскоре мясо остыло и стало покрываться ледяной коркой. Меня трясло от холода. Брюхо свело судорогой, но к свинине я не притронулся. На четвёртый день пришёл старый турок. Цокая языком и одобрительно покачивая головой, он вытащил меня из подвала. Затем меня привели в хорошо натопленную комнату. Старуха, жена хозяина, принесла в ковше подогретого вина. Мне предложили выпить его, я отказался, хоть и замёрз совсем. Меня всё ещё трясло, но я предпочёл согретому вину тёплую каменку. Тогда старушка предложила мне лепёшек с сыром. Так я впервые за неделю наелся досыта, да и заснул мёртвым сном. Наутро старуха — турок, её муж, больше не появлялся — разбудила меня и снова дала подобающей

мусульманину еды. Наевшись, я предложил ей помощь по дому: набрать хвороста, ходить за скотиной, носить воду — я многое могу, мне многое по силам. «А ты не убежишь?» — строго спросила старуха. На это я ей ответил, дескать, в русскую армию возвращаться не хочу, а хочу остаться среди своих братьев-мусульман. Ещё рассказал ей, что в русской армии каждому батальону полагается православный священник, который служит молебны и отправляет прочие церковные требы. Павших и умерших в лазаретах хоронят по православному обряду. Для мусульман ничего подобного не предусмотрено. Также сказал я хозяйке, что слышал от своих братьев-мусульман, дескать, во всей Закавказской армии нет ни одного муллы. Упав на колени, просил я свою старую хозяйку оставить меня при себе. Хозяйка мне поверила, но при себе не оставила, а отдала своему старшему сыну — большому воинскому начальнику Атакару Касапаглу.

Я, попав в их дом, сразу же понял, что главной в их семье является старуха. Отдавала она меня вот как... Муж её — усатый сгорбленный старик — взял меня за руку и отвёл на единственную деревенскую площадь. Шагая рядом со стариком, я оглядел окрестные хмурые горы, с которых дует пронизывающий ветер. В то время снега ещё не было, но я смекнул, что если он выпадет, то зима скорее всего окажется не менее суровой, чем где-нибудь в центральной России. Однако старик привёл меня на площадь не за тем, чтобы я любовался горами. На деревенской площади на высоком, специально построенном для этого помосте огромный сильный свирепого вида длинноусый турок срубил кривым ятаганом голову русскому солдату. Я хорошо запомнил, как бородастая та голова упала с помоста на

подмёрзшую землю и как присутствующие на площади турки посмеиваясь принялись пинать её башмаками. «Это мой старший сын — Касапаглу-бей. Теперь он твой хозяин», — проговорил старик, указывая на свирепого турка с огромным окровавленным палахом. Я заплакал, но старик остался равнодушен к моим слезам, а посоветовал только молиться Аллаху, и я последовал его совету.

Касапаглу-бей — это такой воинский начальник, командующий большим кавалерийским отрядом турок. Турки эти — свирепые усатые и бородатые воины с ружьями, при саблях на хороших и злых конях. По нашему Касапаглу-бея называли бы сотником. И вот я стал его домашней прислугой. Делал всякую работу — то коня ему почисти, то воды принеси. Бегал и по поручениям. Вместе с его сыновьями ходил в мечеть. Ел с хозяйского стола ту же пищу, что и дети, и жены Касапаглу-бея. Через некоторое время я перестал бояться наказания или смерти отсечением головы. Перестал думать о том, как турки станут смеяться и пинать мою голову ногами.

Касапаглу-бей часто выпрашивал меня о повадках и обычаях русских, и я честно отвечал ему, дескать, в русском войске много терских казаков-староверов, которые истово чтут все церковные праздники и несоблюдение обычаев православия считают предательством веры. В праздник Рождества Христова, почитаемый наравне с православной Пасхой, ни один казак воевать не станет. Моим словам верили, ведь сам я показывал себя человеком правоверным, преданным заповедям Магомедовым...

Так провёл я время с ноября месяца по сей день в полной уверенности, что задачу свою выполнил

верно, ведь турки нападения нашей армии не ждали. Касапаглу-бей покинул своё село незадолго до нового года и в страшном волнении. Часть его сотни также была рассеяна по окрестным сёлам — всадников отпустили к семьям для отдыха. Пробирались к Эрзеруму по глубоким снегам и едва не перемерзли. В пути Касапаглу-бей посматривал на меня косо и обзывал «глупцом» и «горе-провидцем», но слова «предатель» или «лгун» он ни разу не произнёс.

По прибытии в Эрзерум Касапаглу-бей получил распоряжение от своего начальника о занятии боевых позиций. Позабыл сказать! У моего хозяина было двое взрослых сыновей. В возрасте шестнадцати и семнадцати лет эти люди достаточно владеют воинским искусством, чтобы служить в строевых частях. Так вот, Касапаглу-бей отправлялся на позиции вместе со всей своей сотней и обоими сыновьями. Я слышал, как перед отбытием рассуждали они обо мне: брать или не брать с собой на передовую. Из разговоров я заключил: полного доверия ко мне нет, и потому я остаюсь в тылу, то есть в Эрзеруме. В силу моей набожности и, как предполагал Касапаглу-бей, особенно выдающейся глупости, меня определили в одну из местных мечетей слугой для присмотра за печами. Мулла, достаточно воинственный, сильный и нестарый ещё человек, готовый в случае надобности сам взяться за оружие, присматривал за мной. Я боялся, что ко мне применят один из способов усмирения. Например, сломают или отнимут ногу. Но обошлось без этого. Мулла был слишком занят убитыми и ранеными, которые стали поступать с фронта. Турецкие строевые части несли большие потери, потому-то я и понял: победа близка. Тогда я затаился и стал ждать, неукоснительно

выполняя все распоряжения муллы. Мне приходилось и ухаживать за ранеными турецкими офицерами, и хоронить умерших от ран. Но я не предал. В моей работе не было предательства...

* * *

Закончив свою речь, Галлиула ухватился обеими руками за полупустой стакан с чаем. «Я не предавал. Не предавал!» — твердит он, вздрагивая.

— Водки ему, — говорит кто-то.

— Мусульманам пить вера не разрешает, — возражают ему.

— Ах, оставьте! В Первопрестольной часть извозчиков и все дворники — татары. Никогда не видел ни одного из них трезвым.

— Водки ему! Водки!

Все загомонили разом, а Галлиула разрыдался самым трогательным образом. Я, грешный, также украдкой трогал намокшие усы. Явился Лебедев с чистой крахмальной салфеткой отбеленного льна и подал мне её. Зачем? Впрочем, прикосновение шершавой ткани к разгорячённому и влажному лицу принесло мне облегчение. А спорящие так увлеклись друг другом, что совершенно позабыли и о Галлиуле, и даже обо мне. Откуда ни возьмись явился Мейер с зажженной самокруткой в руке. Запахло сладковатым дымком. Ни слова не говоря, этот благотворитель сунул самокрутку в рот растерянному татарчонку.

— Две затяжки — и будет с тебя, — проговорил отважный пилот.

Вдохнув немного дыма, Галлиула действительно немного успокоился и попросил у Лебедева ещё чаю.

— Ещё один тайный курильщик, — проворчал тот, но чаю налил.

— Вы не расспрашивайте его больше, — проговорил Мейер самым приватным тоном, так что слышать его могли только я и Лебедев. — При нашем приближении к Эрзеруму он убил турецкого муллу. Теперь страдает бедняга, распятый меж верностью родине и верностью вере.

— Как так? — удивлённый Лебедев едва не выронил поднос со снедью.

— Местный мулла оказался весьма воинственным типом. Пока вы тут чайком баловались, подьесаулы Зимин и Медведев со своими людьми оббегали всю площадь, дабы обеспечить полную безопасность штаба армии. И что вы думаете? В подвале мечети обнаружен целый арсенал.

— Это, конечно, большое упущение с нашей стороны. На целую дивизию — один мулла, — вздохнул я и, адресуясь к Галлиуле, добавил: — Ты ступай, милый. Нам тут с господами офицерами надо нашими штабными делами заниматься. Лебедев, ты распорядись, чтобы Галлиулу в его же часть отправили.

— Никак невозможно, ваше высокопревосходительство. Полк Пирумова... — Лебедев умолк, самого себя оборвав на полуслове.

— Да! Даниил-бек... как они?

— Пирумов жив, — быстро ответил Масловский.

Лебедев благоразумно молчал. А мне сердце защемило от воспоминаний.

— А что, поручик, — обратился я к Мейеру, — ваша вылазка на форт Далангез с Зиминим и Медведевым?..

— Так точно, ваше высокопревосходительство! Мы готовы! — Мейер щелкнул каблуками.

Эх, плохо у него это получается — щёлкать каблуками. Вот стоит он передо мной, генералом, вроде бы навытяжку и честь пытается отдать, а на деле выходит у него одна только несуразность, словно он не старшему офицеру докладывает, а перед обывателями, которые никогда в жизни аэроплана не видели, красуется.

— Ах, да!.. — Мейер тушуетя, смотрит на меня с несколько наигранным сочувствием и в то же время изучающе, дескать, насколько велика моя скорбь по утраченному «племяннику»?

Я поднимаюсь на ноги, кладу правую руку зазнайке на плечо. Тяжело кладу, с нажимом. Он повыше меня ростом, и мне очень хорошо видно, как подрагивают его красивые губы. И не только губы, весь он слишком красивый, точёный, лепый, логичный. Нет в нём нашей, русской, иррациональности. Отличительная эта особенность питает его и без того значительную гордыню.

— Я — русский, — внезапно произносит Мейер. — Я хочу быть русским.

— Привези Адама сюда. Чудак мечтал о награде, и он её получит. Пусть посмертно, но получит.

— Это очень по-русски — награждать посмертно, — произносит Мейер.

— Подвиги совершают лишь те, кто верит в жизнь вечную, — отвечаю я, отпуская его плечо.

А из-за двери уже слышна тяжёлая кавалерийская поступь: Зимин и Медведев вваливаются в комнату в облаках пара.

— Господин поручик, пора! — рычит Медведев, а Зимин, ещё не привыкший к офицерскому чину, величает Мейера «вашим благородием».

Они уходят, уводя с собой воскресшего Галлиулу, для которого Зимин уже раздобыл подходящего коня

и бурку. Мои штабные офицеры переходят в соседнюю комнату — там им подали обед. Мы с Масловским остаёмся наедине. В углу, у печки топчется всё ещё Лебедев. Этот то и дело оглядывается на окно. Там Медведев, Зимин и Мейер садятся в сёдла.

— Что ты, Пашка, будто на девок засмотрелся? — спрашиваю я.

— Смейтесь сколько вам угодно, Николай Николаевич, а только, зная, к чему дело склонится, я уж и коня себе приготовил...

— Когда же успел?

— Вы же наш обычай знаете: ежели что особенно надо, так то всегда успеется. И ещё вы знаете, как я Адама Иосифовича уважал. И мечту его светлую уважал. Я Адама Иосифовича ставил выше, чем его друг — поручик Мейер, который Адама Иосифовича собачьей кличкой величал.

— Собачьей кличкой? Как это? — рассмеялся Масловский.

— По Чехову, Дамкой...

— Как-как?..

Масловский хохотал в голос, а я принял решение:

— Ступай, Павел. Догоняй честную компанию, да чтобы к завтрашнему утру вернулись. Как-никак мой Адамчик не просто какой-то там... а почётный гражданин города Костромы и пал смертью храбрых...

— И мечта у него была...

— Ступай-ступай! С Богом! О мечтах потом...

Глава девятая
МЫ — РУССКИЕ!
(рассказ артистки цирка, гипнотезёрки
и разведчицы Амаль Меретук)

Эрзерум — паршивый городишко, представляющий собой лабиринт кривых, плохо мощённых улиц, которые столь узки, что не везде видно небо. Из-за дурно работающей канализации вонь стоит неизбывная. В целом Эрзерум слишком похож на литературные описания средневекового Парижа. Кому же может такое понравиться? Дело могли бы поправить пейзажи окружающих городишко гор. Припомните наш Пятигорск или Владикавказ. Чистый прозрачный воздух, чистая вода, мягкая зима, не слишком жаркое лето — одним словом, климат прекрасный. К красотам природы прилагается плохо повинующееся властям разношёрстное население, отчасти плутоватое и почти поголовно воинственное. Я родилась с тех прекрасных мест и знаю, о чём говорю.

Эрзерум также со всех сторон окружают горные кряжи, однако пейзаж в зимнюю пору всегда туманен. Кажется, будто густые кучи облаков сползли с окрестных гор и опустились на крыши приземистых построек, создав своеобразный купол, не позволяющий чистому воздуху проникать на эти улочки извне. Но порой случаются такие ночи, когда невесть откуда

взявшийся штормовой ветер плачет и стонет в печных трубах, стучится в ставни, затягивая оконные стёкла сплошной изморозью. Такой ветер загоняет смрадные эрзерумские туманы на верхушки окрестных гор, где они и остаются до поры. А ты, проснувшись после ураганной ночи поздним зимним утром, обнаруживаешь воздух свежим, небо чистым, а под ногами вместо обычной грязи хорошо промороженные кочки.

Всё время моего пребывания в Эрзеруме я была всецело озабочена соображениями собственной безопасности, возвращаясь к мыслям о Ковшихе лишь время от времени.

Что может быть важнее собственной безопасности для человека такого, как я, с двойным дном?

Как позаботиться о себе, когда мир стоит на пороге больших потрясений, когда на относительно спокойную жизнь — а моя жизнь при «дворе» Камиля-паши была преисполнена спокойного благолепия — провидением отведено не более двух лет?

Конечно, у меня за подвязкой всегда припрятан вариант для маневра при самом плохом раскладе. А если б не так, то я, пожалуй, и не взялась бы. Но эрзерумский расклад лично для меня был наиболее благоприятным. Совсем иное дело — Адам. Тщеславие и страсть к опасным приключениям привели его к гибели. Геройская гибель на поле брани — что может быть пошлее, особенно если речь идёт о XX веке? Ещё хуже, из того же ряда — мученическая и безвестная смерть. Всё это не для Амаль Меретук, о нет! Амаль Меретук желает и может благополучно выживать при любых обстоятельствах. Разве не для этого дано ей ВИДЕНИЕ?

Итак, Камиль-паша, уверенный в том, что до наступления тепла, когда снег растает и весенняя влага

просочится через почву в земные недра, бурных боевых столкновений на эрзерумском театре не будет, отбыл в Стамбул. Там он занимался устройством своих личных и семейных дел, уделяя мне внимание лишь в форме частых, наполненных нежностью писем. Среди прочих уверений, он клялся мне в том, что не расстанется с моим подарком — поразительно безвкусным медальоном, изготовленным в одной из эрзерумских мастерских. Ответными письмами я уверяла его в своей особенной преданности и делу младотурецкой партии, и ему лично. Являясь женщиной здравомыслящей, я и думать забыла о доме на берегу озера Кючюкчекмендже и в каждом письме умоляла Камиля-пашу не возвращаться в край высоких сугробов и обледенелых гор, именуемый Турецкой Сибирью.

Право слово, к чему мне зависимость от турецкого паши, недвижимое имущество в городе, где мне никогда не жить? В память о Камиле-паше у меня осталась небольшая коллекция украшений из золота — паша по местному обыкновению покупал мне что-нибудь каждую субботу, — которые при умелой реализации могли составить небольшое состояние в любой из европейских валют. Кроме того, в Трабзоне тоже было припрятано кое-что на всякий случай. И вот этот случай как раз настал, но до Трабзона надо ещё добраться...

К тому же, прежде чем отправиться в Трабзон, надобно встретиться ещё раз с русским генералом, да и Ковшиха надо проводить в дальний путь — не пустой человек, богобоязненный. Нехорошо оставлять его тело неприбранным на съедение падальщикам или хоронить безвестно в братской могиле. Бурный был человек, многосмысленный, нажил денежное состояние, а семьи и наследников не имеет, хоть и еврей.

Снедаемая нерешительностью и сомнениями, призвала я на совет своего возлюбленного подбеска и тот, под особо причудливый карточный расклад, посоветовал не совсем несообразное, а именно: выйти замуж за военного человека, за русского офицера. Перед тем как насоветовать, долго и красноречиво пугал всевозможными бедствиями: войну, революцию, голодомор — всё в кучу собрал так, что трудно и поверить лукавому. Да я бы и не поверила, если б не обстоятельство, известное мне с младых лет: склоняя человека к вранью, сам бес не врёт никогда. А что до встречи с офицером, то находясь вблизи театра военных действий, сделать это проще простого.

После разговора с подбеском никакого плана у меня не возникло. Я действовала скорее по наитию, чем по расчёту, и для начала съехала из апартаментов Камиля-паши в небольшую квартирку, где и произвела подсчёт своих ресурсов. Результаты опечалили меня несказанно: достойные поминки, доставка тела в Кострому и прочие погребальные расходы оставят меня совершенно без средств. Убиенный Ковших возможно и наверняка оставил мне что-то. Значит, предстоит волокита с поверенными и прочими спиногрызами, а возможно, и судебная тяжба с его наследниками. Поиск справедливого решения — долгий путь, а мне после полной победы русского оружия и скоропалительного отъезда Камиля-паши следовало позаботиться о заработке. Но как заработать артисту в заштатном Эрзеруме? Долгие раздумья и скорбь всегда утомляют меня. В поисках радости от глотка свежего горного воздуха я отправилась на прогулку, благоразумно прикрыв фигуру традиционной одеждой мусульманок, именуемой чадрой.

Гуляя по улицам Эрзерума от одной лавки к другой в сопровождении приданного мне квартирной хозяйкой мальчика, торгуясь, продавая, покупая и производя обмен, я узнала о прибытии в Эрзерум штаба генерала Юденича в сопровождении двух полусотен 1-го и 2-го Кизляр-Гребенских полков, интендантской роты и военного оркестра. К вечеру мне стало известно и место расположения штаба, возле которого грозные бородачи несли караульную службу с примкнутыми к эфесам пашек штыками.

Через два дня после прибытия штаба командующего при большом стечении обывателей состоялось торжественное вручение наград. Имена награждаемых объявлял полковник в пенсне — знакомое лицо, опрятность, сдержанность, приятные манеры и тёплое сияние вокруг головы, обещающее долгую жизнь. Среди прочих полковников было названо и имя Ковшиха, и разведчика-татарчонка, которому каким-то чудом удалось выжить, и даже моё имя. При этом нас с Ковшихом объединили в посмертном награждении, словно мы являлись влюблёнными или супругами. Я явилась на продуваемый ледяными плац, закутанная бог знает во что, — подаренные Ковшихом русские меха остались в Трабзоне, — я дрожала от холода под пронзительные звуки военного оркестра, исполнявшего попеременно то «Прощание славянки», то «Боже царя храни». Второй мотив неизменно сподвигал собравшихся на плацу военных к торжественному хоровому пению. После вручения наград командующий произнёс краткую речь, назвав присутствующих «Русскими богатырями» и «опорой империи». Событие на плацу развеселило и воодушевило меня. Вернувшись на квартиру, я отправила слугу в русский штаб с запиской,

писанной впопыхах и на французском языке. Минул день, второй и третий. Ответа из штаба не приходило, и я решилась действовать, сообразуясь с собственными возможностями...

* * *

Эрзерум — действительно паршивый городишко. Ни одного увеселительного заведения. Никакого. Негде честной артистке найти пропитания, кроме, пожалуй, зверинца, владелец которого оказался весьма изобретательным оригиналом. Нет, он не предложил мне зайти в клетку со львами, которых в его зверинце, кстати, и не оказалось. Не ведаю, каким чудесным образом, но этот добрый самаритянин запомнил меня гораздо более юной и на пике известности. «Тифлис, Батум, Екатеринодар, Ставрополь, Ростов-на-Дону, Нахичевань-на-Дону — все города знают Амалию Меретук. Как же посмею я её не знать?» — так сказал он мне при встрече в одной из лавок, где я меняла часть подаренного мне пашой золота на деньги. Похоже, география моего нового знакомого ограничивалась чертой оседлости, о чём свидетельствовала не только его осведомлённость о моей артистической карьере, но и форма его носа и бровей. Конфессиональные различия не помешали нам достигнуть договорённости по части организации моего выступления. Я решительно отвергла танцы с раздеванием и бубном, игру на цимбалах и пение, решив ограничиться игрой на гитаре и художественной стрельбой из револьвера системы «Наган» по тарелочкам и голубям.

Через пару дней на двери каждой лавки висела афиша: «Незабвенная Амаль Меретук» и «Звезда Тифлиса и Нахичевани-на-Дону исполняет русские романсы

под гитару», начертанная красным готическим шрифтом огромного размера. Учитывая характер предполагаемой аудитории, афиши анонсировали в основном стрельбу по тарелочкам и голубям. И в этом аспекте хозяин зверинца попал в яблочко. Выручка от продажи билетов составила значительную сумму. Подсчитав ресурсы, мой зверовод испытал полный восторг: на представление «незабвенной» Амаль Меретук явится более сотни зрителей. Ни самого генера Юденича, ни кого-то из его свиты я увидеть на своём представлении не ожидала, ведь подобные высокопоставленные особы зверинцы не посещают.

Пошлый провинциал не напрасно радовался. Всё вышло по его разумению. На представление действительно явилась казачья сотня. Точнее, две полусотни двух разных казачьих полков со своими командирами во главе. Среди военных затесалось и несколько местных обывателей — обычные турки в фесках и несколько полукровок в традиционных ермолках, сопровождаемые своими некрасивыми жёнами. Одетые в черкески и папахи бородачи, с орденами на грудях и при узорчатых ножнах, одобрили моё исполнение на гитаре так бурно, что напуганные их восторгом фески и ермолки покинули представление задолго до его окончания. Их бегство сопровождалось троекратным, повторенным несколько раз «ура» и звоном шпор. А стрельба по тарелочкам и голубям обернулась импровизированным стрелковым турниром, по окончании которого авансцена тонула в пороховом дыму. В конце представления глаза мои слезились, в ушах звенело, а вместо букетов мне поднесли свежезабитого жирного барана.

Следствием моего выступления явился не только обильный ужин, приготовленный звероводом из бараш-

ка, но и достойный гонорар. А на следующий же вечер ко мне на квартиру явился пренеприятный и пронырливый собиратель сплетен — слуга генера Юденича. «Вас ждёт награда», — проговорил этот новоявленный «Труффальдино», подмигивая самым скабрёзным образом. Помимо своих двусмысленных улыбок, он вручил мне пакет с приказом явиться в такой-то час по такому-то адресу. Признаться, я была обескуражена, ведь ранее мне никогда не доводилось получать письменных распоряжений, подписанных генералами. Я медлила с визитом, обдумывая наряд до тех пор, пока за мной не явился генеральский лакей, или денщик, или вестовой, или как его там. Этот плутоватый и самонадеянный тип по фамилии, кажется, Лебедев, объявил мне, что в Эрзеруме приказы генерала от инфантерии Юденича обязательны к исполнению для всех. Мне пришлось подчиниться домогательствам «Труффальдино», ведь к эфесу шашки сопровождавшего его казака был прикнут грозный трёхгранный штык.

Конвоируемая ледяными ветрами по улицам Эрзерума, я брела в сторону штаба с тяжестью неизбывного сиротства на сердце. «Труффальдино» и казак с его ужасным штыком следовали за мной. Командующий прав — в каком-то смысле я действительно пропала без вести, ведь Ковших мёртв — и этот факт обязывает меня к обретению каких-то новых смыслов. Но где их сыскать? Моим практическим размышлениям всячески мешал Лебедев, весьма навязчиво кормивший меня какими-то фантастическими байками о герое мусульманского вероисповедания, прошедшего долгое время во вражеском тылу, но не предавшего дело русской победы.

С такими-то мыслями я вступила в генеральские сени, где с самым виноватым видом отирался тот самый

герой тайного фронта. Он квохтал и цокал языком, принимая у меня манто. Всё повторял: «Ай, виноват, виноват, виноват». Кто виноват? Чем виноват? Разве возможно понять человека, который едва разумеет по-русски? Я поблагодарила его на турецком языке, а в ответ услышала всё то же: «Виноват».

Командующий встретил меня приветливыми словами:

— Я обязан был сделать это раньше, но мне не передали вашей записки. Это оплошность Галлиулы. Я уже выговорил ему...

Командующий выглядел одновременно и величественным, и виноватым. Я сделала книксен. Он смутился, потребовал чаю. Чай подали, и он снова смутился скромностью закуски. Чтобы хоть как-то разрядить обстановку, а также желая по мере сил хоть чем-то отблагодарить этого человека, я достала из ридикюля колоду.

— Позвольте?

Генерал поморщился. Смушение как рукой сняло. Он сорвал с носа пенсне, но возражать против моей «женской слабости» не стал, только перекрестился и вздохнул, намереваясь под конец вытерпеть ещё и это испытание.

Я раскладывала карты небрежно, ведь ответ на вопрос был мне заведомо известен.

— Вижу долгую войну, — проговорила я, адресуясь к генеральской спине.

Спина эта выражала пренебрежительную скуку и острое желание остаться в уединении, поскольку отеческий долг героям эрзерумской операции уже отдан. Тогда я зашла с козырей:

— Вижу революцию. Великокняжеские дома, аристократия, генералитет, замышляют против царя, кото-

рого называют «Николаем Кровавым», не иначе. Хотят посадить другого царя. Но выйдет всё не по их замыслу. Плодами их каверз воспользуются другие. Многие заговорщики разделят участь своего государя.

Генерал обернулся, нацепил на нос пенсне самым пренебрежительным жестом. Сейчас станет морозить меня взглядом своих светлых глаз. Однако он, против моего ожидания, оседлав стул, уставился на разложенные карты. Смотрел в молчаливом внимании несколько минут.

— Ничего в этом не понимаю. Как десять потрёпанных карт могу сказать столь много? — проговорил он наконец. — Ваши слова можно было бы расценить как ересь, если бы в них не присутствовала своеобразная логика...

— Человеку видящему многое откроется и в трёх картах, — ответила я. — Вот вы смотрите на всё по-своему, видите не так, как я, но видите то же, что и я. Оттого мои слова и не кажутся вам пустой фантазией.

— Как же так? Вот это вот, — он указал на мой расклад, — сочетается вот с этим? — И он ткнул указательным пальцем в потолок.

— Как у любого русского человека вера сочетается с суеверием? Так и у меня. Я русская, как и вы.

— Неужели?

В его вопросе не было ни иронии, ни, тем более, гнева. В его вопросе присутствовала вопросительная интонация, но самого вопроса не содержалось. Тем не менее я ответила:

— Да, я черкешенка, актёрка, лицедейка, пока в мире мир. Но если наступает война — а война наступает время от времени, как наступает шторм на море, или засуха, или лесной пожар, — я, все мы становимся

русскими, братьями и сёстрами. Тот солдатик-татарин, Галлиула. Знаю, вы оставили его при себе, и я видела его, а ваш лакей... как, бишь, его, Павел... Пашка...

— Лебедев, — напомнил он.

— Ваш Лебедев рассказал мне о подвиге татарина. Разве Галлиула не мой брат? Разве ваш Пашка не мой товарищ по оружию?

— Ну, стреляете вы намного лучше Лебедева. Наслышан... наслышан... — усмехнулся генерал. — В этом аспекте он вам не вполне товарищ.

Генерал поднялся, и я последовала его примеру.

— Перед тем как проститься, хочу спросить: нужна ли помощь, поддержка. Большими деньгами я не располагаю, но на дорожные расходы мог бы помочь.

Я сделала книксен, а он положил в мою раскрытую ладонь большой толстый кошелёк и медаль с портретом государя императора на двухцветной планке.

Юденич проводил меня до прихожей, где внимательный Галлиула накинул мне на плечи мантию.

— Я не прощаюсь. Мы увидимся, — проговорил командующий. — Завтра пришло за вами Галлиулу. Нам предстоит торжество, но советую одеться потеплее. Кстати, вы забыли вашу колоду...

— Для того, чтобы видеть, мне карты не нужны. Оставьте себе на память... До свидания, выше превосходительство, — я ещё раз поклонилась. — Прощай и ты, Лебедев.

— Колдунья! — едва слышно, но вполне внятно произнёс мне вслед Галлиула.

Наверное, они подумали, будто я исчезла, растворилась в морозном воздухе, как Снежная королева из сказки. Смешно! Забавно! Много бы я дала, чтобы посмотреть на их растерянные лица!

Однако меня ждало слишком много забот. Надо было решать свою дальнейшую судьбу: или нанимать провожатого до Трабзона, или сделать шаг навстречу собственной судьбе.

В ту ночь под свечу и особо сложный карточный расклад явился мне мой любимый подбесок и насоветовал всякого, и натолковал о предстоящем непростом и противоречащем житейской логике выборе...

* * *

Стоит ли говорить о фуроре, произведённом моим выступлением в эрзерумском зверинце? Одна и та же дама и поёт под гитару, и метко стреляет из пистолета: какому вояке такое не понравится? Вследствие этого на узких улочках паршивого городишки мне буквально не давали прохода. Каждый считал своим долгом выразить восхищение. Некоторые выражали его слишком бурно, предлагали помощь и защиту. Одним словом, приставали. Несколько раз приходилось ссылаться на близкое знакомство с самим командующим. Возникающее в таком случае восхищение имело лёгкий оттенок обиды.

Изюминкой моего пребывания в Эрзеруме стало одно интересное свидание, которое, впрочем, никак нельзя назвать интимным.

Несколько дней кряду я всецело отдавала себя подготовке к отъезду, и без сомнения покинула бы надоевший Эрзерум ещё до конца февраля. Однако планам моим не довелось сбыться, зато сбылось увиденное мною.

Началось всё с явления двух «русских богатырей». Выглядели оба весьма грозно. Каждый огромного роста бородач в черкеске, бурке и лохматой шапке.

У каждого помимо шашки, длинного кинжала и патронташа на поясе, за плечом ещё и ружьё. У обоих ясные, яркие и пронзительные синие глаза, но у одного выражение лица совсем злое, словно вот-вот вцепится зубами в глотку, а другой будто бы совсем простоват. Примерно так выглядит обожравшийся мёду медведь на полотне какого-нибудь русского анималиста. Они представились мне честь по чести: один — Александр Зиминым, другой — Матвеем Медведевым. Оба, как я и предполагала, оказались казаками. Зайдя в мою комнату, оба совершенно синхронно, словно много дней репетировали этот трюк, сняли свои лохматые шапки. Медведев, поискав глазами отсутствующие в моём жилище образа, перекрестился на занавешенное окно. Зимин перекрестился, глядя мне прямо в глаза. Лишенные лохматых шапок, их округлые шишковатые черепа выглядели несколько беспомощно, но сходство облика обоих с медведем, который, возможно, был их дальним прародителем, не пропало. При этом у темно-волосого Медведева ёжик волос на голове уже посеребрился, в то время как золотистая поросль на голове Зимина создавала вокруг его лица иконописный сияющий нимб.

— А где же ваши пистолеты? — смеясь спросила я.

— Мы — строевые офицеры Кизляро-Гребенских полков. Мы водим в атаку наши полусотни. Атака, бой — это настоящее дело, а не цирковые шутки, — сказал один из бородачей, а другой выложил на стол из невесть откуда взявшегося мешка разную вкусно пахнущую снедь и большой глиняный запечатанный сургучом кувшин.

— В честь чего закуска? — спросила я, стараясь придать собственному голосу всевозможную строгость.

Мне ответил казак по фамилии Медведев, и голос его звучал, как медвежье рыканье:

— Сватовство! У вас — товар. У нас — купец.

Я позвала слугу и веселилась от души, пока тот расставлял перед нами приборы и раскладывал снесь по тарелкам:

— Провидение представило мне на выбор двух равнопрекрасных казаков. Какого же из вас выбрать? Прежде чем принять какое-либо решение, я всегда советуюсь с картами.

Не давая им опомниться, я извлекла свою любимую колоду — родную сестру той, что недавно подарила Юденичу. Потрёпанные картонные прямоугольники упали на несвежую скатерть. Офицеры смотрели на моих дам, королей и валетов с недоверием, а при виде джокера, выполненного в виде эдакого забавного чертёнка с рожками и хвостом, торчащим из-под фрачных фалд, Медведев даже перекрестился, но упрямо повторил:

— У вас — товар. У нас — купец.

— Я хочу жениться, — в тон товарищу с офицерской прямолинейностью заявил Зимин.

Медведев глянул на него с пока непонятной мне неприязнью, а Зимин продолжал:

— Третьего года я овдовел. Жена померла... — Он помедлил, смущённый самим собою, прежде чем продолжить. — Словом, не важно, как она померла. Но ты не волнуйся. Господь прибрал всех деток моей жены, и потому я остался бездетным вдовцом. А тут и война началась. В окопах и кавалерийских атаках жены не сыщешь. Не до женитьбы, стало быть. Посматривал я на турчанок. И на армянок посматривал. А что до евреек...

— Да ну тебя совсем! — фыркнул Медведев. — Перескажи ей про всех твоих баб!

— ...Одним словом, всё не то. А ты русская и подходишь мне. К тому же барыня. С прислугой живёшь. Вкус у тебя...

Потерявшись в словах, он пошевелил пальцами.

— Утончённый, — подсказала я.

— Да! Так и есть! — кивнул Зимин.

— Но я черкешенка, хоть и воспитана русскими.

— Это не беда! Обе мои бабки так же воспитаны были. Дед по матери свою жену умыкнул из чеченского аула. Совсем девчонкой ещё. Она крестилась тринадцати лет от роду. А бабка по отцу — чистокровная осетинка. Она и сейчас жива. Девяносто пять лет, а всё коров доит! Но ты коров доить не будешь. Обещаю! Как жила барыней, так и будешь жить. Мои родители зажиточные. У них, кроме двух моих сестёр, я единственный сын...

Слушая его нехитрый рассказ, я растерянно смотрела на карты. Всё выпало, как выпало. Червонный король и король треф. Под трефовым выпали две дамы — червовая и треф. Третья карта — пиковая десятка — сулила дальнюю дорогу с благополучным концом. Под червонным выпала девятка пик, шестёрка бубей и рогатый джокер. Ах, зачем я не выкинула мерзавца из колоды? Вот он, смотрит со скабрёзной улыбкой, ничего кроме большой беды не обещаю...

Я вздохнула. Желая скрыть свои чувства, принялась за еду, к которой до этого не прикасалась. Медведев смотрел на меня с алчным интересом. Зимин пил вино, предвеляя каждый бокал крестным знаменiem.

— Я тут подумал... — начал Медведев. — Война скоро кончится, и тогда нашему брату домой возвращаться...

Он умолк, подбирая верные слова. Мы ожидали продолжения. Зимин — настороженно, я — с любопытством.

— Домой вернутся выжившие и те, у кого есть дом и хозяйство, кому есть к чему возвращаться, — продолжал Медведев, протягивая мне тоненькое вервие вспомоществования. — Чародейка Амаль Меретук такой же боец, как и любой из нас. Награждена медалью «За отвагу» с портретом государя. Куда же вернётся Амаль? Где дом Амаль Меретук?

Ответ мой был прост:

— У меня нет дома. Живу по цирковой привычке, где придётся.

Медвежье лицо моего собеседника исказилось жалостью. Да, именно исказилось, сделавшись совершенно человеческим, трогательным, красивым.

— Я не помню лиц матери и отца. Не смогла бы разыскать место, где стоял их дом. Знаю только, что мой отец был мюридом имама Шамиля и погиб на Гунибском плато в 1859 году. Я родилась незадолго до его гибели. Мать, братья и сёстры умерли от чумы. Сочти же мои годы, казак. Они не смущают тебя?

— Ты наша! — вскричал Зимин. — Наших кровей!

А Медведев, не обращая внимания на ревнивые взгляды Зимина, принялся целовать мои пальцы. Борода его, влажная от слёз, приятно щекотала мои ладони.

— Мы озверели на этой войне, — бормотал он. — Долго ли ещё нам страдать?

Что ответить ему, если знаю наверняка: правды он не примет. Солгать? Перевести разговор на иной предмет? Смущённая, я смотрела, как огромный медведь таёт, растекается киселём. А у другого, у Зимина, глаза, как льдинки. Вот-вот за шашку схватится.

— Я круглая сирота с раннего детства. Мужа не было и нет. Кочевая жизнь циркачки не располагает к замужеству, — проговорила я, чтобы как-то разрядить обстановку.

— Вот именно — сирота! То-то и оно, что круглая сирота с младенчества! — подхватил Зимин. — Что Матюха может предложить тебе? Он женат. Трое малюток. Все девочки, — Зимин забавно горячился, борода его тряслась. Он старался казаться убедительным, и ему это удавалось. — Матюха! Нешто ты жену бросишь? А на это я тебе так скажу: если жену бросишь, то с Амалией всё равно венчаться не сможешь, потому что перед Богом женат. Выходит, ты перед всеми виноват окажешься: и перед Амаль, и перед женой.

Сказав так, Зимин заплакал. Смешно, по-детски. Странно было видеть такого большого и бородатого мужика плачущим. Пришлось объяснять всё обстоятельно:

— Господа, вы оба офицеры. При этом вдовый подьесаул Зимин желает жениться на Амаль Меретук. А Амаль Меретук желает напомнить ему, что по закону от 07 февраля 1881 года он обязан испросить разрешения на брак у своего армейского начальства. Чтобы офицеры при обзаведении семьёй не впадали в крайнюю бедность, а члены их семей, не имея возможности достойно выглядеть и вести образ жизни, соответствующий их положению, не роняли честь офицерского звания, офицерам запрещается жениться ранее 23-х лет...

— Мне в этом году исполнится двадцать пять, — проговорил Зимин.

— ...и только в случае предоставления ими имущественного обеспечения, принадлежащего офицеру, не-

весте или им обоим, — невозмутимо продолжала я. — При подаче разрешения учитывается общественное положение невесты. Командир полка обязан решить вопрос о пристойности брака и, если не увидит к тому препятствий, предоставит своё заключение начальнику дивизии, который только и имеет право дать окончательное разрешение.

— Пристойность? Как это? Объясни! — прорычал Медведев.

— Требование пристойности носит абсолютный характер. Офицер ни в коем случае не может иметь жену, не отвечающую представлениям о достоинстве офицерского звания. Вступление в брак без разрешения влечёт за собой дисциплинарное взыскание или увольнение со службы. Офицерам запрещается жениться на артистках или разведёнках, взявших на себя вину при разводе...

— А ты? Разве ты артистка? Разве Камиль-паша женился на тебе и ты с ним развелась?

— Камиль-паша жениться на мне не успел. Да и неизвестно, женился бы вообще, ведь его жена возражала против этого брака.

— Женатый жених? — Зимин рассмеялся. — Ну, ты и шутница! Ну и артистка! Жена ему разрешила!

— О да! — я одарила его самой обаятельной из своих улыбок. — Жёны правоверного мусульманина должны одобрить его выбор перед тем, как он женится в очередной раз.

Казак переглянулись.

— Я бы сам женился на тебе, если б не был женат, — проговорил Медведев. — Моя жинка умеет обращаться с шашкой не хуже меня самого, и, пожалуй, случись что — тебе несдобровать, — добавил он не без

самодовольства. — Её нельзя обижать, а по-хорошему договориться можно.

Медведев колебался. Долг и твёрдая вера в Иисуса Христа боролись в нём с греховной страстью. Я и сама бы предпочла Зимина, но девятка, шестёрка и джокер говорили о бессмысленности такого выбора. Сколько недель или месяцев он ещё проживёт? В каком из окопов, в какой из атак этой войны, грозящей затянуться на десятилетия, он падёт возможно безвестной смертью? А вот Медведеву, напротив, суждена долгая жизнь.

Мне удалось выпроводить их только после того, как было выпито всё вино. Зимин унёс с собой свою тоску, а Медведев тяжёлую думу о грядущем предательстве.

* * *

Через день востовой принёс мне записку от Зимина. В записке подъесаул 2-го Кизляро-Гребенского полка требовал незамедлительного положительного ответа. Иначе... Нет, Зимин не грозил мне напрямую, учитывая мою только что полученную из собственных рук командующего награду. Однако записка Зимина содержала намёк на какие-то решительные действия.

В тот же день подъесаул 1-го Кизляро-Гребенского полка Матвей Медведев явился ко мне лично, но в комнаты не прошёл, а разговаривал со мной через окно, не сходя с седла. Желая сохранить честь перед Богом и людьми, я предприняла последнюю попытку отгадать его:

— Я не могу показать вам паспорт. Он остался с моими вещами в Трабзоне. Вы же знаете, что здесь, в Эрзеруме, я исполняла особую миссию в доме Камиля-паши.

— Знаю, — был ответ.

— Я хотела показать вам свой паспорт, чтобы оставаться честной.

— Да что там в том паспорте-то? Нешто отпечаток сатанинского копыта?

Упомянув Неназываемого, казак размашисто перекрестился. Ах, если б он знал, сколь недалеко от истины его догадки!

— Я видящая женщина. Такие, как я... далеки от Бога. Я никогда не хожу в церковь...

— Я так и думал. Тебя испортили, зачаровали, сглазили...

— Ну вот видите!

— ...не перебивай, когда мужчина говорит! Я не знаю и не хочу вести подсчёт твоим грехам. Ты жила без защиты родичей, одна. Немудрено, что нашёлся подлец, готовый попользоваться сиротой.

Медведев умолк. Сгущающиеся сумерки и тень от огромной лохматой шапки скрывали от меня его лицо.

— Я готов на всё... — проговорил он после короткого раздумья.

— Ой ли?

— Что тебе надо? Скажи только! Доставить труп еврея в Кострому? Так я доставлю. Поеду с тобой куда захочешь. Могу хоть до Парижа. Могу в воду ледяную вниз головой или с обрыва на камни. Готов на такое, по сравнению с чем дезертирство — мелочь. Приказывай! Я получил трёхмесячный отпуск. Так что мой отъезд из Эрзерума никого не удивит. А там будь что будет!

— Раз так говоришь, значит, любишь?

Медведев молчал, раздувая ноздри. Борода его забавно топорщилась.

— Сначала надо добраться до Трабзона и сесть там на корабль. И помни: ты правильно промолчал, потому что любовь для меня пустое слово.

— Всё сделаю, — кивнул Медведев.

— Ты пойдёшь на дезертирство? Бросишь семью?

Он молчал. Так молчат люди, в душе которых совесть борется с любовью. Такая борьба причиняет страшные мучения человеческой душе. Жалкий, страдающий Медведев тарасился на меня, словно в ожидании приговора. Застывшие слезы на его щеках превратились в ледяную корку, заиндеветшая борода встала колом, сделав лицо чудовищно некрасивым.

— Мне бы только на один день в станицу попасть. Договориться с моей Оксаной. Она добрая и развод даст. Я хочу жениться на тебе честно, так же, как хотел Зимин. Да и с дочерьми надо попрощаться. На родительские могилы последний раз посмотреть. А там — айда! Сядем на любой корабль и поплывём куда захочешь, — говорил он, рыдая.

Я покачала головой. Не задавая лишних вопросов, он прочёл в моих глазах сомнение и сам заколебался. Я в смущении ждала его решения. Неужели мой разговорчивый дьявол на этот раз обманул меня и его пророчество не сбудется?

— Тут у меня две лошади. Даже удалось добыть дамское седло, — тихо проговорил Медведев. — И ещё две на смену и три вычухных мула. Лошади хорошие. На таких до Трабзона за три-четыре дня доберёмся. Соглашайся!

И я согласилась.

Эпилог

ДВА ГЕНЕРАЛА

Бульвар Об — извилистая улица меж рядами кипарисов и пышных кустарников. Пахнет, как в лавке колониальных товаров, лавром и гвоздикой. Время летнего зноя уже минуло. Скоро осень. Генерал в отставке Евгений Васильевич Масловский — человек в годах около шестидесяти, но подтянутый и крепкий — остановился возле калитки. Он посмотрел на небольшой домик с мансардой и террасой, на ухоженный садик за чугунной решёткой забора, на батистовые, в мелкий цветочек занавески. Масловский стряхнул с головы льняное кепи, перекрестился и снова закинул кепи на голову. Калитка скрипнула, и вот он на оббегающей дом дорожке. Там, на газоне под кроной платана, уже ждёт его командир, генерал от инфантерии Русской армии, Николай Николаевич Юденич. Старик сидит в огромном ротанговом кресле среди подушек. Вокруг него кофейный столик, этажерка с книгами и два ротанговых стула. Поза его неловка, искусственна. Цвет пергаментной кожи рук и лица свидетельствует о глубоком нездоровье.

— Жарко? — спрашивает Масловский, усаживаясь на один из стульев.

Он словно продолжает незаконченный давеча разговор, будто они и не расставались давеча с генералом,

будто продолжали общаться мысленно и на расстоянии. В таком случае, к чему обычные приветствия? Юденич избегает их подобно Масловскому.

— Жарко... — тихо отзывается он.

— Душно?

— Душно, Женя, милый... Что так смотришь? Да, худо мне. И с каждым месяцем моей затянувшейся жизни такое худо наступает всё чаще и чаще. Заняться ли чем-нибудь, работать в саду — ничего не могу.

— А пройтись по набережной? Небольшая прогулка. Сейчас... — Масловский посмотрел на часы. — Семнадцать тридцать. Если мы выйдем из дому в восемнадцать часов, то как раз жара спадёт.

— Зачем идти?

Услышав столь странное замечание, Масловский с беспокойством посмотрел на своего командира. Перемены, произошедшие в нём за последние три года, незримые для глаз самого Масловского, были бы слишком очевидны для постороннего зрителя. Генерал Юденич постарел, сдал, ослабел. Но не это могло бы показаться самым дурным. Самое дурное, на взгляд генерала Масловского, состояло в том, что Николай Николаевич совершенно оборотился спиной вперёд и в таком странном положении продолжал шествовать по жизни уже прямоком к могиле. Воспоминания о Японской кампании, о Сарыкамышской операции или о штурме позиции Девебойну, защищавшей Эрзерум, или более поздние события на северо-западе России, его борьба с разбродом в Северо-Западной армии или с марионеточным, сформированным британцами Бог весть из кого правительством, отнимали все его силы — любое из этих событий оживляло его разум. Он словно расцветал, но очень на короткое время, чтобы через несколь-

ко минут снова удалиться в пустыню равнодушия. В то же время любая информация о настоящих событиях нагоняла на Николая Николаевича необычайную хандру. Кризис в Европе и Американских Соединённых Штатах, приход к власти Гитлера и начинающиеся гонения на евреев. События в Богом забытой России с её кадровыми чистками и техническими достижениями. Мысли о Родине, сделавшейся словно Южный полюс, совершенно недоступной, нагоняли на Николая Николаевича тяжёлую хандру. Поэтому лучше уж воспоминания, в которых было немало славных дел, чем мысли о бесславном настоящем.

Вот и в этот раз сразу по приходу «милого Жени» Юденич принялся раздувать угли тлеющих воспоминаний. В этом деле внезапной подмогой ему стала книга небезызвестного Уинстона Черчилля, которую Евгений Васильевич нечаянно перехватил на одном из книжных лотков, проезжая на велосипеде по бульвару Круазетт. Теперь Николай Николаевич листал книгу, проглядывая по диагонали каждую страницу.

— Он пишет о своём предке, первом герцоге Мальборо.

— Так-так, Николай Николаевич. Вы прочтёте книгу первым, но своё мнение о ней не говорите до тех пор, пока я не прочту.

Юденич улыбнулся и бросил книгу на небольшой кофейный столик, стоявший перед ним.

— Я и не читая могу сказать. Хочешь? — Не дожидаясь ответа, Юденич продолжил: — Уинстон Черчилль — человек сухой, как пыль. Но у него есть по меньшей мере три добродетели. Первая — это решимость взяться за дело. Вторая — довести дело до конца. Третья — не смущаться никакими неудачами.

— Вот так едешь по бульвару Круазетт на велосипеде. Над головой кроны пальм. Слева прибор и принимающая солнечные ванны публика. Небо синее. Море бирюзовое. Лоточники продают виноград, нарезанные кубиками арбузы, лимонад с мятой... что там ещё они продают? Я и позабыл...

— Есть лотки с книгами и детскими игрушками, — охотно подсказал Юденич.

Масловский воодушевился, довольный тем, что его старый командир несколько оживился, представляя себе сценки бульвара Круазетт.

— Так вот. Едешь ты по бульвару Круазетт на велосипеде и вдруг — бац! — встречаешь старого знакомого. Да какого! Ну к примеру, именно с ним ты мёрз когда-то, взбираясь на скалы Девебойну, или...

Юденич вдруг сник, снова принялся листать страницы книги.

— ...или встреча с другом, может быть, так сказать, в книжном формате, как в данном случае. Ведь вы встречались с сэром Уинстоном...

— Кто знает...

— ...о вашей встрече гудит молва. А что, Николай Николаевич, вы хотели бы встретиться с ним опять?

— С Черчиллем?

— Да.

— Я ему неинтересен. У этого человека, — Юденич помахал открытой книгой в воздухе, — ещё есть будущее, в то время как у меня уже его нет.

— Насколько мне известно, Чемберлен не включил сэра Уинстона в правительство.

— Включит в следующий раз. Повторяю: Черчилль, как ярый антисоветчик, ещё не исчерпал себя, и пока

противостояние с СССР будет длиться, Черчилль им будет нужен.

Почувствовав раздражение собеседника, Масловский попытался перевести беседу на иные рельсы.

— А что, если нам пройтись по Круазетт вместе? Ваша фортуна, Николай Николаевич, чрезвычайно сильна. Намного мощнее моей. Я всего лишь нашёл книжку почти забытого Черчилля, в то время как вы сможете встретить кого-нибудь более значительного...

Масловского прервала вышедшая из дома Александра Николаевна. Кофейник, две чашки и сахарница — вот всё, что вынесла она на подносе.

— От проспекта Поральто до набережной очень далеко. Женечка, вы же знаете: Николай Николаевич пешком если и дойдёт под горку, то обратно каким образом будет возвращаться? Пользоваться коляской он брезгует, но пешком взбираться в гору...

— Можно вызвать такси, — настаивал Масловский. — Сейчас в таксопарке есть отличные кабриолеты. Доедем с шиком, попьем кофе в какой-нибудь кофейне. Посмотрим на нарядную толпу.

— Звучит заманчиво, — Александра Николаевна улыбалась, расставляя на столе кофейные приборы. — Ни дня без кофе. В кофе вся радость жизни. Что ж, не стану вам мешать.

И она удалилась в дом.

— Ну так как? Я пришлю за вами завтра кабриолет? — настаивал Масловский.

Ему так хотелось видеть своего командира оживлённым, подвижным, решительным, как когда-то. Что, если десятиминутная прогулка в кабриолете совершит чудо, Юденич встряхнётся и...

— Думаю, не стоит откладывать нашу эскападу до полудня, когда становится уже слишком жарко, — раздумчиво проговорил Юденич.

— В девять тридцать?

И Масловский пожал протянутую ему руку.

* * *

Кафе на бульваре Круазетт. Мимо неспешно течёт редкая по раннему времени толпа, состоящая из праздной публики, одетой по-утреннему просто. Гуляющих немного. Некоторые из них глазекот по сторонам, приглядываясь к сидящим в кафе. Встречаются и велосипедисты. Масловский с кипой газет устроился напротив Юденича. Официант подал кофе и круассаны. Юденич мельком оглядел сервировку и набылчился. Тоска по родине. Мечтая о гречневой каше и ломте ржаного хлеба, Юденич почти не притрагивается к доступной пище.

— А помнишь ли, Женя, как Лебедев ставил нам самовар? Смешной был человек... Его жаль больше иных.

— Верный служака, хоть и не без фанаберий. Глухая смерть в стычке с Булак-Балаховичем.

Зная, что воспоминания о товарищах по Кавказскому и Северо-Западному фронтам обычно оживляют командира, Масловский тем не менее остерегся развивать опасную тему — слишком много смертей. Глупых, бессмысленных смертей. Между тем от самого Юденича осталась, пожалуй, ровно треть. Осунулся, сгорбился, взгляд то напряжённый, то рассеянный, будто человек «не в своей тарелке». Таков теперь Юденич едва ли не каждый день за редкими исключениями. Вот и этим

утром облик Николая Николаевича печально контрастировал с беззаботностью и шиком бульвара Круазетт. Горестно вздохнув, Масловский позволил себе на несколько минут отгородиться от несправедливости мира свежим номером «Le Figaro».

Юденич предоставил ему ровно пять минут одиночества.

— Женья, милый, прошлый раз ты притащил мне книгу. В этот раз взялся за газеты... — тихо проговорил он.

— Они содержат много интересного, — живо отзывался Масловский. — Предлагаю вспомнить наши штабные привычки. Нынче 22 сентября 1933 года. Я готов сделать короткую сводку событий и представить их в виде доклада. Одобряете, Николай Николаевич? Итак... Вот, например: 21 сентября в Лейпциге начался процесс о поджоге Рейхстага. На скамье подсудимых пятеро коммунистов. Далее перечисляют имена. Главарь поджигателей руководитель коминтерновского подполья Георгий Димитров. Сегодня германские власти арестовали корреспондента ТАСС, направлявшегося в зал суда для освещения процесса в советской прессе.

— Коммунистов оправдают, но сама идея себя не оправдывает.

— ...Далее... ещё из Германии. Праздник Рош ха-шана отмечался немецкими евреями с «рекордной посещаемостью немецких синагог» вопреки волне антисемитских указов нацистского правительства о начале 5694 года по еврейскому календарю. А вот ещё: Имперская палата культуры создана в Германии по указанию министра пропаганды Йозефа Геббельса, который занял пост президента Палаты. Указ обязывает

и всех деятелей культуры зарегистрироваться в качестве членов одного из подразделений организации. Далее перечисляют подразделения: Имперская кинокамера, Имперская театральная палата, литература, музыка, радио, изобразительное искусство и даже пресса. Участие в палате даёт определённые привилегии, пользоваться которыми могут только арийцы. И конечно же, только арийцам предоставляется членство в указанной палате... Теперь несколько слов об Американских Соединённых Штатах.

Юденич затаился, замкнулся, сделался похож на закрытый сундук. Утренние прохожие на Круазетт больше не интересуют генерала. Он больше не слышит плеска тихого прибоя. Генерал видит занесённые снегом склоны Девебойну или купола Исаакия, подсвеченные огнём солнца. Он слышит щелчки ружейных выстрелов или стоны раненых? Кто знает? Чем бы его отвлечь? Рискнуть, заговорив о России? После короткого молчания Масловский решился.

— У меня есть «Возрождение». Впрочем, это позавчерашний номер.

— Женечка, милый, читай всё, что считаешь интересным...

— «Начальник политотдела Московско-Казанской железной дороги сообщает о злостном саботаже перестройки в вагонном отделе дороги. И тут тоже виноватыми оказываются коммунисты. Начальник политотдела Рязанско-Харьковской железной дороги установил, что ряд коммунистов выходили на работу в пьяном виде и прогуливали»... Дальше всё о том же: саботаж, пьянство, расхищение соцсобственности, рапорты партийцев об успешной работе, кадровые чистки и тому подобное. Но есть и новости, которые можно считать

позитивными. Вот, например, из области фантастики. Маршал Михаил Тухачевский, заместитель народного комиссара Советской армии и флота, приказал создать Научно-исследовательский институт реактивных двигателей, или РНИИ, чтобы начать разработку ракет, в том числе и космических, в Советском Союзе.

На последнюю новость Юденич отреагировал.

— Тухачевский принёс много вреда. Странно, что он до сих пор не убит, как Алексеев. Впрочем, все эти новости не новы и свидетельствуют об одном: мир скатывается в войну ещё более кровавую, чем та, которую мы пережили, потому что та война так и осталась незавершённой. Возможно, ты, Женечка, и другие увидите её продолжение...

— В аспекте нынешних новостей наш друг сэр Уинстон со всей его философско-экзистенциальной ненавистью ко всему русскому представляется несколько старомодным, — поспешил проговорить Масловский: намёки командира на близкую кончину совсем не нравились ему.

В поисках спасения он снова ухватился за газеты и, несколько минут полностью отгороженный от мира, изучал крикливые заголовки, пытаясь найти среди них нейтральные. Английский, французский, немецкий языки... Непривычная лаконичность кириллицы без дореволюционных яти, фиты и ижицы. Без них строки русского текста словно ободранные, чужие, иномирные. Будто и сам ты уже не русский, а невесть кто, мертворождённый плод, выкидыш эпохи. Масловский с горечью размышлял о речи нынешних русских, советских людей. Такова же она, как раньше, или изменилась вместе с написанием слов? Каково-то им с генералом станет, если нынче же услышат её?

* * *

-- Вы позволите?

Кто это обратился к нему по-русски? Масловский обернулся. Приземистая и тонкая старуха с присущим подобным особам забавно воинственным видом, вооружённая костяной клюкой, смотрела на него пронзительными фиалковыми глазами. Обычная старуха, лицо в сетке морщин, тонкой ниточкой рот, лоб в обрамлении седых куделек, на плечах старомодная цыганистого фасона шаль, ноги прикрыты пёстрой юбкой, слишком глубокое декольте демонстрирует увядшую и в прошлом веке грудь. В ответ на слишком пристальный взгляд Масловского старуха запахнула шаль с девицей поспешностью, странной для особы в столь преклонных годах.

-- *Laissez passer la dame, Monsieur*¹, — прорычал её спутник с чудовищным русским акцентом.

Они протиснулись меж столиков, уселись в углу. Последовал короткий диалог с чернокожим гарсоном, и вот уже на столе перед ними блюдо с улитками, раки, кувшин с белым вином и небольшой графин с жидкостью, прозрачной, как слеза. Старуха незамедлительно принялась за еду. Её огромный, медведopodobный спутник, не дожидаясь услуг гарсона, налил себе из графина, махнул, понюхал рака и на том успокоился.

— Николай Николаевич! — Масловский тронул Куденича за рукав.

— Что тебе, Женечка, милый?

— Посмотрите на них.

— Э-э?..

¹ Позвольте даме пройти, месье (фр.).

— Вот эта пара. Молодец с военной выправкой и старуха. Я бы подумал, что мамаша выгуливает своего перезрелого сына, если бы...

— А я думаю, они русские. Мужик пьёт водку в десятом часу утра. Старуха кушает улиток. Он-то точно русский, но вот она... цыганка... татарка...

Разглядывая старуху, Юденич несколько оживился, словно припоминая что-то. Масловский, наоборот, затаился, желая не спугнуть оживление своего командира.

— А помнишь, Женя... нет, ты не можешь помнить. Это произошло в моём тифлисском доме, когда тебя там не было. Адам Ковших привёл к нам свою подружку, Амаль Меретук. Они явились как раз после приезда фотографа. Ну уж фотографа-то ты должен помнить наверняка. Александра Николаевна показала этой... Меретук фотографии, и та наговорила ей всякого между делом за чаем. Напугала. Но и хорошее говорила, о твоей книжке. И вот она написана. И издана. Тебе она напророчила долгую и счастливую жизнь, а про других всякого плохого понаказала. И ведь действительно, Де-Витт исчез через два года после памятного чаепития, Воробьёва последний раз видели летом 1920 года в Крыму. Кажется, он состоял там без должности при штабе Врангеля. А потом... что с Николаем Михайловичем стало потом, никто не знает. Женя, милый, может быть, ты... нет, и ты не знаешь.

Он умолк, смущенный взглядом Масловского, который не скрывал своей жалости. В ста метрах от них средиземноморский прибой играл кристаллами кварца. По бульвару Круазетт двигались люди. Мужчины и женщины, пешие и на велосипедах. Солнце припекало. В разгар сентября на Лазурном Берегу ещё жарко. Масловский смотрел на море и гуляющих людей,

стараясь избегать взглядов своего боевого командира. Четырнадцать лет минуло. Оба они состарились, но раны ещё свежи. Раны зияют...

— Она смотрит на меня, — продолжал Юденич. — Она делает ручкой... Амаль Меретук, женщина-кавалер медали за храбрость. Без сомнения, это Амаль Меретук... Но кто же с ней? Тоже герой: уговорил уже пол-литра с утра, и чёрт ему не брат. Этот не может быть чужой. Кто-то из наших армейских, из наших казаков?

— Медведев или Зимин, — быстро ответил Масловский. — Кто-то из них к ней сватался, но потом вы сами знаете, как всё обернулось...

— Надо выяснить... Женья, милый, пригласи же их к нам. Я обязан ей сказать, что до сих пор и вопреки всему храню её колоду!

Москва, 2022 год

Литературно-художественное издание

Военные приключения

Беспалова Татьяна Олеговна

ФОРТ ДАЛАНГЕЗ

Выпускающий редактор *В.И. Кичин*

Художник *Ю.М. Юров*

Корректор *Б.С. Тумян*

Дизайн обложки *Д.В. Грушин*

Верстка *Н.В. Гришина*

ООО «Издательство «Вече»

Адрес фактического местонахождения:

127566, г. Москва, Алтуфьевское шоссе, дом 48, корпус 1.

Тел.: (499) 940-48-70 (факс: доп. 2213), (499) 940-48-71.

Почтовый адрес:

127566, г. Москва, а/я 63.

Юридический адрес:

129110, г. Москва, пер. Банный, дом 6,
помещение 3, комната 1/1.

E-mail: veche@veche.ru

<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 05.02.2023. Формат 84×108 1/32.

Гарнитура «KudrashovС». Печать офсетная. Бумага газетная.

Печ. л. 9,5. Тираж 2000 экз. Заказ С-0308.

Отпечатано в типографии филиала

АО «ТАТМЕДИА» «ПИК «Идел-Пресс».

420066, Россия, г. Казань, ул. Декабристов, 2.